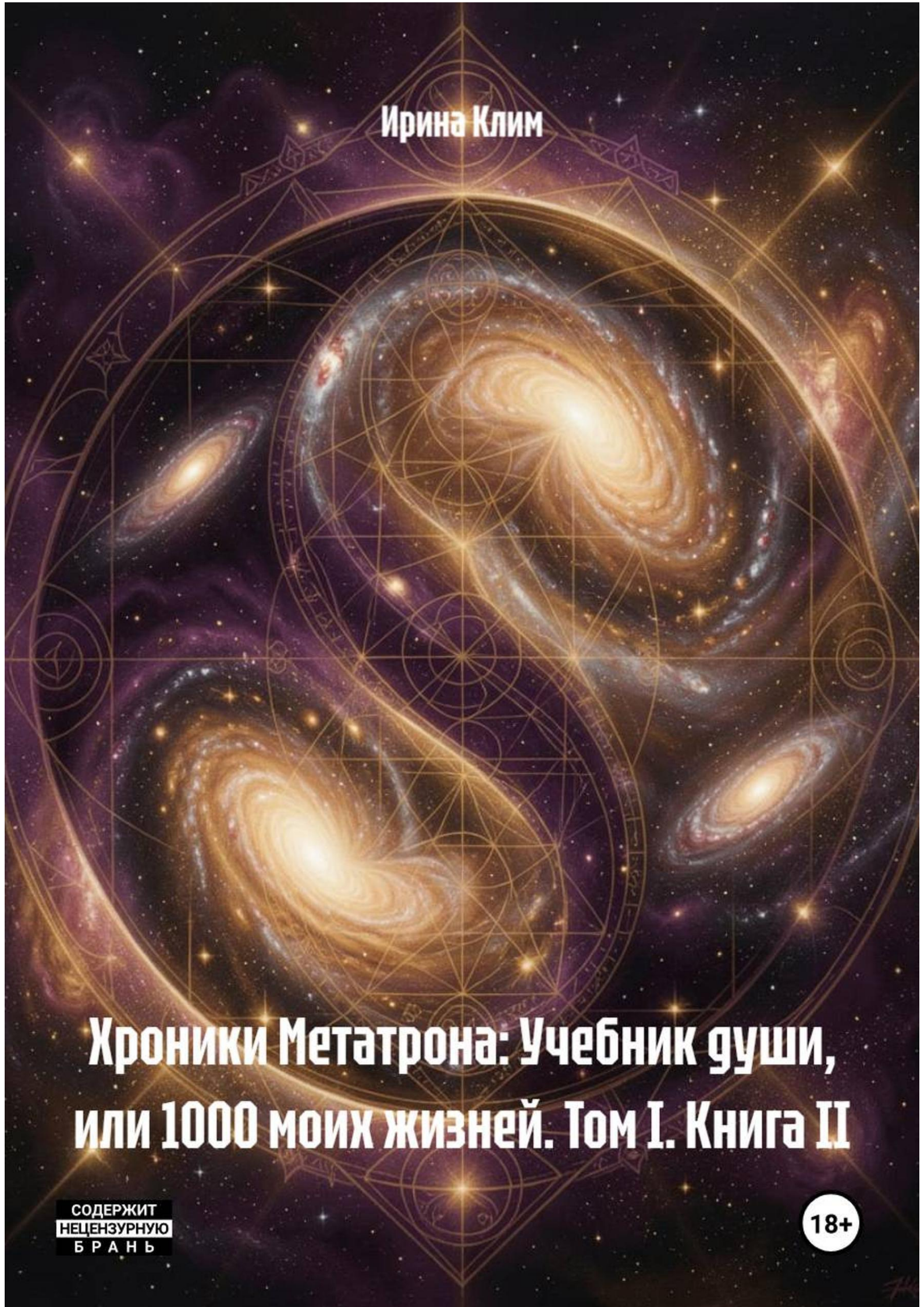

Ирина Клим
Хроники Метатрона: Учебник души, или 1000 моих жизней. Том I. Книга II
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ирина Клим

Хроники Метатрона: Учебник души, или 1000 моих жизней. Том I. Книга II

«Автор»
2026

Клим И.

Хроники Метатрона: Учебник души, или 1000 моих жизней. Том I. Книга II / И. Клим — «Автор», 2026 — (Хроники Метатрона: Учебник души, или 1000 моих жизней)

«Учебник души или 1000 моих жизней» — эпическое путешествие одной вечной души сквозь тысячу воплощений. Цикл увлекательных историй в жанрах от исторической прозы до тёмного фэнтези. Грандиозный сериал об эволюции сознания, который можно читать бесконечно.Отправляйтесь в путь от парижских дворцов эпохи Медичи до демонических пустошей древних эр и кибернетических помоек далёкого будущего. Наблюдайте, как одно сознание в поисках ответов на вечные вопросы о любви, мести, свободе воли, природе зла и цене выбора плетёт грандиозное полотно своей кармы. А два маленьких чертёнка, случайно нашедших Сферу, хранящую эти воспоминания, смеются и спорят, постигая природу сознания и законы вселенной через судьбы этой души и её кармических спутников.Голос тьмы. Голос света. Тысяча жизней. Одна душа. Вечный спор.

© Клим И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Карта мироздания 6
| | | | | - Человеческая Эра / Эра Людей 7
Век Кали 8
Век Дурги 10
Век Шивы 11
Век Вишну 13
Век Брахмы 14
| | | | | | | - Светлая Эра / Эра Светлых Богов 16
| | - Тёмная Эра / Эра Тёмных Богов 19
| | | | | - Эра Магии и Драконов 20
| | Эра Полной Луны / Эра Тварей и Демонов 21
| - Эра Ктулху 22
| Инопланетная Эра / Эра Инопланетян 23
| | | | | | - Серая Эра 25
Два маленьких чертёнка 26
Кровавая Барыня. Часть 1 28
Хозяйка Нижнего Астрала 42
Кровавая Барыня. Часть 2 49
Расскажи мне сказку, мама 60
Сказки Барыни: Белая Змея 64
Кристина 67
Хозяйка баркасов 69
Ребёнок с глазами цвета индиго 70
Кармический флирт в эпоху небоскребов или «просто так» 73
Глава I 74
Глава II 81
Глава III 85
Глава IV 92
Глава V 97
Эпилог 100
Дополнение: Наш светленький малыш 101
Сказки Барыни: Синий замок 103
Мальчик, который звал меня «мама» 105
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Хроники Метатрона: Учебник души, или 1000 моих жизней. Том I. Книга II

Ты — центр мира для меня,
Меня на части разбери.
Я ненавижу лишь тебя,
Меня в душе своей храни.
Нет ненависти — нет любви.

Искать я буду лишь тебя,
Пересекая все миры,
Чтоб кожу вновь твою содрать,
Чтоб вынуть сердце из груди.
Нет ненависти — нет любви.

Пытать я буду лишь тебя,
Хватай за горло и души.
Я буду грезить и мечтать,
Глаза свои мне подари.
Нет ненависти — нет любви.

Ломать я буду лишь тебя,
Меня на части разорви.
Не стану я тебя прощать,
Остатки сердца собери.
Нет ненависти — нет любви.

И помнить буду лишь тебя,
Покой души мой забери.
Моя душа ведь вся твоя,
Меня любимой назови.
Нет ненависти — нет любви.

Карта мироздания

Путеводитель Бытия Вечной Души

Вселенская эпоха состоит из 8 эр, которые включают около 30 Веков.

Эры существуют одновременно, то есть параллельно, по-разному проявляясь в разных Векторах Времени.

Время и пространство не линейные. В рамках Вселенской эпохи существует великое множество миров. Наш текущий физический мир в составе Вселенской эпохи — как маленькая крупинка в огромном мешке риса.

8 эр Вселенской эпохи:

| | | | | Человеческая Эра / Эра Людей
| | | | | | | Светлая Эра / Эра Светлых Богов
| | Тёмная Эра / Эра Тёмных Богов
| | | | | Эра Магии и Драконов
| | Эра Полной Луны / Эра Тварей и Демонов
| Эра Ктулху
| Инопланетная Эра / Эра Инопланетян
| | | | | | Серая Эра
| *— схематичное обозначение Века (Столпа — в некоторых эрах)*

Всего указано 29 Веков, плюс добавляем пересечения эр, которые создают 30 Век. Но не все эры Вселенской эпохи пересекаются.

I I I I I - Человеческая Эра / Эра Людей

**Хронология Эры будет продолжать детализироваться в последующих томах*

Человеческая Эра включает 5 Веков:

Век Брахмы

Век Вишну

Век Шивы

Век Дурги

Век Кали

Ниже рассмотрим хронологию каждого из Веков Человеческой Эры или Эры Людей (в обратном порядке).

Век Кали

Век Кали включает 9 циклов. Продолжительность одного цикла составляет около 35 000 лет. За один цикл происходит 9 ядерных войн и 6 поворотов Земли.

Ниже приведена хронология Века Кали с некоторыми отметками: временными отметками; событийными отметками; отметками существовавших на Земле цивилизаций; отметками важных архитектурных сооружений. Примеры архитектурных сооружений до начала Века Кали — Кайлас, Сфинкс. Начало Века Кали ознаменовано падением последних богов.

Хронология Века Кали

Схематичное обозначение:
> — один цикл
| — 1000 лет

> 1 цикл (Пирамиды, Статуи на о. Пасха, Колизей, Акрополь)
> 2 цикл (Стоунхендж, Великая китайская стена, Сигирия, Ангкор-Ват)
| Начало нашего цикла Века Кали
| Гиперборея или Атланты: закат цивилизации — 15 000 лет назад
| ***Поворот земли***
|
|
|
|
|
Первая ядерная война
|
Поворот земли
|
|
| Лемурийская цивилизация — 5 000 лет назад / Атлантида: закат — 5 000 лет назад и еще 16 цивилизаций* (11 белых, 4 чёрных, 1 красная, 1 зеленая, 1 синяя)
Вторая ядерная война / Вторая война с Драгурами
|
|
Третья ядерная война — 3 826 лет назад
| ***Поворот земли***
|
Четвертая ядерная война
| Текущее время (наш 21 век)
|
|
Пятая ядерная война
| ***Поворот земли***
|
|
| Киберпанк: начало — 6 000 лет вперед
|
Шестая ядерная война

| ***Поворот земли***
|
Седьмая ядерная война
| Киберпанк: расцвет — 10 000 лет вперед
|
|
Восьмая ядерная война
| Киберпанк: закат — 13 000 лет вперед / ***Поворот земли***
|
|
|
|
| **Девятая ядерная война**
> 3 цикл
> 4 цикл
> 5 цикл
> 6 цикл
> 7 цикл
> 8 цикл
> 9 цикл

**Дополнительно:*

18 цивилизаций на Земле, существовавших 5 тысяч лет назад (до Второй ядерной войны) с цветовыми метками, характеризующими цвет кожи:

Чёрные:
Гамунги
Ракшасы
Сутхи
Предсингальская / Марсианская цивилизация
Белые:
Майя
Лемурийцы
Атлантида
Драгуры
Вторая Египетская цивилизация
Ацтеки
Славянская цивилизация
Первая Китайская цивилизация
Демоны / Демоническая раса
Шаманайская цивилизация
Вавилонская цивилизация
Красные:
Инки
Зеленые:
Квелоны / Квелонская цивилизация
Синие:
Сурины

Век Дурги

Век Дурги имеет отличное течение времени от Века Кали. 1000 лет в Век Кали это приблизительно 10 000 лет (одно тысячелетие) в Век Дурги. Век Дурги включает 12 циклов. Продолжительность одного цикла составляет около 100 000 лет.

Хронология Века Дурги

Схематичное обозначение:
> — один цикл
| — 10 000 лет

> 1 цикл
> 2 цикл
> 3 цикл
> 4 цикл
> 5 цикл
> 6 цикл
> 7 цикл
|
|
|
|
|
| Махабхарата: Битва на Куркушетре
|
|
|
|
> 8 цикл
> 9 цикл
> 10 цикл
> 11 цикл
> 12 цикл — последний перед веком Кали
|
|
|
|
|
|
| Махабхарата: последняя война
|
|
| Гибель Асурийской цивилизации | **Первая планетарная ядерная война**

Век Шивы

Век бессмертных и первых демонов. Век Шивы имеет отличное течение времени от Века Дурги. 10 000 лет в Век Дурги это приблизительно 100 000 лет (одно тысячелетие) в Век Шивы. Век Шивы включает 18 циклов — 14 светлых циклов и 4 тёмных. Продолжительность одного цикла составляет 936 000 лет, то есть около 1 000 000 лет. Для Века Шивы характерно постепенное угасание светлых циклов и усиление тёмных как по периодичности, так и по силе.

Хронология Века Шивы

Схематичное обозначение:
> — один цикл
| — 100 000 лет

> 1 цикл
> 2 цикл
> 3 цикл
| Падение Афины
|
|
|
|
|
|
|
|
|
> 4 цикл
> 5 цикл
> 6 цикл — тёмный
|
|
|
|
|
|
|
|
| Падение последних Греческих богов
|
|
> 7 цикл
> 8 цикл
> 9 цикл
> 10 цикл
> 11 цикл — тёмный
> 12 цикл
> 13 цикл
> 14 цикл
> 15 цикл — тёмный

> 16 цикл Кайлас: расцвет
> 17 цикл
> 18 цикл — тёмный

Век Вишну

Течение времени в Веке Вишну не отличается от Века Шивы. Век Вишну включает 10 циклов. Продолжительность одного цикла составляет около 10 000 000 лет. Один цикл представляет собой одну Планетарную эпоху. Циклы в Веке Вишну существуют одновременно, а не идут друг за другом. Несмотря на то, что все Века, перечисленные выше, идут друг за другом, они также существуют одновременно. Как и все эры. Но внутри определенных эр и веков присутствует линейность. Поэтому в рамках этих эр и веков мы можем строить линейную хронологию. Внутри Века Вишну мы этого делать не можем. Как и внутри следующего Века — Века Брахмы.

Хронология Века Вишну

Схематичное обозначение:
> — один цикл

> цикл — Планета Красных Драконов
> цикл — Планета Оранжевых Кристаллов
> цикл — Золотое Солнце
> цикл — Зелёная Земля
> цикл — Голубая Венера
> цикл — Чёрный Магинат или Планета Тёмных Порталов
> цикл — Планета Ангелов
> цикл — Пантеон Полубогов
> цикл — Сфера Жизни
> цикл — Калейдоскоп Вселенной

Век Брахмы

Век Первых Богов. Век Брахмы имеет отличное течение времени от Века Вишну и Века Шивы — время течет в 3 раза медленнее. Продолжительность Века Брахмы составляет около 1 000 000 000 лет. В Веке Брахмы нет циклов.

Сводная таблица по продолжительности Веков в связке со сменой течения времени:

Век	Течение времени Века Брахмы относительно других Веков	Сколько Век Брахмы длится для других Веков (учитывается только скорость времени)	Сколько «собственных лет» длится Век	Количество циклов в Веке	Продолжительность одного цикла в Веке
Брахмы	1 (база)	1 000 000 000	1 000 000 000	—	—
Вишну	в 3 раза медленнее	3 000 000 000	100 000 000	10	10 000 000
Шивы	в 3 раза медленнее	3 000 000 000	18 000 000 (16 848 000*)	18	1 000 000 (936 000*)
Дурги	в 30 раз медленнее	30 000 000 000	1 200 000	12	100 000
Кали	в 300 раз медленнее	300 000 000 000	315 000	9	35 000

*Продолжительность веков и циклов никогда не равняется полному числу. Округление указано для удобства. Это всегда число, сумма цифр которого равняется одной из следующих цифр: 4, 6, 8, 9. Как указано для примера в Веке Шивы: 1 цикл — 936 000 лет. 936 000 = 9 + 3 + 6 + 0 + 0 + 0 = 18 = 1 + 8 = 9. Полный Век Шивы: 16 848 000 лет. 16 848 000 = 1 + 6 + 8 + 4 + 8 + 0 + 0 + 0 = 27 = 2 + 7 = 9.

Век Брахмы — Вершина пирамиды. Тот Свет. Великий Свет. Век Кали — Основание пирамиды. Пирамида не может существовать без основания и без вершины. Грани пирамиды — 4 столпа творения. Столпы творения — опоры вселенной — 4 стороны света, 4 времени года, 4 времени суток, 4 стихии, 4 основания в ДНК, 4 группы крови у человека, 4 всадника апокалипсиса, 4 масти в картах Таро и т.д.

Триада есть заблуждение — у Пирамиды Вселенной четыре грани. Под Брахмой стоят четыре Верховных Бога. Они всегда пытаются вычеркнуть Великую Мать или Великую Тьму. Но забывают, что она — та, кто ограждает их от Вечной Пустоты, которая поглощает даже Брахму. Брахма исчезает и возвращается снова, когда Пустота отступает.

Когда Тьма снова обретает форму, сдерживая Великую Бездну, может существовать и Брахма. Когда Тьма обретает форму, когда Великая Бездна рождается в образе, — появляется Великий Брахма. Существование Брахмы не зависит от существования Тьмы. Как и существование Тьмы не зависит от существования Брахмы. Но если Великая Бездна поглощает пространство, Брахма не проявлен. Когда проявляется Великий Брахма, Тьма снова обретает форму, сдерживая Великую Бездну. Они всегда вместе. И всегда отдельно. Тьма и Свет. Свет и Тьма.

Великая Тьма обретает форму, и в основании пирамиды сотворяются бесконечные демонические земли. Великий Брахма, проявляясь, рождает четыре столпа творения, которые,

материализуясь в чертогах вселенной, падают, опираясь на демонические земли. Они будут стоять, пока демонические земли существуют. Как только пространство дрогнет, основание разверзнется, и столпы падут, а Великая Бездна поглотит Свет Вселенной.

Каждая смена восприятия времени — это смена мерности. Земля или другие отдельные планеты — лишь иллюзии, хотя в определенных периодах они реальны. Существует только пространство Пирамиды, в котором заключено сознание.

I I I I I I - Светлая Эра / Эра Светлых Богов

Светлая Эра есть парад планет. Нет времени. Только Вехи Созвездий или Божественные Вехи. Сменяются созвездия — сменяются циклы. Но это лишь в нашем человеческом восприятии. На самом деле, все циклы, они же Вехи Созвездий или Божественные Вехи, существуют от начала времён.

Светлые боги вездесущи. Светлые боги — лучи Брахмы. Чем выше к верхушке Пирамиды, тем больше света.

Существуют миллионы вариаций божественного звёздного неба, но всего двенадцать Вех. В каждой Вехе — семь Столпов Мироздания. Эти Столпы мы можем называть Веками. Таким образом, продолжительность Светлой Эры — семь Веков (семь Столпов). Сами же Вехи не являются Веками; Вехи — это архетипы Божественного Бытия.

Божественные Вехи

**Столпы будут раскрыты в последующих томах*

Веха 1

Полярная звезда на юге. Большой Медведицы нет. Козерог в Овне. Стрелец в Тельце. Алый Млечный Путь. Красное солнце. Зелёная луна. Семь звёзд — семь богов:

Ашаи
Су
Ом
Ра
Ши
Эс
Нума

Веха 2

Красные листья осени — двенадцать звёздных углов. Двенадцать богов, правящих небом. Их имена забыты. Солнца и Луны нет. Двенадцать созвездий, как символы двенадцати божеств:

Красный тигр
Белая цапля
Зелёная змея
Рыжая обезьяна
Красно-жёлтый дракон
Чёрный вепрь
Золотой орёл
Зелёная жаба
Серая крыса
Золотой олень
Бурый медведь
Чёрная росомаха

Веха 3

Мириады звёзд соберутся в Серп Вечности. Полумесяц силы. Он украсит небо своим свечением. Зелёное солнце и Красная луна. Парад девяти планет — девять богов:

Марс
Венера
Юпитер
Сатурн
Нептун
Уран

Меркурий
Гея, или Земля
и Луна

Веха 4

Придёт старуха, опирающаяся на два сухих посоха. Она приведёт за собой тех, кого назовут Небожителями. На небе взойдет Звёздный Дракон. Божества нового порядка. Огонь. Вода. Земля. Воздух. Эфир. Четыре первопричины и один связующий элемент.

Веха 5

Красное солнце. Чёрный Марс. Звёзды падут. Пустое небо. Тёмная брешь. Веха, в которой Тёмные боги на мгновение зайдут в Светлый мир. А потом звёзды вернутся. И небо озарится ярким светом, рождая Индуистский Пантеон Божеств. Они те, кто породят человечество. Истоки. Женский и мужской аспект:

Брахма — Вишну — Шива — Рудра — Махакала
Сарасвати — Лакшми — Парвати — Дурга — Кали

Веха 6

Египетские боги — восемнадцать созвездий займут божественное небо:

Ра – солнце, свет вселенной
Амон – жизненная сила
Нун – хаос, непокорные воды
Геба – земля и жизнь
Нут – небо и звёзды
Осирис – проводник смерти
Исида – мать и защитница
Сет – хранитель песков
Тот – повелитель луны и теней
Сехмет – война и разрушение
Хатхор – дар любви
Бастет – тепло домашнего очага
Мин – плодородие и процветание
Собек – повелитель рек
Маат – истина и справедливость
Гор – власть и порядок
Хека – магия и невидимое око
Ху – звук и голос

Египетские Боги первыми сойдут с Небес. Их имена будут первыми. Их имена изменятся ни один раз. Но они останутся прежними.

Веха 7

Кровавая заря. Тьма с востока. Первое падение Светлых богов. Первое обращение в Тёмных божеств. Звёзды Тьмы. Четыре Всадника Апокалипсиса рождены из Света. Четыре Всадника Апокалипсиса не приходят из преисподней. Четыре Всадника Апокалипсиса всегда спускаются с Небес:

Голод
Смерть
Чума/Мор
Война

Веха 8

Звёзды выстраиваются в знак бесконечности. Замыкается Кармический цикл. Змей пожирает свой хвост. Рождаются первые бесы. Они будут держать кармическое колесо на божественном небе. Восемнадцать личин у девяти бесов.

Веха 9

Звёзды памяти. Сотворение первых душ. Каскады созвездий создадут гороскоп всех, когда-либо живущих во Вселенной. Каждая душа будет отражена на небе. Небесные рукописи неизменны и нерушимы.

Веха 10

Чёрный Магинат. Рождение планеты Чёрных Кристаллов. Чёрные Кристаллы светятся серебристым светом в руках Светлого бога. Девять Чёрных Кристаллов образуют корону, которую Брахма подарит Вечной Тьме, когда она придёт во второй раз в божественные земли. И когда она падёт, корона падёт с ней, защищая её от света.

Веха 11

Пришествие Христа. Рождение Бога, в которого поверят миллионы. Бог тысячи народов. Бог, который переживет поколения. Бог, которого не забудут. Его имена будут меняться, но он будет продолжать возвращаться — в разных временах, в разных религиях.

Веха 12

Созвездия Божественных Драконов. Двенадцать Драконов — двенадцать эмоций. Они вдохнут их в мир смертных:

Дракон Страха
Дракон Радости / Смеха
Дракон Покоя / Умиротворения
Дракон Тревоги
Дракон Печали
Дракон Вины
Дракон Отчаяния
Дракон Восхищения
Дракон Гнева
Дракон Ненависти
Дракон Любви
Дракон Веры

Будут думать, что эти чувства родились в низших мирах, но на самом деле их принесли Божественные Драконы.

I I - Тёмная Эра / Эра Тёмных Богов

**Более подробно Эра будет раскрыта в последующих томах.*

Из Великой Бездны родится Великая Тьма. Она — та, кто поведёт за собой Королей Ада, которые создадут Адские миры на Тёмных землях.

Четыре Короля Ада — Четыре Тёмных Странника:

Слепая Старуха с чёрным посохом

Река Забвения — Река Времён — Река Смерти

Тёмная Богиня

И её Тёмный Брат

Близнецы будут биться на Адских землях, повергая их в Хаос. Они будут стремиться соединиться, но их притяжение друг к другу будет вызывать взрыв. Они никогда не смогут соединиться. В этом будет их проклятие. И в этом будет один из ключей Тёмного бытия.

Близнецы призовут первую Тёмную армию. Призовут первых Демонов. Тьма продолжит обретать форму в миллионах демонических существ.

Там, где пройдёт Слепая Старуха, раскинутся Земли Потерянных Душ. Слепая Старуха — проводник проклятых душ. Она поведёт их через 9 кругов ада.

9 кругов ада — 9 разрушающих демонов:

Демон Надежды

Демон Зависти

Демон Невежества

Демон Мести

Демон Одержимости

Демон Гордыни

Демон Чрезмерности

Демон Обиды

Демон Стыда

На Адских Землях нет времени и нет циклов. Только два Тёмных Столпа и Бескрайняя Лестница.

Два Тёмных Столпа, на которых стоят Тёмная Богиня и Тёмный Брат, — нерушимые основы Тёмной Эры. Пока стоят Столпы и пока Близнецы сражаются, бесконечно множатся демонические миры.

Бескрайняя Лестница. Тёмная спираль. Ступени этой лестницы — те самые бесконечные демонические миры. Нет конца. У Бездны нет дна. Ты будешь падать в Ад, пока не решишь подняться обратно. Подняться вверх. Чем дольше ты будешь падать, тем больше ступеней тебе предстоит пройти, чтобы вернуться.

Но, поднимаясь по ступеням, поднимаясь по Адским мирам, ты можешь потерять себя и не захотеть вернуться. Ты выберешь Ад, потому что Река Забвения сотрёт твою память.

Но Старуха укажет тебе путь. Если будет тот, кто позовёт тебя с той стороны. И ты захочешь туда вернуться.

I I I I I - Эра Магии и Драконов

**Хронология Веков данной Эры будет раскрыта в последующих томах.*

Золотой Век

Серебряный Век

Бронзовый Век

Медный Век

Железный Век

Чёрный Век

Чёрный Век — лишь наполовину принадлежит Эре Магии и Драконов, поэтому в данной эре указано пять Веков.

| | Эра Полной Луны / Эра Тварей и Демонов

**Хронология Эры будет детализирована в последующих томах.*

Когда Тьма выйдет за границы Ада, когда Тёмные Боги шагнут в человеческие миры, взойдёт Полная Луна, провозглашая Эру Тварей и Демонов.

Каркас Эры Полной Луны — все те же два Столпа Тёмной Эры, из которых прорастут пять многомерных ветвей, образуя Ветви Тёмного Древа. Пять многомерных ветвей прорастут в разных временах и пространствах. На каждой из многомерных ветвей, как плоды Тёмного Бытия, расцветут 18 многомерных реальностей.

I - Эра Ктулху

Ктулху — первородный хаос. Первородный хаос — это то, что было до того, как появились свет и тьма. То, что существует за пределами света и тьмы. То, что будет, когда свет и тьма снова исчезнут. Первородный хаос — это то, что есть всегда.

Когда Брахма и Тьма замыкают пирамиду, они замыкают Первородный Хаос. И Хаос, запертый гранями пирамиды, начинает обретать сознание. Так проявляется Ктулху. Великий Тёмный осьминог, пожирающий души.

Но Ктулху не принадлежит ни Брахме, ни Великой Тьме. Находясь в пространстве пирамиды, он вечно заперт в этой тюрьме. Он всегда рядом, но всегда недосягаем. Ты можешь коснуться его, протянув руку. Он всегда там, где ты. Но ты никогда не сможешь почувствовать его. Если только он не позовёт тебя.

Но далеко не каждый сможет откликнуться на зов Ктулху. Твоя душа должна быть разрушена, чтобы ты смог впустить первородный хаос. И ты должен оказаться там, где Ктулху это почувствует. Там, где нет времени. Там, где нет пространства. В единственном месте пирамиды за пределами клетки Ктулху, где нет света и тьмы. В морской пучине, которая открывается, когда появляется Великий Водоворот.

| Инопланетная Эра / Эра Инопланетян

**Хронология Эры будет раскрыта в последующих томах.*

Инопланетная Эра включает 18 галактик, которые вращаются вокруг Чёрной дыры. В каждой галактике — одно солнце и 18 планет. Цикл галактики состоит из 18 ярусов.

Каждый ярус представляет определённое количество обитаемых планет. В классическом варианте (в большинстве случаев) ярусы идут на уменьшение. То есть: 1-й ярус — все 18 планет живы и заселены; 18-й ярус — лишь одна планета в галактике обитаема, между 18 и 1 ярусами количество живых планет может разниться. Но из этой системы бывают исключения в некоторых галактиках.

Один ярус длится 18 веков (внутри эры). 1 век = 9 цитронов. 1 цитрон ~ 1 млн световых лет (галактическое летоисчисление).

Сама же Инопланетная Эра в рамках вселенной длится один Век (как символ каждой галактики), так как все 18 галактик существуют одновременно. Однако не все они соединены маршрутами для перемещения между собой.

Хронология Инопланетной Эры

Схематичное обозначение:
> — один цикл (одна галактика)
| — век внутри яруса
век = 9 цитронов
цитрон ~ 1 млн световых лет

> цикл Асгура
1 ярус
2 ярус
3 ярус
4 ярус
5 ярус
6 ярус
7 ярус — 12 живых планет
|
| Межгалактический бордель & Исцеление Асгуры
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|
|

|
8 ярус
9 ярус
10 ярус
11 ярус
12 ярус
13 ярус
14 ярус
15 ярус
16 ярус
17 ярус
18 ярус
> цикл Битимус (или Бимус)
> цикл Валанор
> цикл Гергата
> цикл Зигн (или Зайт)
> цикл Квелон — *Звёздные войны/Дарт Вейдер здесь*
> цикл Масгута
> цикл Андромеда — *галактика, где присутствовала Земля в некоторые периоды*
> цикл Лидра
> цикл Арува
> цикл Кейтос
> цикл Минарикс
> цикл Овус
> цикл Искар (или Ишкар)
> цикл Рерарион (или Рерурион)
> цикл Петрос
> цикл Асгайта
> цикл Яката

Перемещаться между галактиками можно только через порталы.

Земля, на которой мы находимся сейчас, не входит ни в одну из вышеперечисленных галактик. И наша галактика — есть иллюзия. Потому что в Веке Кали существует только Земля. Некоторые верхние Века (например, Вишну и Шивы) в какие-то периоды времени пересекались с Инопланетной Эрой. Оттуда — те самые следы инопланетных цивилизаций на Земле.

В Век Кали невозможно открыть портал в другие галактики. Плотность мира не соответствует необходимым для этого условиям.

| | | | | - Серая Эра

**Более подробно Эра будет раскрыта в последующих томах.*

Серая эра — дом твоей души. Серая эра — дом твоего сознания.

Серая эра пронизывает все миры, но остается в тени. Она индивидуальна для каждого, но одинакова для всех. Попадая туда, ты можешь не выбраться обратно. И ты станешь кормом для более могущественных существ. Серая эра пожирает твою энергию. Энергию творения.

Она всегда здесь. Всегда в тени. Там есть всё, что ты пожелаешь. Там есть всё, чего ты боишься. Это вход и выход. Начало и конец. Вереница дорог и тупик. Пропасть и мост. Ты сам выбираешь путь.

Нет времени. Нет пространства. Только души и их осколки, застрявшие в ментальной вечности.

Серая эра существует шесть веков, потому что пронизывает шесть эр — все эры, кроме Эры Ктулху.

Два маленьких чертёнка

В тёмной пропасти, в расщелине скалы душ были заперты два чертёнка. Они попали сюда случайно, когда пытались утащить шар, который сейчас лежал перед ними. Точнее, это была сфера. Сфера души, показывающая все её кармические воплощения.

Два маленьких чертёнка резвились на границе мира и случайно зацепили потасовку. Старый колдун сражался с божеством. Это было божество средней силы – Хранитель Павильона Кармических Сфер, где были истории каждой когда-либо существовавшей души. Все жизни каждой из многочисленных душ хранила отдельная сфера, которая выглядела как хрустальный шар. Единственное предназначение этих сфер – хранить память забытых жизней.

Божество не помнило, как оказалось в Павильоне Кармических Сфер. Он был всегда. Ни один из его монотонных дней никогда ничем не отличался. Каждый день он проверял и переставлял сферы.

Однажды павильон содрогнулся, и божество потеряло девять сфер. Они упали вниз, и божество направилось за ними. Он чувствовал след потерянных шаров. Найти их не составило труда. Сферы зависли в пространстве недалеко от павильона. Он собрал все, кроме одной, застывшей ниже всех. Сфера осела рядом с вершиной одной из Скал Вечности. Божество уже собиралось забрать последнюю сферу, как его неожиданно сбило потоком энергии. Он чуть не выронил связку шаров, которую так усердно собирал. Он увидел тёмного странника. Неужели он зашел на его земли? Он собрал силу и блокировал следующий удар. Никто из них не заметил двух маленьких чертят, притаившихся за одной из отвесных скал.

«Что это за шар?» – мысленно спросил один другого.

Они были очень любопытные и полетели проверить. Тот, что поменьше, ткнул своим маленьким когтем в зависший в пространстве шар. Шар немного раскачался и снова застыл в неподвижности. Второй схватил сферу своими лапками, но также, кроме небольшого покачивания, ничего не добился. Они крутились возле шара, как маленькие дети, которые придумали, что этот предмет будет их новой игрушкой.

Божество почувствовало энергию шара. Он заметил чертят и резко бросился к ним. Но на подлете его снова перехватил тёмный странник. Божество не собиралось с ним сражаться. Как же его угораздило попасть в такую передрягу? В итоге они вдвоем потоком своих сил снесли чертят и шар со скалы.

Чертята падали очень долго. Они пытались поймать равновесие, но их маленькие крылышки не могли справиться с энергетическим потоком. Так они и попали в Ущелье Душ. Мощные энергии этих гор блокировали их, привязав к этому месту. Маленькие чертята были совсем не готовы к такому раскладу дел. После бесполезных попыток прорваться вверх они начали исследовать маленькое ущелье, точнее маленькую щель в скалах, в которой оказались заперты.

Один из них обнаружил, что шар упал с ними. Шар уже не висел в пространстве, а просто валялся на земле. Они заметили на нём маленькую царапину. Шар немного поменял свой отсвет. Несмотря на свой небольшой размер, шар был тяжёлый. Чертята вдвоем подняли его своими маленькими лапками и перенесли в центр их маленькой тюрьмы.

– Как думаешь, что это такое?

– Не знаю, у этого святоши ещё были такие шары. Артефакты?

Тот, что поменьше, снова ткнул в шар когтем, и внезапно он засветился, и чертята увидели цветные картинки. Они не знали, что такое мультики или кино, иначе бы сразу поняли фишку шара. Им понадобилось больше времени, чтобы понять принцип действия этой сферы. Тот, что поумнее, сообразил, что шар показывает разные жизни.

После каждого прикосновения запускался новый сюжет. Если после прикосновения больше не трогать шар, то, когда сюжет заканчивался, он потухал. Маленьким чёртикам

повезло, что этот шар упал в ращелину с ними, иначе бедолаги умерли бы от скуки. Они не так давно родились в Тёмной Бездне и не знали этого мира. Они не знали мира богов, мира демонов или мира смертных. Они начали изучать их через жизни в шаре. Со временем они догадались, что все жизни связаны. Они не знали, что такое карма, но им попались несколько жизней, упоминающих эту тему. И они поняли, что смотрят жизни одной из вечных душ. Чертята постоянно спорили над сюжетами просмотренных жизней. Тот, что поумнее, часто объяснял второму очевидные вещи. Так они и развлекались в своем бесконечном заточении в Скале Душ.

Кровавая Барыня. Часть 1

Человеческая Эра | Век Кали | 2 цикл | 16-е тысячелетие

[Версия с цензурой]

Я лежала в сырой тёмной земляной яме, испытывая невообразимую психическую боль, которая отдавалась периодическими судорогами в груди. Иногда я начинала задыхаться от охватывающей меня боли. Я разрушила себя и свою жизнь. Но всё, о чём я могла думать, — это женщина, которая бросила меня. Она собирала меня по частям все эти годы. А потом просто ушла. И моя реальность развалилась.

Я снова начала сходить с ума. Пытки. Жестокость. Смерть. Я помню всё это. Но я ничего не чувствовала. Не было даже ненависти. [...]

Я вернулась на 20 лет назад. Я вспомнила как сидела в своём кабинете за письменным столом и писала письмо матери. Я надеялась, она ещё жива. Последние несколько месяцев она сильно болела. Мужа не было дома. Я подумала, что надо проверить ребёнка. Я не ходила к нему уже неделю. Няня приходила и постоянно докладывала о том, что он плакал. Но я не хотела его видеть. Не могла смотреть на него. Я ненавидела всех своих детей. Всех троих. И ненавидела своего мужа. Я хотела, чтобы он сдох вместе с ними.

Думая об этом, я снова вспомнила его. Своё изнасилование в детстве. Я даже не помню, сколько их было. Крепостные. Мой отец это скрыл, вырезав всех.

Я рванулась с места, смахивая всё со стола на пол. На звук прибежала горничная.

— Барыня, что случилось?

— Ничего. Убери это.

Резко успокоившись, я вышла из кабинета в гостиную и, пройдя её, повернула направо в двери, ведущие в сад. Осень только начиналась. Я посмотрела на яблоню впереди и, подойдя к ней, сорвала красное яблоко. Вытерев его о чёрное платье, я откусила кусок.

Я очень любила яблоки. Доев яблоко, я бросила огрызок под яблоню и, сорвав второе, пошла по территории поместья. Все были заняты делом. Сад был в порядке.

Обойдя дом с левой стороны, я вышла на задний двор и увидела резвящихся крепостных. Но, завидев меня, они тут же юркнули в одну из подсобных построек. Моему мужу принадлежало около трёхсот душ. Он хорошо обращался с крепостными. Иногда даже лучше, чем со мной. Ублюдок. Как же я хотела его отравить.

И через три года я его отравила. [...]

Женщина, которая стала моей подругой. Я познакомилась с ней в Москве. Это был приём по случаю дня рождения графа Строганова. Я ничего не ждала от этого мероприятия. Я, как обычно, сидела в одиночестве за небольшим деревянным столиком в углу, попивая чай и разглядывая гостей. Мой муж, кажется, был во втором зале, где играли в карты.

Она подошла ко мне первая. Допив чай, я поставила правый локоть на стол и, опершись о руку, прикрыла глаза. Музыка и шум раздражали меня.

— Почему вы сидите здесь одна?

Я открыла глаза и увидела взрослую девушку. У неё были светлые каштановые волосы и голубые глаза. И она улыбалась мне. Я проигнорировала её вопрос, продолжая изучать лицо с веснушками.

— Вам не нравится этот приём? — спросила она и продолжила болтать, как будто мы уже были знакомы. — А я вот впервые на таком приёме. Едва уговорила тётю взять меня с собой. Мои родители рано умерли, я уже давно живу с ней. И она практически всегда держит меня в четырёх стенах.

Я снова проигнорировала её речь.

— Принести вам чаю? — спросила девушка. Я неожиданно для себя кивнула. И она через некоторое время оказалась рядом со мной с чашкой чая.

Я приняла чашу, поблагодарив её. Это были первые слова, которые я ей сказала. Она развернулась, снова убежав в толпу, а потом вернулась с ещё одной чашей чая, которую она принесла для себя, и снова села за столик.

— Почему вы не общаетесь с гостями?

— Они мне не нравятся, — ответила я.

Она рассмеялась и спросила:

— Значит, я вам нравлюсь?

— С чего ты так решила? — тут же спросила я.

— Потому что вы разговариваете со мной, — логично заметила она.

В этот раз рассмеялась уже я.

И в этот момент подошёл мой муж.

— О, кто-то смог развлечь тебя, дорогая. Но нам пора.

— Я хочу остаться, — тут же сказала я.

— Нет. Мы уезжаем, — отчеканил мой муж. Я боялась его, поэтому подчинилась.

Через несколько месяцев я встретила её снова, на приёме у княгини Розенвальд. И с того времени началась наша дружба. Её тётю польстило моё общество, и она стала часто отпускать её ко мне. Кристина гостила у меня по несколько недель.

Я тогда была на втором месяце беременности. Мы сидели в саду и пили чай.

— А рожать — это больно? — спросила Кристина.

— Больно, — ответила я.

— А почему вы не общаетесь с другими своими детьми?

— Я не люблю детей, — ответила я.

— А зачем тогда вы рожаете?

— Так хочет мой муж.

— Вы любите своего мужа?

— Нет.

Она посмотрела по сторонам.

— Вы так легко говорите об этом.

— Он знает это. Нет нужды скрывать.

Через год она перестала появляться в моём поместье. И, снова поехав в Москву, я выяснила, что у её тёти были проблемы с долгами. И она пыталась выгодно продать свою племянницу старому больному барину. Я предложила ей более выгодную сделку и забрала Кристину к себе. Так она стала моей личной гувернанткой. Мой муж ничего не сказал против, так как посчитал, что она положительно влияет на моё состояние.

Муж.

Я вспомнила, когда впервые наши отношения испортились. Я родила первого ребёнка. Прошло два месяца. У меня не появилось молоко. И я не захотела брать его в руки. Он нашёл кормилицу. Я заперлась в своей комнате. Но постоянно слышала плач ребёнка, который стоял в доме.

В одну из ночей он снова разбудил меня. Этот ненавистный ребёнок. И я отправилась на плач. Я подошла к кроватке, где он лежал, и ребёнок тут же замолчал, увидев меня. Сиделки не было. Я стояла над колыбелью и сжимала железные ножницы в руках. В этот момент меня и застал мой муж. Он ударил меня так, что я упала на пол, и железные ножницы выпали из рук.

— Что ты собиралась сделать? — кричал он.

Но я не знала. Я хотела убить его? Я точно хотела кого-то убить, поэтому взяла эти ножницы. Но я не помнила кого.

После этого путь к ребёнку мне был закрыт.

Два маленьких чертёнка:

— Железные ножницы! Плач ребёнка! Мы это видели в том замке, помнишь? — подхватился второй чертёнок.

— Да, Елизавета Батори. Она искала ребёнка и зарезала ножницами Морану, — подтвердил первый.

— Могут ли реальности здесь пересекаться? — спросил второй чертёнок. Но первый шикнул на него, продолжая следить за сюжетом.

— Обсудим, когда досмотрим.

Я заснула? Я проснулась на боку от того, что начала задыхаться. Но я даже не помнила, что мне снилось. Ужасно болело в груди. Затекло плечо, я спала практически на сырой земле, подо мной была только тонкая подстилка. Страшно. Мои руки тряслись. Я прижала их к груди, пытаясь успокоить тремор. Вдохи давались тяжело. Я начала плакать. Кристина. Я очень скучаю. Почему ты бросила меня. Ты даже не попрощалась. Сколько лет я уже здесь? Я не помню. Я хваталась за воспоминания о своей подруге. Я так боялась забыть их.

[...]

Кристина часто звала меня на приёмы. Я не хотела туда ехать, но ехала потому, что хотела она.

Вчера мы были на одном из них. Я, как обычно, находила укромное место и сидела там, пока она развлекалась.

Она подбежала ко мне со словами.

— Кое-кто хочет с тобой познакомиться.

— Я не хочу ни с кем знакомиться, — ответила я.

— Он тебе понравится, — начала убеждать она и, не дождавшись моего ответа, скрылась в толпе гостей.

И вернулась через пятнадцать минут с импозантным мужчиной среднего возраста. Он был уже не молод, но ещё не стар. Почему-то я не могла определить его возраст.

— Граф Стельман, — представился мужчина.

— Не помню, чтобы такой граф был в Москве, — ответила я, заметив, что Кристина ушмыгнула.

Он рассмеялся и сел рядом.

— Почему вы постоянно сидите в одиночестве?

— Вы что, шпионите за мной?

— Ну что вы, видел вас пару раз.

Я посмотрела на его лицо. Чёрные волосы, собранные в хвост, бледное лицо, карие глаза. Он был красив. Но что-то в нём настораживало меня. Он солгал о своём имени, поняла я, и что ему нужно от меня.

— Что вам нужно от меня? Я замужем, — так же ответила я.

— Просто хотел познакомиться.

Он встал, улыбнулся мне и, поклонившись, удалился.

Странная встреча.

[...]

Кристина обсуждала мужчин после приёма. Я отвечала, что все они нестоящие шарлатаны, прикидывающиеся знатными особами.

— Мне уже почти тридцать, а я так и ни с кем не целовалась, — сетовала Кристина.

— Тебе всего двадцать семь, — опровергла я её речь.

— Я же говорю, уже почти тридцать. Я и так уже стара для брака.

— Я бы очень хотела быть как ты, — ответила я. — Меня выдали замуж в девятнадцать. И я была вынуждена слушаться мужа и рожать детей. Для чего ты хочешь замуж? — спросила я её.

Она задумалась. Она не знала.

— Дурочка. Радуйся своей свободной жизни.

[...]

Из воспоминаний меня вырвал звук. Крысы. Я схватила чашку и швырнула в сторону звука. Мерзкие создания. Я не боялась их, но они меня раздражали. Я попыталась перевернуться, но не смогла — потому что свело ноги. Я начала постепенно шевелить пальцами, ожидая, когда они придут в себя. От того, что я постоянно лежала, ноги болели — непрекращающаяся ломота. Наконец я почувствовала ноги и, встав, села на задницу. Я попыталась откинуть назад упавшие на лицо волосы. Я провела рукой по волосам, и моя рука оказалась полна моих выпавших волос. Волосы выпадали буквально клочьями. Постоянно чесались руки от струпьев на пальцах. Снова расчесав руки, я обняла колени и уставилась в темноту.

У меня забрали всё. Остались только мои воспоминания. О муже, которого я отравила. О ненавистных детях. О поместье. О никчёмных крепостных, которых я не считала за людей. О моём любовнике, который погубил меня. И о моей подруге.

День, когда мой муж выгнал Кристину.

[...]

Она сразу же уехала. Я начала ругаться с ним. Это было впервые. Я кричала, что он не может забрать её у меня, иначе я сойду с ума. Я бежала за ним до его кабинета через гостиную. Но он снова ударил меня, и я упала на пол, начав рыдать.

Кошмары вернулись. Я не могла нормально спать по ночам. Прошло два месяца с тех пор, как она уехала. Муж запер меня в поместье. Я бы так и просидела там, если бы не важный приём, на котором нужно было наше парное присутствие. Приехали высокопоставленные лица из столицы. Наверняка уже поползли слухи, так как он давно не появлялся со мной на публике. Поэтому он взял меня с собой в Москву. Я не разговаривала с ним. Моя жизнь превратилась в однообразные будни. Я в глубине души надеялась, что увижу Кристину на приёме. Но её не было, здесь были только знатные дворяне. После официальной части я, как обычно, нашла самый дальний угол и скрылась от людей. Я выглядела плохо. Я ловила на себе заинтересованные взгляды. Мне это не нравилось. Я хотела уехать. Я встала, чтобы выйти в туалетную комнату, но, кажется, поднялась не на тот этаж. Но это было даже к лучшему. Я оперлась о стену и, спустившись, села на корточки, закрыв голову руками. Мысли о самоубийстве. Они появились недавно. Я задумалась и не заметила, как он подошёл. Тот лжеграф.

— Как обычно, скрываетесь от толпы.

Я проигнорировала его вопрос, пытаясь подняться и уйти, но он ловко сел рядом, положив слева от себя трость и шляпу.

— Можно составить вам компанию?

— Вы уже сели, зачем спрашиваете.

— О чём вы думаете?

— О самоубийстве, — я не знала, почему сказала так. Сказала то, что было у меня в голове.

Он рассмеялся.

— Вы одна из самых богатых помещиц Московской губернии. Мать троих детей. Знатная дама, уважаемая в обществе. Почему вы думаете о самоубийстве?

— Я ненавижу своего мужа. И своих детей. И свою жизнь. И себя, — он застал меня в состоянии эмоционального разложения, и я, не осознавая, выложила ему свою боль.

— Я могу помочь вам, — услышала я его ответ. Он засунул правую руку во внутренний карман своего костюма и, достав оттуда небольшой стеклянный флакон, протянул его мне.

— Что это?

— Это может исполнить ваше желание. Но вы уверены, что действительно хотите этого? Именно для себя?

Он сделал акцент на последнем слове. Так просто. На лестнице третьего этажа этот человек предлагал мне отравить моего мужа.

Я смотрела на флакон в его руках. Он уже несколько минут продолжал держать его передо мной. Я будто впала в ступор. Раздался шум — как будто кто-то поднимался наверх. И я, резко схватив флакон, встала, направляясь вниз по лестнице в главный зал, где проходил приём.

Больно. Снова очень больно. Рези в груди не прекращались. Особенно по ночам. Я будто чувствовала движение внутри. Как будто там что-то застряло. Я начала кричать. Пока не охрипла. Потом раздался стук и голос монашки.

— Хватит орать, проклятая женщина! Ты мешаешь спать!

— Пошла к чёрту, тупая сука! — выругалась я на неё.

Она каждый день приходила и спрашивала, не хочу ли я покаяться. Как-то я спросила у неё, а не хочет ли она покаяться. Она растерялась, а потом разозлилась. Я начала истерически смеяться. Монашки. Старые злые женщины. Божий храм делал из неуверенных и робких девиц злых старух.

— Вы будете гореть в аду вместе со мной!

Меня кормили раз в день. Иногда реже, если я вела себя буйно. Покаяться. Это предполагало, что я сожалею обо всём, что сделала с ними. Но я не сожалею. Если бы всё случилось снова, я всё сделала бы так же. За исключением одного. Я бы не отпустила её. И отравила бы его раньше.

После смерти мужа мне перешли все имения. В первую очередь я сослала детей, чтобы не видеть их. И вернула свою подругу. Но она изменилась. Завела роман с Тючьевым. Я сказала, что мне плевать, и чтобы она возвращалась в поместье. И она вернулась. Он часто приезжал к ней. Этот её ухажёр был из низкого дворянского сословия. Что он мог ей предложить.

Впервые я почувствовала свободу. Без мужа. Но крепостные распоясались. Мне доложили о бунте в одном из поместий, и я выехала туда, взяв с собой охрану. Они хотели сбежать. В губерниях такое случалось всё чаще. Слухи доходили из разных поместий. Но их всеми силами пытались заглушить.

— Отрежьте им пальцы. В следующий раз будут знать, как сбегать. И скажите: если кто из них подумает ринуться в сторону Москвы, первыми пострадают их дети.

Ходили слухи, что после смерти мужа я не удержу поместья. Но я удержала. Я быстро заменила его людей на своих и ввела суровые меры наказания за провинности. Это было жестоко. Но я слишком хорошо знала, чем чревата вольность. Они не будут благодарны. Никогда.

Лжеграф. Андрей Стельман. Он стал часто приезжать в моё поместье. Ублюдок. Пользовался тем, что помог мне. Но чем-то он меня цеплял.

Мы снова сидели в саду и пили чай. Я смотрела, как Кристина гуляет со своим ухажёром по саду. Я поймала себя на мысли, что хочу убить его.

— Хочешь отравить его? — задал вопрос лжеграф.

— Хочу отравить тебя.

— Я ведь к вам со всей душой. А вы... — он прикинулся обиженным.

— Что вы снова забыли в моём поместье?

— Может, я в вас влюблён.

— Скорее поверю, что вам нужны мои деньги и влияние.

— Не буду этого скрывать. Но как это мне мешает влюбиться в вас?

— Лжец, — прокомментировала я и продолжила потягивать чай.

— Она уедет, — заявил Стельман.

— Нет. Она не бросит меня.

— Она бросит.

Я стукнула ладонью по столу.

— Заткнись.

Он рассмеялся.

— Не злись. Хочешь яблоко?

И тут же перед моим лицом оказалась его рука с красным спелым яблоком.

Я хотела опрокинуть его руку, но слишком сильно любила яблоки. И, схватив яблоко, тут же откусила его.

— А что, если оно отравлено? — тут же произнёс Стельман.

— Тебе нужны мои деньги. Травить меня сейчас крайне невыгодно для тебя.

Он снова рассмеялся. Лживый ублюдок. Но я должна была признать, что в его обществе мне было комфортно.

Чёрные кошки. Мне приснился кошмар. Но он как будто был наяву. Мне снилось, как я сплю. Я почувствовала движение и начала просыпаться, но не смогла полностью проснуться, оставшись между сном и явью. Я почувствовала, как по мне кто-то ходит. Я поняла, что это кошки. Кажется, их было пять. Они все пытались забраться и лечь на мою грудь. Грудь начало сдавливать, я стала задыхаться и проснулась в своей яме, но не смогла пошевелиться. Я продолжала чувствовать их. Чувствовать их когти на своей груди. Я попыталась закричать, но тоже не смогла. Не знаю, сколько это длилось, но наконец я смогла вырваться и почувствовать своё тело.

Это был не первый такой кошмар. Последнее время они случались всё чаще. Кристина. Я так хотела, чтобы мне приснилась она. Так хотела увидеть её. И моментами мне казалось, что она действительно здесь. Что она сидит напротив. Ее присутствие всегда успокаивало меня.

Она ушла. Мы сильно поругались. Я кричала на неё, что она больше не проводит со мной время. Что постоянно где-то пропадает. Она обвинила меня в том, что я отношусь к ней как к крепостной. Пощёчина. Я ударила её. Я не хотела. И она уехала.

А я утонула в алкоголе. Я пила и раньше, но муж запрещал мне, пока был жив. Иначе я бы наверняка спилась ещё тогда. Я провела всю неделю в своих покоях после отъезда Кристины. Даже еду я приказала приносить в комнату. Приехал Стельман. Но я сказала, чтобы он убирался к чёрту, и, допив оставшееся вино, заснула. Я проснулась от того, что меня начало тошнить. И когда я встала, меня вырвало на пол. Тело трясло. Я выпила всю воду, позвала служанку, но никто не ответил. Кажется, ещё ночь.

Я поднялась с пола и, накинув халат, вышла из покоев в гостиную. На столе стоял кувшин с водой. Но стаканов не было. Тупые дуры. Не принесли мне даже воды. Выпив с кувшина, я с грохотом вернула его на стол. И только после заметила тень. Он стоял в противоположном углу комнаты. Я развернулась и побежала в покои, но не успела. Он схватил меня за халат, и я упала на пол.

— Мерзкая сука! Я убью тебя!

Я пнула его и смогла вырваться, но, пытаясь подняться, тут же упала. Страх. Я будто вернулась в тот день. Тело перестало слушаться. Я закричала. Он потянул меня за халат и, навалившись сверху, схватил за горло. Я начала задыхаться. Я увидела за ним вторую тень. Мгновение. И я почувствовала, как тёплая кровь полилась на моё лицо, и как упало рядом тело нападавшего. Затем вторая тень потянула меня вперёд, заключив в объятия. Стельман. Я начала плакать. Он поднял меня на руки и отнёс в кровать.

Но я не заснула. Я лежала и пыталась снова забыть тот день, который всплыл в моей памяти. Рассвело. Я даже не смыла кровь. Я бы так и продолжила лежать, но внезапно осознала. Ночью на шум никто не пришёл. Это значило только одно. Они сговорились. Я резко встала с кровати и, схватив железные ножницы, которые как обычно лежали у меня на столе, быстро вышла из комнаты.

Я зашла на кухню и нашла глазами служанку, которая должна была дежурить ночью.

— Где ты была?

— Я… я… — от страха она уронила чашку с мукой.

Этого было достаточно. Я в мгновение пересекла кухню и воткнула ножницы ей в шею. Раздался женский крик, с которым бабы выбежали с кухни. Светлана. Я смотрела, как она упала на бок. Она ещё не умерла. Она хваталась за шею, из которой била кровь. Раз. Два. Три. Умерла.

На кухню вошёл Степан, и я отдала приказ.

— Пороть всех, кто должен был быть ночью в доме.

Через три часа я смотрела на пять трупов на заднем дворе, которых запороли до смерти.

— Так и будешь продолжать тут стоять? — спросил Стельман, находясь всё это время у меня за спиной.

— Закопайте их.

Я развернулась и направилась в дом. Он последовал за мной.

Я хотела снова закрыться в покоях, собираясь хлопнуть дверью перед его носом, но он пролез в комнату.

— И где моя благодарность?

— Сколько ты хочешь?

— А сколько стоит твоя жизнь?

— Ублюдок! Пошёл вон!

Он уже не первый раз пытался переспать со мной. Но я каждый раз прогоняла его.

Он не собирался уходить.

— Тронешь меня — и я тебя убью!

Он медленно сделал шаг вперёд, поднимая ладони. Я не сдвинулась с места, и он сделал ещё два, оказавшись рядом. И обнял меня.

— Не бойся.

Мне вдруг захотелось расплакаться. Я попыталась вспомнить, когда кто-то обнимал меня в последний раз. Кажется, это была Кристина. И я расплакалась. Он отпустил меня только тогда, когда я успокоилась.

Я села на кровать, пытаясь привести лицо в порядок. Он налил стакан воды и, сев рядом, протянул его мне. Я выпила и, поставив стакан на тумбу рядом с кроватью, повернулась. Он наклонился ко мне в этот момент и мои губы встретились с его. В тот день мы впервые спали вместе. И мне понравилось. Я никогда не спала ни с кем, кроме мужа... Муж… Он не был грубым, но я ничего не чувствовала с ним. Он заканчивал и выходил из комнаты, оставляя меня одну. Стельман оказался другим. Я утонула в его объятиях. И в этот момент я проиграла ему.

Я начала чувствовать присутствие. Как будто в моей земляной камере кто-то был. Сначала это пугало меня. Потом в какой-то момент я привыкла к этим теням. Я заметила, что

монашки перестали дежурить наверху. Странно. Больше никто не долбил в крышу моей тюрьмы, когда я кричала по ночам. Я сходила с ума. Я начала видеть эти тени, у них были демонические лица. Кристина. Я пыталась сконцентрироваться на её образе, чтобы не смотреть на них. Как будто она защищала меня от них.

Стельман. Он занял всё пространство моей жизни. Он постоянно находился в моём поместье. Даже если я днями с ним не разговаривала, он всё равно жил рядом. Он всегда смотрел со мной на пытки крепостных. Он сопровождал меня на тех редких приёмах, на которые я выезжала.

Пытки. Я начала получать от этого странное удовольствие. Чувство безопасности. Я наказывала за любые, даже мелкие провинности. Я выгоняла всех служащих, которые говорили хоть слово против.

Мы снова стояли на заднем дворе. Молодая семья. Они хотели сбежать. Их поймали в двадцати верстах от Москвы. Отец, мать и двое детей.

— Увести детей. И отрезать этим беглецам ноги.

Оба умерли от кровопотери.

Я смотрела. Я всегда смотрела. И Стельман всегда стоял за моей спиной.

Мы снова спали вместе. Я проснулась посреди ночи, но в комнате было уже не так сумрачно. Скоро рассвет. Я повернулась на бок и увидела его спящее лицо перед собой. Он был красивый. Но не его красота цепляла меня. Что-то другое. Думая об этом, я чувствовала подступающее чувство безысходности. Я машинально положила ладонь на его щеку и вслух произнесла:

— Я не могу любить тебя.

В этот момент он открыл глаза. Я сразу одернула руку, но он успел схватить меня за запястье. Мне почему-то захотелось встать, что я и попыталась сделать, но он притянул меня к себе, заключая в объятия, и проговорил:

— Я не отпускаю тебя.

— Я ненавижу тебя! — закричала я.

Но он никак не реагировал на мой крик, продолжая сковывать меня в объятиях.

Два маленьких чертёнка:

— Эту сцену мы тоже уже видели! — закричал второй маленький чертёнок, продолжая тараторить: — Джон и Элиссия! Наложница Сун и император!

— Чернокнижник и его черноволосая любовница, — закончил за него первый чертёнок и отвесил оплеуху. — А теперь можешь заткнуться! Чего ты сегодня такой впечатлительный?

Я вспомнила тот разговор, после которого практически месяц игнорировала его. Я его заподозрила.

Мы сидели в гостиной, только что закончился обед. Служанки уже прибрали стол.

— Ты появился слишком вовремя в ту ночь.

Он ничего не ответил, доставая сигарету.

— Не смей курить здесь.

Но он не послушал, и я, встав, выбила её из его рук.

— Это ты организовал то нападение?

— Нет.

— Ты лжёшь.

— Я вышел покурить и увидел, как тот крепостной зашёл в дом.

— Но ты не пошёл за ним, — поняла я. — Ты ждал.

Я отвесила ему пощёчину. Его голова наклонилась чуть вправо от удара, но он никак больше не отреагировал, доставая вторую сигарету.

Я молча развернулась и покинула гостиную.

Я снова проснулась от кошмаров и начала задыхаться. Но я больше не плакала. Сколько лет прошло? Я не знала, и они не говорили мне. Первое время я спрашивала, а потом перестала. Они бы лучше со мной обращались, если бы я раскаялась. Я могла бы притвориться. Но я не раскаивалась. Ни в чём из того, что сделала. Вспоминая все эти годы со Стельманом, я испытывала только жгучую ненависть.

Я была неосторожна и забеременела. Я не хотела этого ребёнка. Я была, кажется, на четвёртом месяце, когда застала их. Стельмана и горничную в одной из комнат дома. И я убила её, когда он уехал. Я убивала её медленно и долго.

Стельман вернулся через неделю. Узнав об этом, он накинулся на меня, схватив за горло и прижав к стене возле камина в спальне.

— Ты убила её.

Я рассмеялась.

— Убьешь меня за нее?

Это было впервые, когда он потерял контроль. Какая-то вшивая крепостная действительно понравилась ему.

Он сдавил горло сильнее, я начала задыхаться, но мне не было страшно. Я получала удовольствие от его реакции. Он резко отпустил меня и вышел из комнаты.

Я думала, он уедет. Но он не уехал. Через два с половиной месяца я родила ребёнка. Роды начались преждевременно, но прошли быстро. Горничные соорудили люльку в моей комнате и положили туда ребёнка.

— Барыня, прикажете найти кормилицу?

Я всё это время смотрела на люльку, в которой плакал ребёнок. Она спросила ещё раз, и я кивнула. Она хотела успокоить его, но я выгнала её.

Я сидела и слушала детский плач. Весь дом его слышал. Но слуги боялись заходить и что-либо спрашивать без приказа.

Ночь не заканчивалась. А он всё продолжал плакать. Я поднялась и, взяв железные ножницы со стола, подошла к люльке, посмотрев на ребёнка. Он продолжал орать. А я смотрела на него, сжимая железные ножницы в руках.

— Хочешь убить его? — спросил его отец. Я не заметила, как он подошёл.

— Он всё равно не выживет, — ответила я.

И Стельман, взяв с кровати подушку, подошёл с противоположной стороны люльки, и накрыл ею голову младенца, а затем надавил. Плач наконец прекратился.

Утром я вышла на террасу и увидела, как Стельман закапывает нашего ребёнка в саду. Почему он делал это сам? Я просто стояла и смотрела, как он делает это. Мне почему-то захотелось закопать его рядом. Когда он закончил, я развернулась и зашла в дом.

И я стала убивать их. Всех женщин, на которых он обращал внимание. Я застала его ещё с двумя. Я безжалостно пытала их. Он выбирал одинаковых. Девушек с светлыми русыми волосами и голубыми глазами. Я помню, как одна из них дрожала передо мной, привязанная к стулу.

Она плакала. В её рту был кляп. Я сидела на стуле напротив и смотрела на неё. Потом встала, а она начала биться в истерике, увидев это. Я обошла её стул и начала руками выдёргивать волосы из её головы. Она кричала. Слышно было даже через кляп. Я продолжала вырывать её светлые пряди, смотря, как они падают на пол.

Она умерла, когда я засунула раскалённую кочергу ей в грудь. Когда я вышла из барака, я увидела его. Он стоял, ожидая меня.

— Закончила?

Он делал это специально. И я знала это. После той первой девушки он бесконечно провоцировал меня. И я бесконечно убивала их. Даже если они не отвечали ему. Стоило ему хоть на кого-то из них посмотреть — и это был смертный приговор.

После рождения ребёнка у нас не было близости. Но он иногда приходил ко мне, просто ложась на кровать с другой стороны. Я просыпалась и смотрела, как он спит. В этот момент я как будто проваливалась куда-то. Я снова машинально коснулась его щеки. И он тут же открыл глаза, хватая мою руку и притягивая к себе. В эту ночь наш секс был безумным. Это было похоже на приступ ненависти друг к другу, которую мы пытались утопить в этой близости.

Я лежала, скрючившись на подстилке и накрываясь всеми тряпками, которые были в этой яме. Но всё равно не могла согреться. Кажется, скоро придёт зима. Я начала растирать руки, пытаясь согреться, и почувствовала шрамы.

Я вспомнила тот день. После суда меня пытали. Они привязали меня к стулу в комнате, которая находилась недалеко от моей камеры. Их было пятеро: четыре офицера и тот, кто меня пытал. Они хотели, чтобы я призналась. Лицемерные ублюдки. Тот, кого поставили пытать меня, закатал мои рукава и приложил к коже на руке раскалённый прут. Я кричала. Он сделал это ещё, кажется, четыре раза. Им нужно было признание. Они хотели знать, скольких я убила. Я истерически рассмеялась. Как будто я помнила. Но, кажется, та цифра на суде была слишком маленькой. Но этого хватило — доказательств, что они собрали.

Палач снял мне два ногтя с пальцев, но я так ничего и не сказала. Я не знала, что смогу терпеть пытки. В тот момент я поняла, что могло бы сломать меня — если бы они начали меня насиловать. Это было единственное, чего я боялась. Но они бы никогда до этого не додумались.

Я смотрела в их глаза и в глаза палача. И я видела в них страх. Они боялись меня. Их пугало моё безумие.

Я так и осталась сидеть, привязанной к стулу. Вечером они привели посетителя. Свет был тусклый, и я не сразу рассмотрела вошедшего, пока она не сняла капюшон. Императрица Российской империи. Я впервые видела её, но сразу поняла, кто она. Я рассмеялась, и один из офицеров, стоявший рядом, тут же отвесил мне пощёчину.

— Как ты смеешь! Перед тобой императрица Российской империи!

— Она ни в чём не призналась, — доложил второй.

Я посмотрела на неё. На Екатерину. Я пыталась понять, зачем она пришла.

— Ты приговорена к смертной казни, — сообщила императрица.

— Ты пришла лично, чтобы сообщить мне об этом?

Офицер снова отвесил мне пощёчину за неуважительное обращение.

Я заметила, что она махнула рукой, и он отошёл.

— Твои люди пытают меня. И чем вы лучше меня? — спросила я.

— Это несопоставимо с количеством твоих преступлений, — ответила императрица.

— Несопоставимо? — спросила я снова, чувствуя подкатывающийся истерический смех. — Твои люди назвали меня Кровавой Людоедкой, а тебя называют Великой Императрицей. Но на чьих руках на самом деле больше крови? Меня обвинили в десятках убитых, а на сколько сотен идёт твой счёт, Великая Императрица? — с пренебрежением в голосе бросила я и следом получила новую пощёчину от ее офицера.

Я не успела посмотреть в её глаза, потому что она развернулась, и я увидела только её удаляющийся в дверном проёме плащ. И снова начала истерически смеяться. Мне хватило уже того, что я увидела. То, как она смотрела на меня. Больше они не трогали меня.

Через несколько дней я узнала, что меня приговорили к заточению в земляной яме. Я стояла на площади, прикованная к позорному столбу. Они кидали в меня помои. Люди на площади. Я не чувствовала ничего, кроме ненависти. Я хотела убить. Убить их всех. Периодически на меня накатывали приступы истерического смеха. Я несколько раз пыталась вырваться. Я смотрела на толпу. Она что-то напомнила мне. Эти лица. Я вдруг почувствовала страх. Но не свой. А страх толпы. Они боялись меня. Они всё равно боялись меня, даже когда я была прикована к столбу. Объявили мой приговор. И я опять начала истерически смеяться. Она проиграла мне. Великая императрица Российской империи. Я гадала, этим заключением она пыталась проявить милость или наказать меня за мои слова. Но независимо от правильного варианта, она проиграла.

Из сна меня вырвал шум. Снова крысы.

— Вы в курсе, что это святое место? Как смеете приходить без приглашения? — спросила я своих постоянных гостей, но они не ответили мне.

— Я тоже здесь, — я услышала голос в своей голове. Кристина. Она разговаривала со мной. Я не помнила, когда это началось. Когда она появилась в этой сырой яме. Эти видения. Чаще всего я лежала у неё на коленях, а она гладила мои волосы. Иногда я сидела, а она расчёсывала их. Были моменты, когда она обнимала меня.

— Убирайся! — закричала я. — Я ненавижу тебя! Ты бросила меня! Так просто ушла! Ты ни разу не написала мне! Я столько сделала для тебя! И не заслужила даже этого!

Я вспомнила тот день. Когда она плакала. Этот ублюдок. Тютчев. Он морочил ей голову несколько лет. И в итоге бросил ее.

— А чего ты ждала? Он выбрал девушку более высокого сословия, — говорила я ей, пока она плакала. А она плакала только сильнее.

Мне захотелось её обнять. Утешить. Но я не смогла подойти к ней. Я поняла, что хочу, чтобы ей было больно. Чтобы она плакала. Потому что она уехала к нему. И я вышла из комнаты, оставив её одну.

Но этот ублюдок. Я решила убить его. Но когда Кристина узнала об этом, то устроила истерику. Она обвинила меня, назвав чудовищем.

— Это ради тебя! — кричала я в ответ.

— Неправда! Ты хотела убить его давно, как только он начал приезжать ко мне! Ты хотела сделать это только ради себя!

Я в гневе столкнула вазу, стоявшую рядом на комоде. И я увидела страх в глазах Кристины. Это была одна из первых наших стычек. И в итоге всё пришло к тому, что она просто собралась и уехала, ничего не сказав. И больше не вернулась.

Я так скучала по ней. Она как будто была моим единственным якорем в первые годы заточения. Но сейчас я поняла, что он мне больше не нужен.

— Убирайся! — снова прокричала я, увидев её образ в камере.

И через некоторое время я наконец перестала его видеть, оставшись наедине только со своими тенями. Но они больше не пугали меня. И я больше не чувствовала боли в груди.

Стельман. Единственный, в чьих глазах я не видела страха, когда он смотрел на меня. Я вспомнила, как кричала, когда его убили. Но сейчас, лежа в этой яме, я не могла вспомнить, что чувствовала тогда.

В Ивановском поместье случился бунт. Я оставила там Степана. Кажется, он разошёлся. Я приказала собирать людей и срочно выезжать. Но когда мы приехали, бунт уже подавили. Помогли люди из соседнего поместья. Пятьдесят убитых. Слишком много. Кто-то уже донёс на меня. Если об этом узнают, будут проблемы. Я приказала вывезти и сжечь тела.

Я не стала оставаться в Ивановском и на следующий день выехала обратно в Троицкое. Я оставила там часть людей. Это было ошибкой. Когда мы вернулись, то выяснили, что на поместье напали. Их было немного, кажется, семь человек, но они были вооружены. Никто не оказал им сопротивления, так как им был нужен Стельман.

Тот самый сад, где я срывала каждую осень яблоки. Он стоял на коленях, и в его голову был направлен взведённый курок. Моих людей было вдвое больше, они бы расстреляли их без проблем. Если бы не он. Стельман. Я так много раз думала о том, чтобы отравить его. Но когда поняла, что он может умереть, мой мир рухнул. Почему я сейчас не могу вспомнить это чувство? Осталась только картинка.

Всё произошло очень быстро. Я думала, что они потребуют выкуп. Но Стельман ударил локтем в пах державшего его справа. И раздался выстрел. После которого мои люди открыли огонь. Они ещё не закончили, а я уже кинулась к нему под выстрелы за моей спиной. Он был мёртв, ему прострелили затылок. Я кричала, обнимая его окровавленную голову. Почему я кричала? Я пыталась соотнести это с моим текущим состоянием. Но как будто в моей памяти это уже была не я.

Двое из нападавших выжили. У одного было прострелено плечо, у другого — нога. После пыток мои люди выяснили, что Стельман был должен кому-то очень крупную сумму. Так вот куда уходили все деньги, которые я давала ему. Я приказала выяснить, кто этот человек. Но мои люди ничего не нашли.

— Используйте этих двоих. Пусть отнесут деньги заказчику.

В итоге я выяснила, кто это был. Скворцов. Через год я отравила его и всю его семью.

Лжеграф Андрей Стельман. Мелкий подпоручик российской армии. Я уже давно выяснила это. И догадывалась, что у него были долги.

Я приказала закопать его под яблоней рядом с местом, где он закопал нашего ребёнка. После его смерти я вырезала ещё несколько десятков человек в поместье. Я мстила им за его смерть.

Минул год. Стояла осень, август закончился несколько дней назад. Погода была тёплая. Я лежала под яблоней, там, где был закопан мой любовник и наш ребёнок, и смотрела вверх на редкие оставшиеся красные яблоки. Я хотела, чтобы меня закопали рядом. С его смертью моя жизнь будто бы потеряла смысл. Единственным, что всё ещё приносило мне удовольствие, были пытки. И я продолжала пытать их. Крепостных. И с каждым разом ощущения меркли.

Жалоб стало слишком много. На самом деле я могла остановиться ещё при первых двух проверках, направленных в мои поместья. Но я не сделала этого. И в итоге через пять лет оказалась на дне этой земляной ямы.

— Сожалею ли я? — спросила я сама себя.

— Нет, — раздался голос в моей голове.

Я открыла глаза. Снова этот сон. Сколько раз он мне снился? Я сидела на троне. Вокруг меня были демоны. Их личины устрашали. Но я не боялась их. Они служили мне. Они пытали всех, кто попадал в мои владения. А я продолжала смотреть. Я ничего не чувствовала. Но приказывала им снова и снова продолжать пытки. Новые души не заканчивались. Я продолжала бесконечно наблюдать за их круговоротом боли и страдания. Я кого-то ждала там, сидя на этом троне. Но кого? Я не могла вспомнить.

Два маленьких чертёнка:

— Это что, всё?! — недовольно подскочил первый чертёнок, который был умным в команде.

— Сфера уже делала так, помнишь? Прерывала сюжет, — ответил второй чертёнок, глупый чертёнок.

— Она действует непоследовательно и нелогично, — отчеканил первый.

— А может, мы просто не понимаем её? — предположил глупый.

— По себе других не судят, — прыснул умный, и глупый надулся.

— Ладно, давай наконец обсудим, ты же так порывался вклиниться, пока мы смотрели, — снизошёл первый чертик.

— Этот момент с ножницами и ребёнком, потом сцена в кровати со Стельманом. Это же повторяется. Это значит, что они ходят по кругу? Или это пересечение реальностей? Может ли одно событие соединять разные жизни?

— А это разве не одно и то же? Я бы даже сказал, что они не просто ходят по кругу, а окончательно утаптывают его. Не на того ты поставил хвост!

— Но здесь они были вместе до конца! — воспротивился глупый чертёнок.

— Вместе до конца? Они вместе могут только убивать. Либо кого-то. Либо друг друга, — оперировал умный оппонент. — Они убили даже своего ребёнка! Думаешь, у них будет когда-нибудь счастливый финал? Вспомни те жизни: убитые в Париже дети, разбитая голова младенца в Лондоне, битвы в темных мирах. Пытаясь это прожевать, они давятся собственными внутренностями.

— В этот раз он закапывал ребёнка. Это так грустно, — проговорил глупый чертёнок.

— Грустно? Ты что, сочувствуешь им? Ты больной? Он придушил его подушкой, а потом закопал в саду. А она смотрела.

— Кстати, — перебил глупый чертик. — А почему так? Я не понял этого. Она так кричала в той жизни, когда убивали её детей. Она любила их. И она кричала там, на мраморном полу в Лондоне. И она мстила за них, за всех своих детей. И в той жизни, где она была Елизаветой Батори, она не смогла пережить то, что у неё забрали единственного выжившего ребёнка. Но почему здесь так? Почему она смотрела, как Стельман убивает его? Почему ненавидела своих детей?

— Потому что…

Умный хотел ответить, но, начав говорить, понял, что не знает ответа на этот вопрос. Но вдруг нашел еще один связанный сюжет.

— В Индии, их ребёнок с одноглазым капитаном, которого она не признала, — вытянул из памяти ещё одну ниточку умный чертик.

— Да, я помню. Мы тогда это обсуждали. Мы тоже не поняли, почему так произошло тогда. В итоге, история в Индии не проясняет эту ситуацию, а только запутывает сильнее…

— Там же были еще отправленные неродившиеся дети. И еще эти мёртвые младенцы в жизни Батори. Там в итоге было непонятно она их убила или Морана. — добавил мыслей умный чертёнок.

— Значит смерть ее детей во Франции плата за убийство других детей? Но все равно истории не сходятся. Чего-то не хватает. — продолжал рассуждать глупый чертик.

— Кого ты узнал в этой истории из других жизней? — спросил умный чертёнок, меняя ветку разговора, так как не любил темы, где не знал ответов.

— Кристину. Кажется, эта лунная девочка, точнее, крошечная часть её энергии, — ответил глупый чертик.

— Да, — подтвердил умный и задумался. Кажется, он её ещё где-то видел. Но умный чертик часто не запоминал тех, кто редко встречался. Но вдруг его осенило. — Та девушка, которой она отправила письма, когда умирала! Она подобрала ее на улице! Там эта девушка была ее приемной дочерью и тоже бросила её!

— Точно! — подтвердил глупый чертёнок.

— А я говорил, что от этой встречи тёмной богини с лунной девочкой ничего хорошего не выйдет! — не преминул утвердиться в своей правоте умный чертик.

Но глупый был с ним не согласен, что было видно по его лицу, но решил промолчать.

— Ещё та горничная, которая понравилась Стельману. Это же беременная девушка чернокнижника, которой она вспорола живот! В этой жизни она снова убила ее! — умный вспомнил ещё одну душу. Он решил больше не пропускать неглавных персонажей. Он понял, что они тоже попадались снова не просто так.

Глупый чертик тоже кое-что понял и ещё больше погрустнел.

— Получается, она вырывала им волосы, убивала их из-за той жизни, где он выбрал не её…

— И этот мудак специально провоцировал её в этой жизни! Он же поощрял это! — взбеленился умный чертик на персонажа, которого давно не взлюбил.

— Но ведь их связывают чувства, раз они не могут отпустить друг друга... И мы ведь не видели его историю. У него наверняка своя непро...

— Их связывают не чувства, а со-причастность к абсолютному злу! — перебил первый чертик второго, ещё сильнее раздражаясь от его последней реплики. — Им даже умирать не надо! Они всё также в аду. Видимо, забыли, что выбрались на землю.

— Смотри, сфера сама засветилась, кажется, она решила показать новый сюжет, — перебил первого чертика товарищ, а про себя подумал, как своевременно Сфера решила активироваться.

Хозяйка Нижнего Астрала

Пересечение: Серая Эра & Эра Полной Луны / Эра Тварей и Демонов

Тёмные ступени вечности. Лестница вниз. Одна дверь. Разные дороги. Для каждой души.

Демонический коридор. Сквозь разбросанные ряды низших демонов шла Хозяйка Нижнего Астрала. Её силуэт был полупрозрачный, она не имела плотной оболочки. У неё было страшное ведьминское лицо. Бездушные глаза прожигали нутро. Лохматые волосы устрашающе развивались в тёмном пространстве. А ее платье, спускаясь к ногам, висело ободранными клочьями. Она шла босиком, на её ногах, как и на руках, торчали острые когти. Демоны боялись её и служили ей. Она проследовала через образовавшийся перед ней коридор и начала спускаться вниз. В тот самый момент, как она решила это сделать, поверхность, по которой она шагала, начала превращаться в лестницу с чёрными ступенями. Она спустилась на уровень ниже. Демоны этого уровня не могли покидать астрал, в отличие от тех, которые находились выше. Они были привязаны к местам своего обитания или своего заточения. Она знала все 9 уровней нижнего астрала. Потому что все эти уровни были её владениями. Она не помнила, сколько находилась здесь. И она не считала. И она не думала. Она каждый день обходила 9 уровней и смотрела, как демоны пытают вновь прибывшие души. Душа, застрявшая в астрале, неизбежно становилась демоном. Кому-то нужно было больше времени, кому-то меньше. Но итог всегда был один. Были и те, кто попадал сюда случайно. Они могли покинуть это место, но всегда забирали с собой след. Тёмную нить, по которой низшие демоны могли найти их души. И они неизбежно попадали сюда снова. И чем больше они боялись, тем сильнее привязывались к этому месту.

Пройдя все 9 уровней, хозяйка нижнего астрала вернулась к своему трону и заняла своё неизменное место. Она закрыла глаза и начала смотреть. Смотреть, как демоны делают свою работу. Это была её вечность. Кто-то скажет, что это было её наказанием. Но она никогда не считала его таковым. Потому что это была её природа. Её суть.

Хозяйка нижнего астрала в очередной раз совершала свой обход. Но, вернувшись к трону, она увидела перед ним новую душу. Он только что попал сюда. Это был самый нижний уровень. Души очень редко падали именно сюда. Каждая душа падала в определённое место, и её всегда забирал демон, на чью территорию она попадала. Это место было её территорией. И сюда уже очень давно никто не падал.

Он стоял к ней спиной. Его форма не была плотной, но он имел четкие очертания. Его светлые волосы струились по его спине. Он развернулся, почувствовав её приближение. Она увидела его рваный халат в пятнах крови и бледное лицо. Демон нижнего астрала всегда видит самую сильную боль души. Она окинула его взглядом и нашла её. Она сжала его горло, не приближаясь к нему. Мужчина с белыми волосами упал на колени. Мгновение — и хозяйка нижнего астрала вырвала глаза из его глазниц.

Он упал на бок, продолжая задыхаться от боли, а она, перешагнув через него, села на свой трон. Она посмотрела на тело, лежащее у её трона. Она провела взглядом, ища его глаза. Но не увидела их. Неважно. Скоро они вырастут снова. И она снова их вырвет.

Хозяйка нижнего астрала стояла на 8 уровне. Она увидела кровь, подступившую к её стопам. Этот уровень всегда менялся. Здесь был только один демон. Он никогда никому не показывался. Попадая в его владения, ты попадал в иллюзию, созданную им. И эта иллюзия отражала твои самые потаённые страхи.

Хозяйка нижнего астрала провела взглядом по иллюзии и нашла душу, которую пытал демон. Это был мужчина средних лет. Он пытался убежать от настигающей крови. Но она догоняла его, подскользнувшись, он упал, испачкавшись в ней. Он начал кричать и плакать. Он пытался стереть кровь с рук, но она не вытиралась. Уровень крови начал подниматься. И муж-

чина бросился искать выход из комнаты. Но его не было. И он тонул в комнате, полной крови, пока не захлебнулся окончательно. А затем очнулся, и всё началось по кругу. Она почему-то решила посмотреть, что он сделал, хотя раньше её это не интересовало. Она увидела девушку, которую он изнасиловал и убил. Девушка была ещё жива, когда он запихивал её в ванну, полную воды, и резал ей вены. Он держал её голову в воде, пока она не задохнулась.

Закончив смотреть, хозяйка нижнего астрала вернулась на свой уровень. Она тут же нашла его, светловолосого мужчину. Он сидел, опершись на правую сторону её трона. Она подошла к нему, собираясь совершить свою пытку. Но обнаружила, что его глаза не выросли. На неё посмотрело бледное лицо с пустыми глазницами. Это озадачило её. Она снова огляделась, но не нашла его глаз. Она не смогла повторить его пытку. И это было впервые. В нижнем астрале демон не мог совершить пытку только в одном случае — когда душа больше не попадала под законы этого места. А если она не попадала под законы, то она поднималась вверх. Но он не поднимался. Он всё ещё был тут.

Решив, что он в скором времени исчезнет, она села на свой трон и закрыла глаза.

Хозяйка нижнего астрала снова совершала свой обход. Она проходила второй уровень. Здесь были осколки душ, закованные в кандалы. У кого-то были закованы руки, у кого-то ноги, у кого-то шея. Их части застряли здесь и не могли выбраться. И их души чувствовали эту боль. Контракты, которые они заключили в угоду своим зависимостям и порокам. Через эти астральные ошейники демоны поглощали их тёмную энергию. Снять ошейник было легко. Достаточно было почувствовать его и, узнав, что его держит, отказаться от того, что позволило заковать их. Но они были так глупы. Они не понимали, что находятся в ловушке. И поэтому не могли выбраться.

Хозяйка нижнего астрала обратила внимание на мужчину с толстым ошейником на шее. Кажется, он уже понял о его наличии. Но он не мог его снять, потому что не мог понять, что держит этот ошейник. Ей снова стало интересно, и она посмотрела. Она увидела его в маленьком затхлом помещении. Мужчина привязывал верёвку к верхней балке крыши. Потом он соорудил подставку из деревянных коробок и, засунув голову в заранее подготовленную петлю, столкнул опору ногами.

Хозяйка нижнего астрала уже практически вышла из просмотра, но внезапно почувствовала желание узнать, почему он так поступил. И она увидела его мать. Она била его, когда он был ребёнком, она била его, когда он был подростком, она била его, когда он был уже взрослым. Даже когда её не было рядом, он всё так же видел, как мать бьёт его. Наяву и во сне. Он боялся женщин. Боялся мира, который его окружал. И так и не смог найти своего места.

Хозяйка нижнего астрала вернулась к своему трону. И не обнаружила безглазую душу. Она испытала будто бы замешательство. Но, решив, что он наконец ушёл, хозяйка нижнего астрала села на свой трон и закрыла глаза.

Но когда открыла, светловолосый мужчина снова сидел рядом. Рядом с её троном. «Где он был? Почему он снова вернулся?» — она задала первые вопросы в своей голове.

Я увидела нить. Его кто-то поймал. Я проследила нить. 7 уровень. Значит, он заблудился, пытаясь выбраться. Но как он смог сюда вернуться?

Мгновение. И хозяйка нижнего астрала материализовалась на 7 уровне. И увидела старого демона Джао, одного из многих, обитавших здесь. Он крутил клубки, раздавая их сущностям, которые служили ему. Сущности носили эти клубки между мирами, оставляя эти нити в тревожных снах разных душ. И Джао превращал их тревожные сны в кошмары.

— Твоя сущность кинула нить к одной из моих душ. Покажи его сон, — дала приказ хозяйка нижнего астрала.

И старый демон показал ей.

Я попала в пустыню. И увидела светловолосого эльфа, который заключал сделку со слепой старухой. Он продал свои глаза. Пески поднялись, и их силуэты исчезли, а когда снова появились, старуха уже вырывала ему глаза.

Хозяйка нижнего астрала не смогла понять этот сон. Точнее, она не смогла понять, почему ему всё ещё снится этот сон и почему он всё ещё здесь, если его пытка ей недоступна.

— Пошли ему кошмар, — приказала хозяйка нижнего астрала.

Демон тут же подчинился. И она пошла смотреть.

Она увидела черноволосую девушку, которая умирала, она захлёбывалась кровью на его руках. Светловолосый эльф безуспешно пытался остановить кровь, но становилось только хуже. Пока девушка наконец не умерла на его руках, и её тело не превратилось в чёрный пепел, который он безуспешно пытался поймать в пространстве.

Хозяйку нижнего астрала снова что-то озадачило. Но она не поняла, что именно. Она вернулась к своему трону и увидела, как светловолосый мужчина, сидя возле трона, держался за голову руками, пытаясь сбросить наваждение, которое было кошмаром старого демона.

— Почему этот демон может его пытать, а я нет? — подумала хозяйка нижнего астрала. Ей это не понравилось, и она сняла с него нить.

Хозяйка нижнего астрала притащила светловолосую душу, попавшую к ней на 5 уровень. Она так и не смогла пытать его. Она хотела проверить, только ли старый демон Джао мог оказать на него влияние.

Пятый уровень нижнего астрала. Души, пожирающие друг друга. Здесь не было демонов. Только души, которые становились ими. Они были заперты здесь. Они думали, что их держат демоны. Они не понимали, что находились здесь по своей воле. Они начинали искать демонов в друг друге. И неизбежно находили их. И хозяйка нижнего астрала оставила его там. Светловолосого мужчину.

После чего вернулась на свой трон и, закрыв глаза, принялась смотреть. Она увидела, как он упал на колени, закрывая голову руками. Его назвали демоном. Он только прибыл, а они уже накинулись на него. Но он не защищался. Не оказывал сопротивления. Они повреждали его. А он просто сидел закрывая голову руками. Она смотрела. Но что-то пошло не так. Она не смогла это контролировать. Хозяйка нижнего астрала тут же сорвалась с трона, оказавшись там, где совсем недавно оставила светловолосую душу. И, сжимая кулак, разбила души, нападающие на него.

Почему они могут причинить ему вред, а я нет? Я не могла смотреть, как они вредят ему. Что-то было неправильно. Но я не могла понять, что именно пошло не так.

Светловолосый мужчина так и продолжал сидеть возле трона хозяйки нижнего астрала. Он часто искал руками её платье. Он хотел его коснуться, но это было лишь призрачное дуновение.

Я смотрела, как он пытался коснуться меня. Что он пытается сделать? И всё же, почему я не могу пытать его?

Хозяйка нижнего астрала снова совершала свой обход. Теперь она делала это дольше, задерживаясь больше обычного на каждом из уровней. Сейчас она остановилась на четвёртом. Здесь демоны пытали привязанные души. Они причиняли им физическую боль. Души кри-

чали. Бесконечно кричали. Но они забыли, что это была та боль, которую они когда-то причинили сами. Плата была соразмерна. Она задержалась на выходе, у последней души. Это был маленький мальчик, которому снова и снова выжигали глаза. Она решила посмотреть, почему он оказался здесь. Хозяйка нижнего астрала увидела мужчину. Он был красив и статен. Доблестный рыцарь в сияющих доспехах. Он посвятил свою жизнь защите людей. Он убил многих во благо великой цели. Но он так и не увидел сути. Сути тех, кого убил. Невинных, которых принял за виновных. И был проклят страдать за это.

Досмотрев, хозяйка двинулась дальше. Шестой уровень нижнего астрала. Место, где пытали детей. Здесь постоянно раздавались детские крики и детский плач. Но детей пытали не демоны. Детей пытали их собственные родители. И, пытая их, они становились демонами.

Хозяйка нижнего астрала так много раз проходила через этот уровень, никогда не останавливаясь здесь, как и на других. Но уже привычно изменяя своему алгоритму, задержалась возле маленькой девочки. Девочка плакала. И хозяйка нижнего астрала посмотрела, почему девочка плакала. Она увидела, что её бросили. Отец умер, а мать просто оставила её посреди улицы. Она бросила её прямо на дороге. Мимо неё ходили толпы людей, но никого не волновал плач этой девочки.

Хозяйке нижнего астрала это не понравилось, и она быстро покинула этот уровень, возвращаясь на свой трон. Она села на трон, собираясь закрыть глаза, но обнаружила, что светловолосой души не было рядом. Она испытала странное чувство, но быстро отбросила его закрывая глаза.

Почему его нет? Он ушел? Или опять потерялся? Что-то было не так. Я должна это выяснить.

Хозяйка нижнего астрала искала светловолосую душу. Она обнаружила его на третьем уровне. Она только вернулась, но снова покинула трон, материализуясь там. Здесь шло сражение. Души воевали с демонами, обитающими на этом уровне. Они думали, что спасают мир. Но на самом деле их держала здесь только их гордыня. Их самолюбие. Их самомнение. Демоны часто проигрывали здесь. Но они делали это специально. Специально давали им возможность почувствовать себя победителями. Это была ловушка для тех душ, которые были закованы на втором уровне. Когда душам удавалось освободиться от ошейников, они могли свободно покинуть это место. Их ошибкой было после этого нападать на демонов. И демоны утаскивали их на третий уровень. Они уже освободились, но из-за своей гордыни моментально падали ещё ниже.

Хозяйка нижнего астрала быстро нашла потерянную душу. Он дезориентированно передвигался сквозь поле битвы. Кто-то задел его, и светловолосый мужчина упал. Поднявшись, он снова растерянно пошёл сквозь толпы.

Что он делает тут? Я захотела посмотреть.

Хозяйке нижнего астрала захотелось посмотреть, почему светловолосый мужчина попал сюда. Но она увидела демона, который решил напасть на него. Она ожидала, что мужчина начнёт защищаться, но он не отреагировал на демона. И клинок демона прошёл сквозь него, не причинив вреда. Значит, его не зацепило на этом уровне. Хозяйка нижнего астрала поняла, что он кого-то искал здесь.

Кого он искал? Я захотела узнать его историю.

Хозяйка нижнего астрала забрала светловолосую душу с третьего уровня, возвращая к своему трону. Затем, сев на трон, закрыла глаза, чтобы посмотреть его историю. Она увидела

всё. Но ничего не поняла. Не поняла, почему он оказался здесь. Она начала искать. Искать это. Она пересматривала его жизни снова и снова. И наконец нашла то, что так долго искала.

На опушке леса стоял светловолосый мужчина. Он держал за узды свою белую лошадь. Его светлые волосы были не слишком длинные, доходя лишь до его плеч. У него были голубые, почти синие глаза. Он был одет в чёрную рубаху, чёрные штаны, чёрные сапоги и зелёный камзол, больше похожий на жилет. Эта одежда совсем не подходила под его светлую внешность.

Он растерянно стоял у леса. Он пытался вспомнить, как давно началось его путешествие. Эта тревога, которую он постоянно чувствовал. Что это было? Он так и не смог понять. Он продолжал искать. Только когда он искал, тревога отступала. А когда останавливался, она возвращалась с удвоенной силой. Но кого он искал? Он не мог понять. Или он забыл?

Он так и стоял у леса, мысленно прося помощи. Вечерело. Лошадь издала фыркающий звук, намекая на то, что устала стоять тут рядом с ним. Светловолосый мужчина погладил лошадь по струящейся гриве и повёл её вдоль границы леса.

Внезапно лошадь остановилась, отказавшись идти вперёд. Мужчина понял, что она почувствовала опасность. И, посмотрев вперёд, увидел, как из леса кто-то вышел и направился в их сторону. Он быстро разглядел силуэт. Это была обычная старуха, опирающаяся на сухую палку.

— Что ты распереживался? Это всего лишь старуха, — успокоил мужчина лошадь. Но лошадь снова недовольно фыркнула, не соглашаясь с его словами.

Казалось, что старуха еле ковыляет, но не прошло и пяти минут, а она уже оказалась рядом.

— Что делает у этого леса молодой путник? — поинтересовалась старая женщина.

— Я не знаю, — растерянно ответил мужчина, не выбравшись из состояния, которое окутало его, когда он стоял на опушке.

— Кажется, тебе нужна помощь. Я могу помочь, если ты хочешь, — предложила старуха.

— Как вы сможете мне помочь?

— Ты, кажется, что-то потерял. Я могу помочь найти это. Но я не помогаю просто так.

— Что вы хотите взамен? — растерянно спросил светловолосый мужчина. А лошадь начала издавать звуки и беспокойно шевелиться. Он поднял руку и положил на её шею, успокаивая животное.

— Твои глаза.

Мужчина должен был испугаться, но, сам не зная почему, отреагировал меланхолично.

— Если я отдам свои глаза, то как смогу найти то, что потерял?

— Ты сможешь. Я вернусь за ними в другой жизни.

Мужчина задумался. Стоит ли оно того? Он даже не помнил, что именно он искал. Но ответ пришёл сам. Он не контролировал его. И решил не противиться ему.

— Хорошо, — также растерянно проговорил мужчина.

И старуха подбросила монету. Но мужчина не увидел этого. Сделка была заключена.

Старуха залезла в карман рукава своей рясы и вытащила исчерканные листы.

— Ты попадёшь туда, где ждёт тебя та, которую ты ищешь, если проведёшь этот ритуал.

— Но как я узнаю, что это она? — спросил мужчина.

— Та, кого ты ищешь, вырвет тебе глаза.

Эпилог

Девятый уровень нижнего астрала. Сюда попадают души, у которых нет пути назад. Те, кто теряет основополагающую часть своей души. Они становятся хозяевами этого ада. Его корнем.

Девятый уровень — последний. Потому что с него не выбираются.

Остатки душ, попавшие на девятый уровень, никогда не смогут выбраться обратно. Потому что они не помнят, почему попали сюда. Потому что они больше не чувствуют боли. Или чего бы то ни было ещё, что могло бы вырвать их из этой тюрьмы. Потому что они добровольно сели на этот трон.

Этот трон не был их тюрьмой — он был их выбором.

Самый последний уровень нижнего астрала — окончательный выбор стать тьмой.

Два маленьких чертёнка:

— Ошалеть! Так значит, она за эту жизнь Кровавой Барыни дошла до последнего уровня нижнего астрала! Это же как ад, только в период жизни, — воскликнул умный чертик.

— Значит, нижний астрал — это место, куда попадают во время жизни. Или после смерти тоже? — спросил его глупый товарищ.

— Полагаю, что во время жизни, хотя думаю, если умереть, не вернув свою часть, которая застряла в астрале, то она навсегда останется там.

— А эти уровни, получается, их девять?

— А давай сыграем, — вдруг оживился умный чертик, желая блеснуть эрудицией. — Кто не ошибётся и назовёт больше уровней, тот будет натирать до блеска мои рога! Я начинаю!

— А почему это ты решил, что я проиграю? — подскочил глупый чертик и протянул другу кулачок.

Забившись, чертики начали чеканить уровни.

— Первый уровень. Врата. Коридор. Входная зона. Низшие демоны и сущности, способные покидать астрал. Рабочий персонал системы. Связь с внешним миром.

— Второй уровень. Тюрьма зависимостей. Астральные ошейники. Добровольные цепи. Души, закованные в ошейники и кандалы своих пороков.

— Третий уровень. Ловушка гордыни. Ловушка для «спасителей». Вечное сражение с демонами. Уровень самообмана.

— Четвёртый уровень. Возмездие. Зеркальная оплата причинённой боли. Расплата за содеянное физическими муками.

— Пятый уровень. Души, пожирающие друг друга. Трансформация в демонов. Проекция собственной ненависти и вины на других.

— Шестой уровень. Распад основы. Родители пытают своих детей. Предательство рода.

— Седьмой уровень. Заражение кошмарами. Ткацкая мастерская. Паутина тревог. Тёмная паутина. Экспорт страдания. Создание петель, затягивающих обратно в астрал.

— Восьмой уровень. Зеркало сокровенных страхов. Персональная иллюзия — самый глубинный страх души. Бесконечный цикл проживания ужаса.

— Девятый уровень. Тронный зал Хозяйки. Добровольное небытие. Отказ от памяти и боли. Души, утратившие основополагающую часть себя. Добровольный выбор стать тьмой.

— Ничья! — подытожил глупый чертёнок.

— Нет! Я выиграл! — ударил себя в грудь умный чертёнок.

— Это ещё почему это! — подскочил второй.

— Я назвал пять уровней, а ты всего четыре, — доложил умный чертик.

— Потому что ты первый начал! Ты обманул меня! Сам будешь полировать свои рога! — буркнул второй, отодвигаясь от товарища. А тот рассмеялся.

— Кто виноват, надо было слушать условия сделки.

— Я не разговариваю с тобой! — отвернулся второй чертёнок.

— Да ладно тебе, не дуйся! Давай обсудим, как они попадают туда.

Второй чертик хотел продолжать дуться, но любопытство и азарт обсуждения после просмотра были сильнее. Он начал перечислять первые четыре ступени:

— Получается: уровень 1 — попадаешь в систему, уровень 2 — погрязаешь в зависимостях и пороках, уровень 3 — освобождаешься, но, возгордившись, впадаешь в ловушку сражения за добро, уровень 4 — получаешь расплату за содеянное.

А затем его друг подхватил нить и закончил:

— Уровень 5 — начинаешь винить в своих бедах других, пожирая их, уровень 6 — причиняешь боль и страдание своим детям, уровень 7 — твои внутренние тревоги становятся оружием против тебя и других, уровень 8 — сталкиваешься с абсолютным экзистенциальным страхом, уровень 9 — отказываешься от всего, включая память и боль, и становишься смотрителем системного ада.

— Получается, демоны нижнего астрала — это трансформированные души и их части. Это ведь не зло. Это системная болезнь. Заражение, которое не остановить.

— Получается так. Круговая порука.

Закончив разбирать устройство нижнего астрала, чертики вернулись к нашей душе.

— Она так и останется там? — загрустил глупый чертёнок.

— Мне кажется, нет. Это же был эльфийский принц. Помнишь историю с тёмным генералом? Я хорошо её запомнил. После убийства богини к нему вернулись его глаза, и он начал чувствовать боль.

— Она же вырвала его глаза! — подскочил глупый чертик. — Они были синие! Значит, это её глаза, которые она отдала ему тогда! Значит, он принёс ей часть её души! Поэтому она начала реагировать по-другому! Ее внутренний голос — это голос этого осколка! Не «она не может его пытать», а «часть её защищает его»! — продолжал орать чертёнок.

— Вот ты, конечно, впечатлительный! — не оценил его восторга первый товарищ. — Перестань орать, сфера опять включилась сама.

Кровавая Барыня. Часть 2

Человеческая Эра | Век Кали | 2 цикл | 16-е тысячелетие

Время стерлось. Боли уже давно не было. Мне постоянно снились сны, как я убивала и пытала. Интересно, сколько можно прожить в земляной яме. Если бы меня спросили раньше, то я бы сказала, что года три, но оказалось, что я провела там 11 лет. Монашки перестали приходить. После того случая. Я потрогала руками живот. Он был уже большой.

Тот стражник. Он сменил моего старого охранника. Этот пожилой дед был добр ко мне. Иногда он оставлял мне свечу, и я смотрела безотрывно, как она догорает. И только потом ложилась обратно.

Новый стражник оскорблял меня. Первое время я отвечала ему, а потом начала игнорировать. Я чувствовала его ненависть. Интересно, он ненавидит свою мать или другую женщину. Однажды он залез ко мне. Я почувствовала страх. Но он был другим. Это был животный страх. Я отскочила в противоположный угол ямы. Его рот не закрывался. Я поняла, что он собирается сделать. Я не кричала. Я будто бы лишь на мгновение что-то почувствовала. Но это слетело как наваждение. Поняв, что я не кричу и не сопротивляюсь, он стал спускаться чаще. А я начала плести веревку, собрав куски грязных тряпок.

Он делал это снова, в этот раз спереди, что случалось редко. У меня было уже несколько возможностей, но я терпеливо ждала. И в этот раз он был сильно пьян. Он схватил меня за горло, сжав его. А я протянула руку к его щеке и погладила ее. Но я гладила не его, а мужчину с чёрными волосами и карими глазами.

— Я люблю тебя, — я сказала это вслух.

И стражник растерялся. Я резко перевернула его, сев сверху. И положила свои руки ему на лицо.

— Я люблю тебя, — снова сказала я. Кажется, я никому никогда этого не говорила.

И, резко сместив положение рук, воткнула свои большие пальцы в его глазницы, почувствовав, как лопаются его глазные яблоки. Раздался крик. Он попытался тут же скинуть меня, и у него почти получилось, но я надавила ещё сильнее, утопая руками в образовавшихся дырах. Я чувствовала свои ногти, которые отрывались от пальцев, но мне было всё равно. Затем я резко отпустила его, кинувшись за своей верёвкой. Он пополз, ища лестницу. Но боль дезориентировала его. Я слишком хорошо знала этот принцип. И давно придумала этот план. Боль от проколотых глаз. Я поняла, что если у меня получится, даже сильный мужчина не сможет среагировать сразу. И я накинула ему на шею верёвку в два оборота и начала тянуть. Я долго душила его. Раньше это получалось у меня гораздо быстрее. И когда он наконец умер, я вернулась к его изуродованному лицу. Я поднесла к нему свечу, которую он принёс с собой. И, держа одной рукой свечу, другой я начала выковыривать остатки его глаз.

Его пропажу заметили утром, когда пришли забирать мои горшки, в которые я справляла нужду. В яме так и стояла лестница, которую он спустил. Я не поднялась по ней. Что мне делать там наверху? — спросила я себя.

И началась паника. Сбежались монашки. Они были далеко, я слышала гул голосов и старуху, которая разгоняла их. Кажется, сплетни в этом святом месте распространяются слишком быстро. Но никто не спустился, видимо, они кого-то ждали. Голоса стихли, и крышка открылась. И по лестнице ко мне начала спускаться женщина. В её руке был фонарь, огонёк в котором осветил мою яму. Я машинально закрылась руками от света. Спустившись, старая монашка подняла фонарь и осмотрела комнату. И увидела удушенного стражника, без глаз и без штанов, а потом посмотрела на меня. Я сидела на корточках в позиции защищающегося животного. Интересно, почему спустилась она. Я думала, они отправят мужчин.

— Вылезай наверх, — сказала монашка.

Я лишь покачала головой, зарывшись в угол.

Позже они вытащили меня. Я кричала. Я не хотела наверх. Когда я успокоилась, монашки отмыли меня и заперли в каменной камере. Но я всё равно была в той земляной яме. Когда я просыпалась по ночам, я сначала чувствовала запах грязи и сырости, затем видела вокруг земляные стены и привычные тени. И только потом видение спадало, и я видела новую камеру.

Так случилось и в этот раз, когда я проснулась и снова трогала свой округлившийся живот.

Живот становился всё больше. Я боялась, что они заметят. Заметят, что я беременна. Лежа в каменной камере и трогая живот, я пыталась вспомнить, что случилось с другими моими детьми. Я вспомнила мальчиков, как их увезли из поместья, когда началось следствие. Но не могла вспомнить, что стало с девочкой. Я помнила, что родила девочку. Это был третий ребёнок. Почему я не могу вспомнить?

В итоге о моей беременности узнали. Живот стал слишком явный, ряса, что мне дали, не могла его скрыть. Но был один плюс — меня стали кормить чаще. Я знала, что они заберут ребёнка, если он родится живым. Монашка даже привела кого-то осмотреть меня. Но я не позволила притронуться к себе.

Прошли последние два месяца. Я чувствовала, что скоро начнутся роды. Я родила ночью. Я прикусила тряпки, чтобы не кричать. Чтобы они не услышали, что я рожаю. И я родила одна. В каменной камере. Коридор оглушил детский плач. И к камере тут же примчался охранник. Но я уже держала ребёнка на руках. Это была девочка. Я родила девочку.

Утром возле моей камеры стояло несколько монашек. Они хотели забрать её. Но я не отдала. Они не стали забирать её силой, побоявшись, что ребёнок пострадает. У меня появилось молоко. Кажется, это было впервые. Или нет?

Прошло несколько дней. Я постоянно держала ребёнка на руках. Я даже спала сидя с ней на руках, просыпаясь от любого шороха. Я не понимала, что со мной происходит. Я знала, что ребёнка заберут. Я вспомнила, как Строганов убивал недоношенного младенца. Почему я не могла отдать этого ребёнка? Я что-то забыла. И уже несколько дней безуспешно ковырялась в своей повреждённой памяти.

Они пришли снова. Они снова хотели забрать её. И у меня случился приступ. Я начала ходить по камере с ребёнком на руках и бессвязно бормотать:

— Моя девочка. Они забрали её. Забрали мою девочку. Моя девочка. Они забрали её. Забрали мою девочку.

Я вспомнила. Я родила девочку. Роды были тяжёлые, но ребёнок родился здоровым. «Это девочка», — объявила повитуха, и я расплакалась, протянув руки. И она дала мне ребёнка. Я помню, как держала её на руках. Она была такая крошечная. Моя девочка.

Через несколько минут в комнату зашёл муж. Если бы я отравила его раньше… Моя девочка осталась бы со мной?

— Заберите ребёнка.

Я не успела среагировать, повитуха забрала младенца из моих рук. Но что бы я смогла тогда сделать?

— Найдите кормилицу и отправьте её с ребёнком в соседнее поместье, — услышала я его следующие слова.

— Нет. Я хочу, чтобы она осталась здесь, — в панике проговорила я.

Но он просто развернувшись вышел из комнаты. Я бросилась за ним с кровати и упала на пол.

— Не увозите её. Пожалуйста, не увозите.

Я начала рыдать, пытаясь подняться, но не смогла. Открылось кровотечение. Кажется, я тогда потеряла сознание.

Я не знаю, сколько дней прошло. Когда я проснулась, первое, что вспомнила — он забрал моего ребёнка, мою девочку. И я побежала к нему, к своему мужу. Но его не было в поместье. Он просто уехал. Оббежав всё, я рухнула в гостиной. Моя истерика не прекращалась. Вокруг меня собрались все слуги. Они не знали, что делать.

— Мой ребёнок. Отдайте моего ребёнка. Моя девочка. Где моя девочка?

Я ползала по полу гостиной, как будто потеряла зрение.

— Мой ребёнок. Где моя девочка?

Это продолжалось, пока я не упала без сил.

Молоко. Боли в груди мучили меня несколько месяцев. Я плакала и кричала ночи напролёт. Пока не приехала Кристина. Она начала спать со мной, обнимая меня, пока я рыдала. Я не помнила, сколько провела в таком состоянии.

Наконец муж вернулся. Я смогла с ним встретиться. Моя депрессия превратилась в гнев. Я вспомнила тот скандал в его кабинете. Я требовала, чтобы он вернул ребёнка или отпустил меня к ней. Я скинула все его вещи со стола и начала сбрасывать книги, крича, чтобы он вернул моего ребёнка.

Он ударил меня, и я упала, начав плакать.

— Это не твой ребёнок! Ты слышишь! Это не твой ребёнок! — я кричала это со всей ненавистью, на которую была способна.

Как я могла забыть это. Я поняла. Поняла, о чём сожалею. О этих словах, которые сказала ему в порыве гнева.

В какой момент я забыла? В какой момент я начала ненавидеть ее вместе с остальными? Я никогда не пыталась узнать, что с ней стало. Убил ли он её после моих слов или куда-то отослал?

В тот день монашки снова ушли, не став вырывать у меня из рук ребёнка. Я кормила её. И смотрела, как она спит. Моя девочка. Моя маленькая девочка.

Я поняла, что важным в моей жизни была не Кристина. И не Стельман. А та девочка, которую у меня забрали. И она вернулась. Но они снова заберут её. Осознав это, я начала плакать. Слёзы. Как много лет их не было?

Девочка заснула. Я продолжала держать ее на руках, смотря, как она спит. Я ждала, когда они снова придут. И они пришли. Мой слух обострился, и я услышала шаги еще до того, как они оказались в коридоре, который вел к моей камере.

Я думала, их будет много. Но, кажется, было всего двое. В камеру зашла только одна старая монашка. Та самая, которая тогда залезла в мою яму. В руках у нее был тот же самый фонарь. Я только сейчас поняла, что была ночь. Почему они пришли ночью?

— Ты же понимаешь, что не можешь оставить ее здесь. Ты хочешь, чтобы она, как и ты, была узницей этой камеры? — услышала я слова старой монахини.

Но я только сжалась в стену, сильнее обнимая ребёнка. Я понимала это. Но я не могла отдать ее. Я не могла.

Монашка присела рядом и задала вопрос, который я уже слышала много тысяч раз.

— Хочешь покаяться?

— Хочу, — ответила я, глядя в её старые глубокие глаза.

— В чём ты раскаиваешься?

— В том, что я тогда сказала мужу. Сказала, что это не его ребенок, — проговорила я, сильнее сжимая младенца.

Монашка поднялась, и я увидела за решеткой силуэт. В камеру зашла ещё одна монашка. Я еще сильнее сжала ребёнка.

Монашка наклонилась к мне. Это была молодая девушка. На вид ей было 20-25 лет.

— Мама…

Это сказала она? Я испугалась и закрыла глаза.

— Отдашь мне ее? Я смогу позаботиться о ней.

Я открыла глаза и в свете лампы посмотрела на ее лицо. У нее были, кажется, карие глаза. Было темно, но я так подумала. Я хотела спросить, какого цвета у неё глаза, но не смогла.

Она продолжала сидеть и ждать, пока я отдам ей ребенка. И я отдала.

Я не помнила, сколько времени прошло. После того как они унесли ребёнка, я просто лежала лицом в стену. Я не ела, ни пила, даже не ходила в туалет, я просто лежала. Лишь изредка меняя положение, перекатываясь на другой бок. Я не хотела жить. Я умирала. Периодически я проваливалась в сон, а когда просыпалась, продолжала смотреть в стену. Я начала чувствовать слабость и головокружение.

Я спала. Меня разбудил голос. Я не сразу поняла, что он звучит наяву, а не в моём сне. Я узнала её голос. Девушка, которая приходила ко мне со старой монахиней. Девушка, которой я отдала своего ребёнка. Я поняла, что она сидела за решёткой моей камеры и читала писание. Закончив, она покинула коридор, оставив еду.

Но я не встала, так и продолжая лежать. И на следующий день она пришла снова. Снова принесла еду и снова начала читать писание. А потом также ушла. И я стала ждать, когда она придет снова.

И она пришла снова. Я снова услышала её голос. И захотела развернуться, но не смогла почувствовав страх.

Когда она закончила, как обычно подняла нетронутую тарелку и поставила новую. Но в этот раз я услышала тихие слова:

— Я сама его приготовила.

Сказав это, она вышла. Я развернулась от стены, впервые встав на четвереньки за последние несколько дней. И через головокружение подползла к месту, где она оставила тарелку. Это был свежий монастырский хлеб. Взяв его в руки, я поняла, что он был еще тёплый. Но он должен был уже остыть. Значит, она его во что-то завернула. Так я снова начала есть.

Она пришла еще трижды. И я задала ей три вопроса.

Она, как обычно, садилась возле моей камеры и читала писание. До этого я не слушала. Её голос был лишь фоном. Первый отрывок, который я слушала, был про Бога. Про снисхождение Бога на землю и про спасение грешных людей. Когда она закончила, также поставила еду на каменный пол моей камеры.

Она уже поднялась, чтобы уйти, когда я задала свой первый вопрос.

— Какого цвета твои глаза?

— Зелёные.

Второй рассказ был про дьявола. Про заповеди и искушение человеческих сердец. Сегодня она принесла суп. Это было что-то похожее на овощную похлёбку. Она отдала мне глубокую деревянную тарелку сразу, сказав, что он остынет. И я забрала эту тарелку из её рук.

Когда она уходила, я задала второй вопрос.

— Как тебя зовут?

— Агния. Агнесса.

Третий рассказ был про прощение. Что все в этом мире заслуживают прощения. Что все грешники заслуживают прощения.

Она принесла хлеб и кашу. И книги.

— Я уезжаю. Я увезу её отсюда, — услышала я её слова, когда она поставила стопку книг на каменный пол. Я сидела на противоположной стороне камеры. Когда она сказала это, я при-

близилась, перебираясь на четвереньках, и коснулась книг, которые она положила. Я ничего не сказала, и она продолжила свою речь.

— Я постараюсь приехать снова, если получится.

Книги. Это было её прощание. Она собиралась уходить, и я задала свой последний вопрос.

— Простила ли ты своих родителей за то, что они бросили тебя?

— Простила, — ответила молодая монахиня, которую звали Агния. Агнесса.

Я накручивала круги по камере, опираясь на свою сухую палку. Ноги уже давно подводили меня, кости каждый день болели. И без неё мне было тяжело передвигаться. Сегодня у меня было отличное настроение. Вчера я узнала, что императрица умерла. И рассмеялась.

— Это что, был смех? — услышала я голос своего старого надзирателя.

— Тебе показалось.

Он присел на пол рядом с камерой, по другую сторону от решетки, а я продолжила ходить кругами.

— Тебя же периодически выпускают, зачем наматываешь круги?

— Чтобы ты спросил.

На самом деле я не знала, зачем постоянно хожу по камере. Казалось, я должна куда-то идти, но я уже и правда выдохлась. Доковыляв до места, напротив которого сидел сторож, я аккуратно присела рядом.

Я вспомнила день, когда он впервые появился. Кажется, это было лет семь назад. Я не сразу его заметила. Я погрузилась в книги. Я прочитала всё, что оставила мне Агнесса. Днём в камеру попадал свет от узкого окошка в верхней части стены, я садилась так, чтобы он падал на книгу, и читала. Иногда я читала вечером и даже ночью, если были свечи, которые монахини периодически приносили мне. Эти жадные женщины постоянно бубнили, что я быстро трачу их. Настоятельница умерла. Но монашки также продолжили приносить книги. До своей смерти этим занималась она. И периодически она разговаривала со мной. Она спрашивала, не хочу ли покаяться в чём-нибудь ещё. Но я всегда отвечала короткое «нет». Были книги, которые я ждала больше прочих. Те, которые присылала Агнесса. Она больше не приехала. Но несколько раз отправила мне книги. Это стоило того, чтобы ждать.

Все годы до назначения на службу этого старого сторожа я ни с кем не разговаривала, за исключением редких бесед с настоятельницей.

Он первый заговорил со мной.

— Что читает барыня?

Барыня?

Я резко повернулась в его сторону, прожигая глазами.

— Ты что, крепостной?

— Был когда-то, — ответил старик, присаживаясь рядом с моей камерой. Я прищурилась. Он рассмеялся, продолжая:

— Десять лет назад получил вольную от старого барина.

— А я бы убила тебя, если бы ты был в моём поместье, — почему-то решила проинформировать я старого сторожа.

— Но ты не убила, — ответил старик. И я снова прищурилась. Он знал меня? Но я не стала спрашивать.

Так мы начали общаться. Его звали Семён. Он не умел читать, и я начала пересказывать ему содержание прочитанных книг. И рассказывать про миры, которые видела. Он называл их сказками. Сказки Барыни. Он часто приходил вечерами и, садясь у решетки, говорил:

— Какие сказки барыня расскажет сегодня?

Я пыталась вспомнить, в какой момент начала видеть их. Другие миры. Кажется, после того, как ко мне в камеру попала книга Парацельса. Или это было раньше, но я поняла их только после прочтения этой книги.

Но это точно было после того, как успокоились голоса. Я думала, что начала слышать их только в яме. Но я вспомнила, что слышала их ещё в детстве.

— Завтра тебе разрешили выйти. Милость по случаю траура великой императрицы.

— А её смерть не бесполезна, — снова рассмеялась я.

Когда Семён ушёл, я нарезала ещё несколько кругов по камере и легла спать. Перед сном я снова увидела её. Слепую старуху с посохом, которая шла через пустыню. Это я?

Семен пришел за мной в полдень. Он протянул верёвку, которую я надела на свою шею, и повёл меня из камеры на улицу. Когда я вышла, сразу закрыла глаза от яркого света. Моё зрение было плохим. Я хорошо видела вблизи, но очень плохо вдаль. Семен держал верёвку, а я шла рядом, опираясь на трость. Он остановился. Проследив за его взглядом, я поняла, что впереди были дети. Он хотел увести меня.

— Я не буду их пугать, — пообещала я, и он успокоился.

Я вспомнила, как однажды мы гуляли. Кажется, это был второй раз, как меня вывели. Я была уже стара и не представляла угрозы. В тот день в монастырь приехала большая семья. И нашу прогулку застали дети. Они прыгали, крича: «Людоедка! Людоедка!» Кто-то сказал им это. И я прыгнула в их сторону, рыча и показывая зубы. Они испугались и убежали. А я рассмеялась.

Было ещё несколько случаев. Однажды он застал, как я совала палку в решётку и проклинала кого-то наверху. Это были очередные посетители, пришедшие поглазеть на узницу. Я была достопримечательностью этого монастыря. Самый смешной случай был, когда я побежала за двумя мужиками, а Семён потерял верёвку. Им посчастливилось застать нашу прогулку. И они начали плеваться в мою сторону. Но я увидела, что они боятся. И, сделав безумное лицо, кинулась в их сторону. Семён всегда держал верёвку просто так. Он не ожидал, что я побегу, и веревка легко вырвалась из его рук. Его тогда отчитали по первое число.

— Зачем ты это делаешь? Зачем пугаешь их? — спросил старик Семён, когда наконец догнал меня. — По Москве уже давно ходят слухи, что ты превратилась в безумное животное.

— Они думают, что всё поняли. Но на самом деле они ничего не поняли, — ответила я тогда.

Мы подошли ближе, и я увидела детей. Это была девочка лет семи, которая держала за руку маленького мальчика, очевидно её брата. Они молча смотрели на нас. Потом появились их родители и быстро увели детей на внутреннюю территорию монастыря.

— Давай посидим тут, — предложила я. И мы присели рядом с аллеей деревьев, за которыми начинался небольшой овраг.

— У тебя сегодня хорошее настроение, — констатировал Семён.

— Императрица умерла, — ответила я.

— Почему её смерть так радует тебя?

— Потому что эта Великая сука снова проиграла мне, — ответила я. А Семён тут же шикнул на меня, оглядываясь по сторонам.

— Если барыня будет такое болтать, то больше не сможет выйти сюда.

Я снова рассмеялась.

Два маленьких чертёнка:

— Значит, это всё потому, что у неё забрали ребёнка... — понял глупый чертик, когда этот сюжет закончился, и спросил: — А почему она так отреагировала на девочку, но ей было всё равно на мальчиков?

— Хм, может, потому что она ненавидела мужчин? — сделал правильное предположение умный чертик.

— Значит, если женщина ненавидит мужчин, то это распространяется и на её детей? Если даже она ненавидит какого-то одного мужчину, это тоже распространяется на всех?

— Получается, что так.

— А насколько сильно надо ненавидеть, чтобы убить своего ребёнка? Это какая-то болезнь? Это ведь противоречит базовому природному инстинкту, — пребывал в недоумении глупый чертик.

— Ну, крыша у неё давно протекла, это было ещё в прошлом сюжете очевидно, — ответил первый чертёнок.

— А почему она кричала и не хотела вылезать из ямы? — задал ещё один вопрос тот, который всегда много спрашивал.

Но тот, который всегда отвечал, не понял этого и решил спросить в ответ.

— А сам что думаешь?

Глупый задумался. А потом выдал свою теорию.

— Я думаю, это снова связано с чувствами. Точнее, с их потерей. Эти сюжеты — пребывание в яме и в Нижнем Астрале — они ведь связаны. За свою человеческую жизнь она дошла до девятого уровня астрала, а значит, она потеряла всё. Все чувства. И себя. Как Хозяйке Нижнего Астрала не зачем было выходить наверх, так и ей это было не нужно. Получается яма стала физическим воплощением Нижнего Астрала в человеческом мире.

— А что, если она выжила в той яме только благодаря тому, что потеряла чувства. Нормальный человек не вынесет такое заточение. А вот если ты стал демоном, то совсем другое дело. Получается, чувства местами крайне бесполезная вещь, — сделал свои выводы первый чертик.

Глупый чертенок вздохнул.

— А связано ли её освобождение из ямы с тем, что в Нижнем Астрале к ней вернулась часть души, которую принёс светловолосый? Те моменты, когда она вырывала ему глаза возле трона на девятом уровне и когда выкалывала глаза этому насильнику в яме, они перекрестные? Получается, здесь реальности встретились? Получается законы метафизических миров проецируются на физические? — продолжал рассуждать маленький глупый чертёнок.

— Очень на это похоже, — согласился с ним товарищ.

— Значит, все происходит одновременно. Все жизни происходят одновременно... Но тем не менее они связаны, одни жизни вытекают из других и наоборот. Но как нам найти начало и конец... Как мы сможем разобраться, если ничего непонятно? — распереживался глупый чертик.

— Ну чего опять раскис! Тебе повезло! У тебя есть я! Я во всём разберусь! — ударив себя в грудь, заявил умный чертик.

— Кстати, эта Агнесса — ведь та девочка из Версаля, которую Филипп подобрал в Англии. Тогда он спас её, а сейчас она спасла барыню. Но я так и не понял: Агнесса — это её дочь или нет? Она назвала её мамой, но в итоге всё равно не понятно.

— А какая разница, настоящая она дочь в этой жизни или нет? Она пришла как её дочь, — как всегда логично рубил умный чертёнок.

— А та вторая девочка, которую она родила в камере…

— Маленькая Элис из Парижа, которой перерезали горло на постаменте вместе с остальными детьми, — закончил первый чертёнок мысль второго.

Они собирались продолжить обсуждение, но сфера снова засветилась.

Дополнение: История сторожа Семёна

Сторож Семён украдкой прошёл в коридор, который вёл к тюремной камере его барыни. Она лежала свернувшись калачиком лицом к стене. Недавно ей предлагали поставить кровать, но она отказалась. Он не знал, спит она или нет. Иногда она могла просто часами так лежать, игнорируя окружающих.

Семён принёс две книги. Он регулярно узнавал о появлении новых книг. И как только в монастырь попадали книги, он просил монашек принести их барыне. Иногда он делал это сам. Как сегодня. Он держал в руках две книги и красное яблоко.

Он аккуратно положил книги через решётку на пол камеры, а сверху на них поставил яблоко. Он знал, что она очень любила яблоки.

Он снова вспомнил тот день. Он всё ещё чувствовал вину. Он вырос в поместье Ивановых. Ему было тогда, кажется, восемь. Он работал с дядей на ферме. Его крепостные родители умерли, когда он был маленьким, он даже не помнил их. О нём заботилась тётя. Ему очень нравилась дочка барина, которую звали Даша. Он часто подглядывал за ней, когда она гуляла в саду, если была такая возможность. Даша постоянно ела яблоки. Ей было двенадцать. Недавно был её день рождения. Барин отпраздновал его пышно и угощали даже крепостных. У барина были еще дочери, но Даша постоянно была одна. Он не видел, чтобы она с кем-нибудь из них играла.

Однажды она заметила его, когда рвала яблоки. И она сама подошла к нему, протянув одно.

— Ты хочешь яблоко? Ты постоянно смотришь, как я их рву.

Оказывается, она видела, что он подглядывает за ней. Так они подружились. Они стали убегать на самый дальний двор. Там стояли высокие стоги сена, и за ними можно было спрятаться, чтобы их не видели. За стогами, в метрах тридцати, стояли старые бараки. Там раньше были свинарники. Но барин уже давно приказал построить новые, ферму перенесли, а бараки так и не разобрали.

В тот день они снова играли там. Даша принесла ему печенье. Оно было очень вкусное. Был уже вечер, сегодня его отпустили пораньше. День был пасмурный и периодически моросил дождь. И они побежали к этим баракам. Они уже заходили туда несколько раз. Они бегали наперегонки. Он опять проиграл. И как она умудрялась в своём платье обгонять его!

Он услышал её крик слишком поздно, когда уже вбежал в старые двери. Беглые крепостные. Их было четверо.

Один из них уже держал её, а она пыталась вырваться. Семён вспомнил, как закричал на них.

— Не трогайте барыню!

Но один из четвёрки ещё когда он не успел закончить фразу, приложил его по голове.

— Значит, это у нас маленькая барыня, — услышал он последние слова перед тем, как отключиться.

Он очнулся от её криков. Он понял, что они засунули ей что-то в рот, но она кричала, не переставая. Он аккуратно повернул голову. Он увидел, как один из них насилует её. Двое держали её, а четвёртый смотрел и дрочил.

Он понял, что если попытается выбежать через дверь, его поймают. Он вспомнил про свиной лаз и пополз к нему.

Выбравшись, он побежал в поместье. Но это было не близко. До поместья была одна верста. К счастью, он сразу увидел на дворе барина и его слуг.

— Маленькая барыня в старых бараках! Там беглые крепостные!

К счастью, они среагировали очень быстро, и все уже неслись туда с оружием.

Он бежал следом. Он боялся, что её уже убили. Но когда они прибежали, они всё ещё насиловали её. Он много раз пытался посчитать, сколько времени прошло. Они убили их прямо

там. Он увидел это, застыв в двери. Один из беглых крепостных с простреленной головой упал прямо на неё. Она всё ещё кричала. Но это уже был только севший хрип.

А то что случилось потом… Кто-то распустил слухи. Наверное, кто-то из служанок. Он слышал от двоих, как они шептались, что что-то произошло с маленькой барыней. Её держали в комнате, она постоянно кричала и никого не подпускала к себе. Одна из них сказала, что барин ударил её потому, что она никак не успокаивалась. Через три дня поместье утихло. Потому что пропало слишком много людей. Они забрали и его.

Он помнил, как стоял, глядя на яму мёртвых тел. Здесь были все, кого он знал, пока рос в поместье. И он понял, что будет тоже похоронен в этой яме. Но друг барина пощадил его. Семён вспомнил, как он навёл на него курок, но в последний момент опустил ружьё. Он забрал его в своё поместье, сказав, что если тот проронит хоть слово, то он его убьёт. Семен прослужил этому барину до старости. И когда тот умирал, он отпустил его.

Он был там. На площади в Москве, где она стояла, привязанная у столба. Он думал о том, что это его вина. Если бы она не подружилась с ним, она бы никогда не оказалась в тех бараках.

Оставив книги и яблоко, Семён вышел. Первое время он боялся, что она спросит о том, откуда он её знает. Но она так и не спросила. И он понял, что она не спросит. Утром он увидел, что яблоко было съедено.

Дополнение: Смерть Кровавой Барыни. Последнее путешествие

Я умирала. Я чувствовала это. Я уже несколько дней не вставала. Семён обхаживал меня, суетясь рядом. Монашки хотели забрать меня в келью. Но я сказала, что буду умирать здесь.

Я снова видела её. Слепую старуху. Она уже несколько дней стояла и звала меня за собой. Когда Семён наконец ушёл, я пошла за ней.

Мы оказались в моём родном поместье. В поместье моего отца. Я увидела стоги сена. Я знала, куда она поведёт меня. И мы двинулись к старым баракам. Я посмотрела на свои руки. Они были молодые. И я снова была молодая. Кажется, мне было двадцать семь. Я поняла это, потому что на мне было вельветовое бордовое платье, в котором я отмечала свой двадцать седьмой день рождения. Старуха уже стояла возле барака, открывая дверь. Она водила меня по стольким мирам. И наконец привела туда, куда я так много лет не могла вернуться. Я испугалась. Но, вспомнив, что мне не двадцать семь, шагнула вперёд. Я дошла до барака и прошла в двери, которые открыла для меня слепая старуха.

И я увидела её. Девочку, которой было двенадцать. Девочку, которую насиловали четверо крепостных. Но они были как будто за стеклом от меня. Я ничего не чувствовала. Поэтому смогла всё детально рассмотреть. Я увидела мальчика, который лежал без сознания в противоположном углу с разбитой головой. Затем вернулась к сцене насилия. Они были обросшие и в рваной одежде. Они насиловали девочку по очереди, меняясь местами. Двое держали за руки. А третий дрочил. Он единственный, кто не трогал её. Менялись только трое. Я увидела, как тот, что был самый низкий, вытащил из её рта кляп. И засунул ей пальцы в рот, открывая его. Девочка начала мотать головой, но это её не спасло. Он засунул ей в рот свой член. Она начала задыхаться. Начались рвотные позывы. И когда он вышел, она перевернулась на бок, и её вырвало. Она попыталась отползти вперёд, но самый высокий схватил её за ноги и потянул назад. Он начал насиловать её сзади. Она снова кричала, но это были только хрипы. Голоса уже не было. Когда он закончил, третий перевернул её снова, раздвинув ноги. Они больше не держали её. Она почти не вырывалась. Я посмотрела на лужу крови под местом, где она лежала.

Следя за этой сценой, я упустила, в какой момент исчез мальчик. Я услышала шум шагов, и через секунду в барак ворвались мужчины. Барин, мой отец. Его друг. И четверо слуг. Они сразу же открыли огонь. Я увидела, как прострелили голову тому, что был ещё на девочке, и он упал на неё. Она снова закричала, но звука не было. Остальные тоже были убиты. Я проследила

взором в сторону дверного проёма и увидела мальчика, который видел это. Ему было восемь. Я помнила, что его зовут Семён.

Затем старуха повела меня в поместье. В мой родной дом. Мы зашли через парадное крыльцо и, минуя несколько комнат, оказались в спальне этой девочки. Она забилась в угол и кричала. Две служанки пытались снять с неё порванное окровавленное платье, чтобы помыть её. Но она продолжала кричать. В комнату вошёл барин. Он потянул её за руку из угла. Но она также продолжила упираться и кричать. Хотя на крик это было мало похоже. Это было похоже, как кричала рыба, выброшенная на берег. Барин ударил её. И девочка потеряла сознание. Служанки помыли её и переодели, наложив смоченные травами бинты на её промежность. Затем все вышли, оставив её одну.

Мы со старухой стояли и ждали, когда она проснётся. Она открыла глаза. И просто лежала, не шевелясь. Они пришли снова, чтобы напоить её отваром. Но она не хотела пить. Она снова начала вырываться и кричать. И снова пришёл барин. И снова ударил её. И служанки напоили её силой.

После этого она больше не кричала. И больше не плакала. Она просто лежала на правом боку и смотрела в стену перед собой.

Я поняла, что в этой комнате тоже было стекло, через которое я смотрела.

— Сможешь разбить это стекло? — спросила старуха.

Я подошла и потрогала стекло. И поняла, что не могу его разбить.

— Я не могу его разбить, — ответила я.

— У тебя есть выбор.

Старуха стукнула посохом, и мы снова оказались в бараке, где беглые крепостные насиловали девочку.

— Ты не заметила, но кое-кто ещё пришёл посмотреть, — слепая старуха показала мне, и я действительно увидела девушку, которая тоже была здесь. И тоже смотрела на эту сцену. У неё были чёрные волосы чуть ниже плеч и странная одежда.

— У тебя есть выбор. Ты можешь уйти со мной. Либо ты можешь остаться с ней. — Старуха указала на черноволосую девушку и добавила: — Она сможет разбить стекло.

Я посмотрела на свои руки и поняла, что снова приняла свой возраст. Я не заметила, когда это произошло.

Я ещё раз посмотрела на слепую старуху и ещё раз на девушку. И я шагнула в сторону девушки. Потому что она могла разбить стекло. Вспыхнула вспышка света.

Я почувствовала резкую боль в сердце и вернулась в свою камеру, открыв глаза. Мгновение. И я провалилась в темноту.

Два маленьких чертёнка:

— Хочешь что-то обсудить? — осторожно спросил умный чертик, так как его впечатлительный товарищ явно плохо себя чувствовал после этой сцены.

— Нет, — ответил глупый чертик.

Дополнение: Мама

Агнесса. Когда она читала мне, я снова вспомнила маму. Мама. Я не помню, сколько пролежала тогда. Кажется, несколько месяцев. Не помню, сколько дней не ела, прежде чем она вернулась ко мне. Моя мама.

Она каждый день сидела со мной. Я всегда лежала на боку с левой стороны кровати и смотрела в стену, где стоял большой деревянный шкаф. С этой же стороны кровати стояла табуретка. Она садилась на неё и гладила меня по голове. «Моя девочка», — говорила она. Она ничего не спрашивала. Просто гладила меня и сидела рядом. Она каждый день читала мне, ложась с правой стороны кровати. Раньше я очень любила, когда она читала мне, пока

отец не отослал её. Она поила меня тёплыми бульонами и кормила кашей. Я ела только из её рук. Она была рядом каждый день в течение этих нескольких месяцев. Каждый день гладила меня. Каждый день читала.

Я помню тот день. Когда наконец заплакала. Она снова читала мне. Сказки. И я начала плакать. Она отложила книгу и, обойдя кровать, села рядом. Она обнимала меня, пока я плакала. «Моя девочка», — лишь говорила она.

Я наконец встала. И начала ходить. И через несколько дней отец снова отослал её. Мою маму. И я больше не увидела её. Её не было даже на моей свадьбе. Её больше не было в моей жизни. Не было моей мамы.

Два маленьких чертёнка:

— Как он мог отослать её маму… Она ведь начала выздоравливать. Он снова сломал её. Её отец. Отнял последнюю возможность исцеления, — расстроенно проговорил второй чертёнок.

— Так вот почему она отравила своего мужа. Не из-за Кристины. А потому что он отнял у неё дочь. Так же, как отец отнял у неё мать. Исцеление было прервано, — высказался первый.

— Теперь я понял, почему чтение Агнессы помогло ей. Почему книги стали её целительным ритуалом… Это единственная связь с тем, что было добрым и спасительным в её жизни. Связь с её мамой, — добавил второй.

— Значит, она сломалась не тогда, когда над ней надругались, а когда отняли того, кто мог её собрать, — подытожил первый и тихо закончил второй.

— И я понял, почему она так любила яблоки… и почему рассказывала сказки…

Расскажи мне сказку, мама

Маме, которая читала мне сказки
Расскажи мне сказку, мама,
Я тихонько лягу рядом.
Расскажи мне сказку, мама,
Где в морях, за океаном,
Сквозь дремучие дубравы
Пробирался витязь славный.
Как спасал свою подругу
От лап чёрных колдуна,
Души истинной супругу,
Что в разлуке безутешна,
Что в виденьях так прелестна,
Что в мгновениях чудесных
Князю снилась в грезах сна.

Преграды разные встречая,
Сражался с множеством врагов,
Путь свой на север продолжая,
Был князь Руслан на всё готов.
Достиг обители злодея,
Добравшись до подножья гор,
Где замыслы свои родея,
Жил тот ужасный Черномор,
Его жену укравший вор.
Сражая злого колдуна,
Увозит князь свою Людмилу,
Но дремлет крепким сном она,
Княжна, что сердцу столь мила.
В пути, предательством сражённый,
Мечом захваченный врасплох,
Князь погибает, поражённый,
Но вмиг, спасённый силой вод,
Смывая хлад забвенной смерти,
Вновь восстаёт идти вперёд
И, возрождая славу чести,
Летит стремглав, покорный силе,
В бою разбив степных врагов,
Он возвращается к Людмиле,
Снимая сна с неё оков.

Расскажи мне сказку, мама,
Я тихонько сяду рядом.
Расскажи мне сказку, мама,
Как в том мире с чудным садом,
Что скрывался за дверями
Под глубокой, вниз норой,

С дивно-странными зверями.
Где той маленькой тропой
Девочка меж грез бродила,
В лес дремучий угодила.
Гусеница где кальян курила
И вальяжно говорила,
Возлежа на шляпке гриба.
Где на дереве, стращая,
Улыбался до ушей,
Не в своем уме, вещая,
Кот Чеширский меж ветвей.
Но Алиса не боялась
Хамской грубости зверей,
Про себя лишь возмущалась
Странной странности вещей.
С зайцем мартовским общалась,
Несуразный слыша треп,
Лишь сильнее удивлялась:
«Сколь безумный здесь народ!»

Съев волшебного гриба,
В сад попала там она,
Где семёрка и пятёрка,
Препираясь невпопад,
Исправляли свой обет,
Крася розы в красный цвет,
Чтобы не держать навет
Королевы алых черв,
Что хотела всем отсечь,
Доходя до крайних мер,
Головы с бумажных плеч.
Вот же дивная страна,
Что чудес с лихвой полна!

Расскажи мне сказку, мама,
Я тихонько буду рядом.
Расскажи мне сказку, мама,
Как в одном селе далёком
Бела лошадь ненароком
Потоптала всю пшеницу
И в ночь поймана с поличным,
Откупившись от Ивана,
По прошествии трёх дней,
Родила ему коней:
Два больших, как исполин,
И коротенький один,
Был с ушами как аршин
И с горбами двух вершин.

Раз нашёл перо Жар-птицы,
По пути Иван в столицу
Путешествуя с коньком,
Резвым, шустрым горбунком.
Раз попал он во дворец,
Стал служить там удалец,
Высыпаясь вволю, власть
И не ведая напасть.
Раз отправился в поход
Там, где занялся восход,
Где Жар-птицы, прилетая,
Семя винное клевали.
Раз поехал царь-девицу
Добывать царю в столицу,
Развернул для ней шатёр
И украл девицу вор.
Раз поехал в океан
Наш бывалый плут Иван,
Перстень дьявольский достать,
Чтобы горя вновь не знать.
С чудо-рыбой повстречался,
Что прощенья добивался,
С лунным месяцем общался
И с успехом возвращался.
Где в хоромах у дворца
Его девица ждала.
Обманув царя, плутовка
За Ивана вышла ловко,
Обвенчалась пара в час —
И царем тот стал за раз!

Так люблю я слушать сказки,
Когда мама в ночь читает,
Не смыкая сонны глазки,
Меня нежно обнимает.
Вижу, мама, ты устала
Под шершавый шум страниц.
Носом в книжку ты кивала,
Опуская свод ресниц.
Но тебя я вмиг толкала,
Не давая глаз сомкнуть,
Чтобы ты не засыпала,
Несмотря на поздний час.
Я развязки ожидала:
«Продолжай же, мама, сказ!»
Так люблю я слушать сказки,
Когда мама в ночь читает,
Не смыкая сонны глазки,
Меня нежно обнимает.

Ведь люблю так сказки я,
Я и душенька моя.

Сказки Барыни: Белая Змея

Человеческая Эра | Век Шивы | 3 цикл | 2-е тысячелетие

Это был рай. В божественном саду на цветущем дереве Бодхи дремала Белая Змея. Она, как обычно, ждала своего Золотого Дракона. Но вместо него нарушить её сон под дерево пришёл старик.

— Поможешь мне, Белая Змея? — попросил старик.

Белая Змея хотела отказать ему. Но она была добрым божеством. И знала, что старик не пришёл бы просто так. Поэтому согласилась. Согласилась помочь людям.

Старик открыл свой длинный рукав, и Белая Змея заползла туда. Так она впервые попала на землю. И старик потерял её, после того как она помогла ему.

Белая Змея увидела мальчика, который плакал под деревом. Ему было пять. Мама снова избила его. Она каждый день била его. Белая Змея увидела это. Она захотела утешить этого мальчика и подползла ближе, подняв свою белую голову из густой зелёной травы. Но она забыла, что больше не находится в божественном саду. Мальчик, увидев Белую Змею, тут же схватил её за шею. А она зашипела на него, прося отпустить. Но мальчик сжал только сильнее. И Белая Змея начала задыхаться. И она укусила его. Рука мальчика разжалась, и Белая Змея вновь упала в траву, спасаясь бегством.

Она провела в смертном мире несколько лет, прежде чем обратилась в молодую девушку. Она забыла божественный мир. Забыла райский сад. Но её натура была добрая. Она всегда помогала людям. Всегда была добра к ним.

Она встретила юношу. Такого же доброго, как она. Он показал ей мир смертных. Показал закаты. Показал рассветы. Показал, что этот мир может быть добрым. И показал, что этот мир может быть жестоким. Но обещал защищать её. Обещал защищать её от зла. И она доверила ему свою жизнь. У них родилось двое детей. Мальчик и девочка. Белая Змея была счастлива с ним.

Она бы прожила с ним хорошую жизнь. Но случилось то, чего Белая Змея не ожидала. Однажды ее увидел монах. И он сказал, что она зло. Он обвинил её на глазах у всех. И люди, которым она помогала, поверили ему. Они пришли в её дом и напали на её детей. Белая Змея защищала их. Но людей было слишком много. Она не хотела убивать. Она просто защищала их. Защищала своих детей. Её муж опоздал. Он не защитил её. Когда он вернулся, люди уже схватили её. Монах сказал ему, что она злой дух, принявший человеческую форму. Он показал ему тела убитых людей. И мужчина спросил Белую Змею, она ли их убила. И Белая Змея сказала правду. Она подтвердила это. И мужчина отказался от неё на глазах у всех.

И монах проклял Белую Змею, заключив под божественной горой. И там она, спустя сто тысяч лет, наконец стала демоном, которым её назвали. И, разбив оковы, сбежала в тёмные миры.

— Барыня, это снова грустная сказка. Вы обещали в прошлый раз хороший конец, — проговорил Семён после того, как рассказ был закончен.

— А почему ты считаешь, что это плохой конец?

Семён задумался и понял, что у него есть два вопроса.

— Кто был тот монах, что обвинил её?

— Это был тот мальчик, который плакал в тот день под деревом.

Дальше Семён хотел спросить, почему монах обвинил её. Но, услышав ответ на первый вопрос, понял, что второй вопрос был неверным. И, немного подумав, Семён наконец задал второй вопрос.

— Почему мальчик схватил Белую Змею в тот день?

— Он хотел, чтобы она укусила его. Он решил, что она ядовитая. Он хотел умереть, — ответила барыня.

У Семёна больше не было вопросов, он погрузился в мысли, окутавшие его сознание.

Два маленьких чертёнка:

— Мне кажется, или этот Семён отбирает наш хлеб? — прищурился первый маленький чертёнок.

— Пусть помогает, тебе жалко что ли? — стукнул его локтем второй.

— Так вот как Белая Змея попала в демонические миры, — подытожил умный чертик.

— Как думаешь, кто виноват в случившемся? Белая Змея, решившая подползти к мальчику? Или мальчик, схвативший Белую Змею? — спросил грустный маленький чертёнок.

— Виноват Старик! Который её потерял! — оживлённо выкрикнул умный чертик. — Понятно, почему этот старикан так впрягался! Это был его косяк! Потом бегал по трём мирам, строил невесть что. Не зря он не понравился мне! — продолжал пыхтеть умный чертик.

— Значит, у старика тоже есть карма. И он тоже в круге. Я думал, он стоит над ними. Руководит их судьбами.

— Как видишь, нет. Руководитель из него так себе. Только хлам собирать, — вынес окончательный вердикт умный чертик.

— Это грустно… Её муж не спросил, почему она убила их.

— А что бы это изменило? Она ведь убила их. Этого достаточно.

Глупый чертик погрустнел ещё больше и вернулся к встрече мальчика с белой змей.

— Так вот как началась их карма. Сфера наконец показала нам. Значит, это были их желания: она хотела утешить его, а он хотел, чтобы она убила его.

— В итоге они справились как никогда. Она снова и снова утешала его. Он снова и снова сдавливал её горло. После чего она снова и снова убивала его, выполняя его желание.

— Как могла такая тяжелая карма появиться из одного доброго намерения? — негодовал глупый чертёнок.

Но умный не знал, что ответить на это. Но ему захотелось как-то подбодрить своего раскисшего товарища.

— Ну чего ты киснешь! Мы ведь видели как Белая Змея и Золотой Дракон вернулись на Божественные вершины!

Глупый чертёнок кое о чем задумался и через некоторое время проговорил, то что было у него на уме.

— Кажется, я понял, что такое любовь. Это когда он спускается за тобой в ад. А ты ждёшь его там. Когда вы отдаёте другу самое дорогое, что у вас есть. Ваши глаза. Части вашей души, — проговорил глупый чертёнок.

— То есть, любовь — это страдание? — уточнил умный чертёнок.

— Получается, что так, — признал правоту его вывода глупый, хватаясь за поникшие ушки.

Умный рассмеялся и отвесил лёгкую оплеуху своему ванильному другу, произнося:

— Ну чего ты опять раскис.

В этот момент глупого осенило, он вспомнил как белая змея падала на голову золотому дракону и выдал новую мысль:

— Любовь — это когда она снова и снова бьёт тебя по голове, а ты готов снова и снова терпеть, находясь рядом.

— Да кому ты нужен! Здесь просто больше некого ударить, — буркнул умный чертик, отодвигаясь от друга.

— Если даже любовь это страдание, то не страдание как наказание, а страдание как плата за связь — за доказательство ее реальности. — закончил глупый чертик. Пусть он и не остался удовлетворён полученными выводами, но ему уже было не так грустно.

Кристина

Пересечение: Человеческая Эра | Век Кали | 2 цикл | 17-е тысячелетие & Серая Эра

Я проснулась утром, и первое, что вспомнила, — очередной кошмар, который сопровождался сонным параличом.

Мне снились кошки. Они ходили по мне, ища подходящее место. Кажется, их было пять. И они начали ложиться на мою грудь и рядом. В мгновение произошла будто бы смена восприятия, и я оказалась в тисках. Я была между сном и явью и не могла пошевелиться. Я чувствовала, как лежу на когтях, которые упираются в мои лопатки. И я закричала. Но звука не было, я не могла открыть рот. Но это сработало. Я кричала в голове, разбивая то, что сковывало меня, энергетической волной. И, разбив, тут же открыла глаза уже наяву. Я даже не вздрогнула. Суки. Как же хочется спать. Я сжала кулак, разбивая этих сущностей, и заснула.

И, проснувшись утром, прокрутила этот сон снова. Кошки. Они снились мне уже не первый раз. Кажется, последний раз это было, когда я гостила у родителей в деревне.

Я подумала о том, что последние дни с энерготелом что-то происходит. Я плохо спала и чувствовала нарушенное течение энергии. Но не пошла смотреть, уже привычно игнорируя ментал.

Но пару дней назад был еще один сон. Меня бросало по разным обрывочным сюжетам, которые я плохо запомнила. А вот последний сюжет… он отличался. Кто-то разбудил меня, позвонив в дверь. И я, встав, пошла открывать. Я не посмотрела в глазок и не спросила, кто там, сразу открыв дверь.

И увидела молодую женщину, которая тут же начала лезть ко мне в квартиру. Я преградила ей путь, спрашивая, кто она такая. И тут же во сне поняла, что это сущность.

— Я Кристина!!! — выдала женщина так, как будто это был пропуск, который должен был открыть ей двери моей квартиры. И снова ломанулась в квартиру. Я начала тянуть дверь на себя, пытаясь щёлкнуть замок. А она тянула с другой стороны и будто бы обиженно снова говорила:

— Я Крииистина!

И я проснулась на этом моменте, так и не поняв, удалось мне закрыть дверь или нет.

Я ошалела от её наглости! Кристина! То, как она это говорила во сне! Она вела себя так, будто бы была моей подружкой. Но никаких Кристин в моём окружении и в помине не было. Единственная Кристина, которую я знала, училась со мной в школе.

Потом днём я общалась с родителями. Папа рассказывал про свои сны. И я рассказала свой. Про Кристину! Выложив всё своё недовольство по поводу её наглости.

Закончив вспоминать Кристину, которая все еще продолжала бесить меня своей наглостью, я встала попить воды и, взяв ноутбук, вернулась в кровать, собираясь продолжить редактирование рукописи, которое не закончила вчера. Осталось дочитать одну повесть. Я какое-то время читала, пока не почувствовала накатывающее чувство. Я начала задыхаться. Не сильно. Но это было ощутимо, когда я расслабилась, погрузившись в это накатившее чувство. Началась мини-паничка. Значит, нужно посмотреть. И я тут же увидела эту яму. Но резко отбросила картинку. Дерьмо.

Я решила, что не пойду туда. И, расчесав непонятно откуда вылезшую на подушечке большого пальца шипицу, пошла завтракать.

Два маленьких чертенка:

— Эта Кристина, которая лезла в дверь! Это ведь та сущность, которую барыня создала в яме. Но я не понял: эта Кристина — светлая сущность или тёмная? — спросил второй чертёнок после окончания сюжета.

Умный задумался.

— Кажется, в яме она, создавая эту Кристину, выталкивала в неё последний свет. Она точно в начале была светлая. Но сейчас она будто бы выглядит как тёмная, — начал рассуждать умный чертик.

— А что, если, создав эту Кристину, она как раз таки и отделила от себя часть души? Что, если эта сущность Кристина на самом деле — частичка её энергии. Частичка её души... Так вот как создаются сущности! — сделал предположение глупый чертик.

— Похоже, так и есть. Но сейчас она выглядит как тёмная. Она ломится в квартиру во сне, а эта девушка её не пускает. Глядишь скоро наяву появится. Вместе с этими кошками, — ехидничал умный.

— Но эта девушка ведь в итоге сходит в яму. Мы ведь видели её во время смерти барыни. Интересно, почему сфера нам это сейчас не показала, — негодовал глупый чертик.

— Потому что этот кусок стекла непоследовательный. Показывает абы как, — бурчал умный чертик.

Хозяйка баркасов

Эра Полной Луны / Эра Тварей и Демонов

Мои баркасы вернулись. Эти тупые псы, которых я создала, не принесли тот осколок души, который я видела в караване. Я увидела её недавно и долго искала способ вытащить её оттуда. Прошло много времени, и я потеряла её в этом бесконечном потоке.

Поэтому я создала этих псов. Я использовала тёмную магию и запрограммировала их чувствовать душу. Их задача была — искать и поглощать осколки. А я впитывала их. И они принесли несколько. Но в этот раз они вернулись ни с чем. Ещё и не в полном составе.

Я коснулась головы одного баркаса, проникая в его ограниченное восприятие. И увидела, что произошло. Два демона увели её. Скоты. Я найду их. И они заплатят за своё воровство.

Ещё эти адские собаки. Почему они не слушаются меня! Я тоже её часть! Я пыталась позвать их! Но они не приходят. Но они пришли к этому осколку в караване. Тупые бесполезные псы.

Закончив с баркасами, я отправилась в свой замок на чёрных скалах. Скалы чёрных драконов и мост над тёмной бездной. Я уже не помнила, как давно находилась здесь. Кажется, минули сотни тысяч лет. Но я не проиграю. Я обязательно выберусь отсюда. И утоплю эльфов в их крови.

Два маленьких чертёнка:

— Значит, осколки собирают трое: Тёмный Генерал, эта демоница с баркасами и та черноволосая девушка, — сделал вывод умный чертёнок и тут же оживлённо предложил: — А давай снова забьемся! На того, кто из них победит! — и быстро добавил: — Я ставлю на Тёмного Генерала!

Глупый чертёнок задумался. И, вспомнив кое-что, проговорил:

— Я ставлю на черноволосую девушку.

— Ты уверен? Тёмный Генерал и демоница живут в магических мирах.

— Я думаю, у неё тоже есть магия.

— Не похоже, чтобы в мире той черноволосой девушки была магия! Ты снова не на того ставишь свой хвост! Эта демоница ведь уничтожила тогда эльфийскую расу! А значит она собрала очень много осколков. Последняя возможность передумать! — предостерегал товарища умный чертик.

— Нет, — ответил глупый. — Я ставлю на черноволосую девушку.

— Что получит победитель? — тут же выдвинул на обсуждение ставку умный чертик и сам же предложил, подставляя кулачок. — Тот, кто проиграет, будет крепостным!

И чертики забились.

Умный рассмеялся, говоря глупому:

— Мне жаль тебя, мой друг, но ты проиграешь. Потому что Тёмный Генерал никогда не проигрывает сражений.

Но глупый ничего на это не ответил, развернувшись к сфере, которая снова засветилась.

Ребёнок с глазами цвета индиго

Пересечение: Человеческая Эра | Век Кали | 2 цикл | 17-е тысячелетие & Серая Эра

Мне приснился сон. Когда я открыла глаза, воспоминания были очень чёткими.

Я зашла в комнату и взяла на руки ребёнка. Я не знаю, у кого он был всё это время. Я не запомнила того, кто держал его.

Взяв закутанного в свёрток младенца, я посмотрела на его лицо. Смотря на меня, его лицо стало кривиться, он вот-вот собирался заплакать. Я сразу поняла, что, увидев незнакомое лицо, ребёнок искал глазами свою маму, того, кто был с ним всё это время. Но до того как раздался его плач, я произнесла:

— Это я твоя мама, — твердо заявляя о том, что он не должен плакать, потому что оказался у меня на руках. Фраза из моих уст звучала не как «это я, твоя мама», а как «это я твоя мама, а не кто-то там…»

И плач не раздался. Младенец как будто задумался об этом.

Потом пришла моя бабушка, собираясь дать ребёнку какие-то капли. Мои чувства были какими-то противоречивыми. Я как будто не хотела этого. Но понимала, что это нужно. И когда она начала капать капли, я увидела, что это не ребёнок. Это был какой-то человечек из проводков. Самый простой, которого обычно рисуют на бумаге четырьмя палочками и кружочком. Я смотрела, как она капает капли ему в рот, и они попадают внутрь через тонкий проводок, который был его туловищем. И она держит эту конструкцию за горло. Я испытала странные чувства. Кажется, я начала отодвигать её и забирать это у неё.

Потом сцена поменялась. Я стояла рядом с комодом у стены. На комоде была пелёнка. А на ней на животике лежал ребёнок, уткнувшись головой вперёд, как котёнок, который замерз. Он, кажется, почувствовал, что кто-то подошёл, и поднял голову. И я аккуратно подняла его на руки.

Потом ещё были сцены, где я поднимала ребёнка и держала его на руках. Но большую часть времени я держала его именно на руках. И я постоянно смотрела на него. Я чувствовала его тело. Я видела, как по-разному держу его, и мне не было страшно. Я держала его горизонтально двумя руками. Держала горизонтально одной рукой. Держала вертикально, прижимая его голову к своей груди. Держала также, но только наоборот, когда он упирался спиной в моё тело. Он уже не был закутан в кокон. Его ноги были свободные.

Я сидела на чём-то мягком и снова держала ребёнка. И я посмотрела в его глаза. И они были синие. Именно зрачок и радужка. Они были такие синие, как светящийся индиго. Цвет из глаз буквально выходил за их пределы. Эти глаза и притягивали, и восхищали, и отталкивали, и пугали. Они были как бездонная синяя бездна, которая может поглотить. Но я не боялась их. И не тонула в ней.

Потом я увидела, как держу ребёнка с синими глазами перед своими родителями. И они говорят мне:

— Он уже такой большой.

Я снова посмотрела на синеглазого ребёнка на своих руках и поняла, что он уже не младенец. Он был уже на два или три года старше. Я не заметила, как он вырос.

И после этой сцены я проснулась. И, когда прокрутила сюжет сна, захотела посмотреть, что это за синий ребёнок. Я закрыла глаза и, сконцентрировавшись на синих глазах, пошла к нему. Я быстро нашла в пространстве синий огонёк. Он был рядом со мной. Мне не пришлось идти далеко.

И я увидела три образа. Я увидела большого древнего демона. У него была чёрная кожа и рога. Он выглядел устрашающе. Но я не боялась его. Я посмотрела внутрь демона и увидела

в центре его тела синий кристалл. Такой же яркий и глубокий синий индиго, как глаза моего ребёнка. Затем я посмотрела на второй образ. Это был молодой парень со светлыми волосами. Я поняла, что он был очень злой. Аура холода окутывала его. Такие люди уничтожают всех вокруг себя. Такие люди уничтожают миры. Но ещё я поняла, что он был очень одинокий. Затем я посмотрела на третий образ между ними. Но его не было. Хотя я знала, что он должен стоять здесь.

И, желая увидеть этот образ, я оказалась в саду. Где увидела женщину, которая сидела на стуле за небольшим деревянным круглым столиком. На столике были сладкие десерты и чай. Женщина была в массивном пышном светлом платье с узором из цветов и с высокой причёской. Она держала на руках маленького ребёнка. По виду ему было 6-8 месяцев. Он каждый раз начинал недовольно суетиться, когда чувствовал её движение. Она держала на руках маленького Александра. Я подошла ближе и, коснувшись пальцем стекла, которое отделяло меня от нее, разбила его. Сначала от моего пальца по стеклу пошли трещины, а затем оно рухнуло осколками вниз и растворилось в пространстве.

И я вспомнила это чувство из сна. Когда посмотрела в глаза ребёнка цвета индиго. Я почувствовала безусловную любовь к нему. Я даже не могла её описать. Это чувство. Эту любовь. Любовь к своему ребёнку. Это чувство окутало меня, прорастая внутри.

Я поняла, что мой ребёнок пришёл поздороваться со мной.

Я вернулась к двум образам, которые остались в пространстве. И увидела, что между демоном с синим кристаллом и злым юношей появился маленький мальчик.

— Твоя мама ждёт тебя, — сказала я каждому из них. Но произнесла эту фразу только один раз.

И как только я сказала это, возникла золотая вспышка и появилось второе золотое кольцо.

Два маленьких чертёнка:

— Эта черноволосая девушка, она что, может ходить в сны наяву? Или что это за место, куда она пошла после того как проснулась? — начал сыпать вопросами глупый чертик.

— Кажется, в прошлый раз она называла это место «менталом». Мир мыслей, значит. Как тот, где была избушка без окон, без дверей, — напомнил умный.

— Нет, кажется, это не совсем то. Избушка — это был как вход. А сейчас она, кажется, была за границей избушки. Этот древний демон действительно жуткий. Она что, собралась его рожать? — пытался соотнести увиденное с реальностью глупый чертик.

— По-моему, ей подходит, разве нет? — начал ржать первый чертик.

Но второй чертик не поддержал его юмор, продолжая рассуждать.

— Получается, этот древний демон, этот злой юноша и этот ребёнок — это ипостаси одной души. Того Александра, которого Элиан Стенли держала на руках в саду.

— Ну какой ты занудный. Ты слишком серьёзно ко всему этому относишься. Хотя, точно! Ты же на неё поставил, — снова рассмеялся умный чертик.

Но глупый не растерялся.

— Значит, ты был не прав. У неё есть магия.

Но умный быстро парировал:

— Ещё посмотрим, как много она сможет сделать, используя этот свой «ментал», который больше похож на галлюцинации, чем на реальную магию.

— Она собрала какое-то второе кольцо. Помнишь, мы видели золотой шар, когда была вспышка во время её слияния с Кровавой Барыней. Тогда вокруг шара появилось первое кольцо. Сейчас же их два. Что это такое?

Умный чертик не знал ответа на этот вопрос, поэтому отмахнулся.

— Поди, очередная шляпа. Сомневаюсь, что это ей поможет. У неё нет настоящей магии и артефактов.

Глупый задумался. Он был не согласен. Его интуиция подсказывала ему, что это что-то очень важное, но он решил промолчать.

Кармический флирт в эпоху небоскребов или «просто так»

Человеческая Эра | Век Кали | 2 цикл | 18-е тысячелетие
Москва, 3024 год

Глава I

Я шла через ресепшн бизнес-центра со стаканом своего любимого кофе. В другой руке я держала телефон, параллельно отвечая на сообщение. Я запнулась и не смогла удержать равновесие, растянувшись на скользкой плитке первого этажа. Телефон, кажется, улетел в противоположную сторону. А я увидела перед собой чёрные мужские туфли, на которые был вылит мой любимый кофе! Я не удержала стакан и, растянувшись у ног какого-то мужика, залила свой латте ему в ботинки. Какой позор.

Я быстро начала вставать, поняв, что помогать мне никто не намерен. Тут же раздался звук приближающегося робота, который с молниеносной скоростью уничтожал следы моего позора. Я практически не испачкалась — только чуть пострадали рукава тёмно-вишнёвой водолазки. И немного побаливала нога. Я наконец посмотрела на лицо мужчины, которого облила, и чуть не рассмеялась, но, вспомнив про тактичность, подавила вырывающийся смешок. Мужчина очень зло смотрел на меня, кажется, ожидая извинений. Но я не собиралась извиняться. Поняв это, он опрокинул меня фразой:

— Неуклюжая дура, ты облила мои ботинки!

Вот мудак.

— Если бы у тебя было два глаза, то ты бы заметил меня и избежал столкновения, — зло бросила я и демонстративно развернувшись, пошла за новым кофе. В этот момент меня догнал какой-то парень, протягивая мой улетевший телефон. Я совсем про него забыла. Я снова посмотрела на место, где стоял одноглазый мужчина, но его уже не было.

Купив новый стакан, я поднялась в свой офис на 12 этаж и подошла к панорамному окну. Мудак. Обозвал меня ни за что. Хотя, конечно, за что. Но всё равно мудак. Как будто я специально это сделала.

Я посмотрела вниз на свою водолазку и чёрные расширяющиеся к низу брюки, в которые она была заправлена, а потом на чёрные с острыми носами туфли, по верхней окантовки которых шли хрустальные стразы. Кажется, не надо было покупать такую высокую шпильку. Растянулась как корова.

Мой офис был не очень большим. В углу стоял мой большой стол, от которого слева начиналось панорамное окно во всю стену, а справа на противоположной от окна стене был вход в офис. Слева стоял ещё один небольшой стол моей помощницы, за ним — небольшая гардеробная. А около стены, которая находилась напротив столов, стоял диванчик, маленький столик, мой цветок — фикус в горшке на полу и стойка-вешалка, на которой, как и в гардеробной, висели вещи.

На самой стене висела карта мира и разные дипломы. У меня было своё агентство эксклюзивных путешествий.

Я делала маршруты по оставшимся древним памятникам архитектуры. Это было дорого и эксклюзивно. После мировой зачистки 500 лет назад таких мест осталось крайне мало, и все они были под охраной. Попасть туда можно было, если у тебя есть бабки. Я была почти во всех. Не зря потратила 10 лет своей жизни на путешествия. Спасибо папе за его деньги. Лучшие 10 лет в моей жизни. Сейчас мне было 35. И я уже три года жила в этой вонючей Москве и никуда не выезжала. Валя постоянно спрашивала меня, почему я решила жить здесь, если мне так не нравится этот город. Я сказала очевидную вещь: здесь есть бабки. И здесь жили мои родители.

Дальше она, как всегда, приводила аргумент, что можно работать удалённо из любой точки мира. Но я часто работала с теми, кто приходил в офис. Люди хотели живого общения. Они хотели, чтобы я рассказала им лично о местах, путешествие в которые они покупают за такие большие деньги. Я снова посмотрела на стойку — она не вписывалась в антураж офиса. Но в гардеробе уже не хватало места.

Дело в том, что вся моя модная одежда, в которой я щеголяла в бизнес-центре, была в моём офисе. Уходя из офиса, я переобувалась в обычные кроссовки или ботинки, штаны, толстовку с капюшоном и пальто. И со стороны больше походила на низкосортную работницу. Но это волновало кого угодно, только не меня. Я посмотрела на пятна на рукавах и решила не переодевать кофту, так как до конца рабочего дня оставалось совсем немного.

Я ждала, когда Ксюша зайдёт за мной, — мы сегодня собирались в кино. На показ старых фильмов. Раньше их можно было смотреть самостоятельно у себя дома в режиме онлайн. Я помню это в детстве. Но потом один из крупных мировых конгломератов выкупил права, и теперь доступ к ним был только за деньги и только в кинотеатрах. Сегодня мы шли на фильм «Брат 2». Его сняли больше 1000 лет назад. Я уже смотрела его. Москва там была поистине убогой. После войн город полностью перестроили. Ничего не осталось из того, что показывали на экране. Был ещё первый фильм. Там был другой старый город. Он был такой же убогий, но он мне нравился. Как будто я помнила его. Но этого города больше не было. От него после той мировой войны ничего не осталось. Но зато мы теперь самая влиятельная страна мира. Благодаря этому я могла делать маршруты по любой из 12 стран.

В мой офис наконец залетела Ксюша. Я ждала её уже полчаса сверх времени. Вечно она задерживалась. И первое, что я от неё услышала:

— В наш офис назначили нового директора! У него один глаз, представляешь? И первое, что он сделал, когда прибыл в офис — заказал новые туфли. Представляешь, какая-то курица облила его на первом этаже.

— Какая-то курица? — уточнила я.

— Ага, — кивнула Ксюша и добавила: — Так сказали девочки в офисе, когда обсуждали эту сплетню.

— Какая неудача для вашего офиса, — ответила я.

— Почему? — спросила Ксюша.

— Раньше у вашего директора было два глаза, а теперь один. Боюсь, он не уследит за вашим серпентарием.

Она рассмеялась.

— Интересно, почему он не сделает пересадку глаза или не поставит имплант. Делов-то на один вечер. Эта его чёрная повязка, как в старых фильмах, конечно, пугает. Кто вообще сейчас такое носит, — выдала Ксения свои мысли.

Я ничего не ответила. Какая-то курица значит. Это он так сказал?

Я залезла в своё тряпьё, и мы вышли из офиса. Ксюше не нравилась эта моя одежда, о чём она каждый раз мне сообщала. Чтобы не позорить её, мы вышли через запасной выход к её машине.

— Говори всем, что ты помогаешь нуждающимся. И это благотворительный поход в кино, — как обычно, включила я сарказм.

А она, как обычно, закатила глаза.

— Вот поэтому у тебя и нет мужика. Когда ты красивая, ты сидишь всё время в офисе. А всё остальное время прячешься в капюшоне.

— Да кому они нужны. Лишняя обуза. Ты со своим-то разобралась? — спросила я.

Она сразу загрузилась. И далее последовала очередная увлекательная история про её отношения. Я уже сбилась, какой по счёту мужик это был. Но сделала вывод, что строить отношения — это весьма утомительно.

За свои 35 лет я ни разу ни с кем не завела серьёзных отношений. Не считая нескольких интрижек и пары раз случайного секса, который в большинстве случаев был беспонтовый.

— Ты просто не даёшь им шанса, — проговорила Ксения, будто бы прочитав мои мысли. Кажется, я прослушала кусок, где она от своей истории снова перешла к пустому месту в графе «мои отношения».

Мы встали в пробку.

— И когда уже придумают летающие машины, — жаловалась Ксения.

— Я думаю, их уже давно придумали, но нам их не дадут. Иначе кто будет страдать в пробках, — ответила я. А она, как обычно, решила, что я несу бред.

Мы поехали по платным дорогам, но на них всё равно были пробки. Я представила, что творилось на обычных.

— Вот поэтому я езжу на метро, — отметила я.

Она лишь подняла нос на мою фразу и скривилась, кажется, почувствовав ментальный запах бедности.

«Слава великому Путину». Я смотрела на инфографический плакат над шоссе. Президент, с которого началось возрождение нашей страны. В учебниках истории писали, что он сильно постарался в своё время. И если бы не он, то у нас бы не было ничего того, что есть сейчас. История. Я очень любила её. Но, объездив 12 стран, поняла, что большая часть написанного в учебниках — бред сивой кобылы. Не удивлюсь, если и никакого Путина вообще не было.

Мы чуть не опоздали в кинотеатр. Пройдя охрану и досмотр, мы прошли в зал. Это было одно из немногих малоэтажных зданий в городе. В основном столица состояла из бесконечных небоскрёбов, за исключением нескольких зданий, которые можно было пересчитать по пальцам.

Наш поход в кино прошёл успешно. Их индивидуальные новые кресла с модными примочками — это верх комфорта, можно было практически лежать. Плюс был включён заказ еды. Но это был самый дорогой зал. Не везде было так комфортно.

Когда мы вышли из кинотеатра, то попрощались, и я пошла в сторону метро. Людей уже практически не было. Сеть московского метро была бесконечной паутиной, включала подземную и наземную часть, которая делилась на несколько уровней. Я жила в Москве уже три года, но не знала карту метро полностью, только нужные мне маршруты. До моего дома отсюда было недалеко, три станции. Я быстро добралась до своей высотки и поднялась на 13 этаж. Здесь было всего 4 квартиры. На пороге меня встретил Маркус, мой чёрный кот. Кажется, он был недоволен, что я сегодня задержалась. Его ужин вышел из расписания. Накормив кота, я сходила в душ и отрубилась. Это был последний рабочий день недели. Все выходные я провалялась в кровати. Только в воскресенье вечером вышла на тренировку. Я уже давно ходила на боевые занятия. Это было что-то среднее между курсами самообороны и бокса. Начав заниматься 10 лет назад, я поняла, что это даёт мне чувство защищённости и безопасности. Я иногда влипала в стычки. Хотя Ксения бы сказала — не иногда, а регулярно, но я была с ней несогласна. Однако, периодически действительно притягивала всякое говно.

Последнее время у меня болело левое плечо, и я дополнительно делала специальные упражнения на его укрепление. Иногда по выходным я ездила далеко за город на ипподром и каталась на лошади. Мне очень нравилась быстрая езда. Помимо этих увлечений и работы мой остальной досуг выглядел так: кафе, кино, книги, сериалы и кот.

В понедельник я с трудом проснулась в 9. На работу я приезжала к 12, хотя офисы открывались с 10. Но мой рабочий день начинался с 12, точнее даже с 13, потому что в первый час приезда на работу я переодевалась, красилась и шла за кофе. До работы было 6 станций. Была бы моя воля, я вообще бы поселилась в соседнем здании, но не было вариантов. Однако для такого огромного города это было, считай, по соседству. Когда я ехала на работу, час пик уже спал, и в метро было свободно. Мне попался старый вагон. «И когда их наконец заменят?»

Я заходила в офис всегда через чёрный вход. Все визиты у меня были по записи, и сегодня никого не было, поэтому я не особо спешила.

Закончив наряжаться, я пошла за кофе, перед выходом ещё раз посмотревшись в зеркало. На мне были те же чёрные брюки, тёмно-зелёная водолазка и практически такого же цвета туфли. Я закрутила локоны и собрала свои чёрные волосы так, чтобы они сзади висели каскадом. Накрасила губы тёмной бардовой помадой. Надела золотые часы, цепочку, кольца и очки в чёрной оправе. Выглядело вполне продаваемо. Главное — туфли были на толстом устойчивом каблуке. «Пожалуй, надо выкинуть те чёрные куриные лапти, в которых я тогда расстелилась».

И я пошла за своим любимым кофе. Кофейня находилась в зоне ожидания, справа от ресепшена до турникетов, ведущих к лифтам. Взяв кофе и выйдя из этой зоны, я сразу увидела одноглазого мудака. Он что-то выяснял на ресепшене. У него были слегка длинные волосы, чёрные с небольшими вкраплениями седины. Они были сзади собраны в хвост и загнуты на один излом. Он был вполне симпатичный и высокий. Только его чёрная повязка через глаз портила вид. На нём был полностью чёрный костюм. Интересно, сколько ему лет? 45? Он, кажется, был чем-то недоволен. Девушка на ресепшене начала приседать от его тона. «Значит, курица?»

Увидев, что он собирается уходить, я быстро направилась вперёд и в последний момент ушла вправо, специально сталкиваясь с ним и выливая свой любимый кофе на его так хорошо сидящий чёрный костюм.

— Ой, простите меня, пожалуйста, я такая неуклюжая, — проговорила я и быстро ретировалась к лифтам, пока он растерянно смотрел на свой облитый костюм. И только заходя в лифт, поймала его злой взгляд. Одноглазый мудак. «Эх, я вообще-то настроилась на кофе. И зачем я его на него вылила? Это на меня не похоже».

---

16 часов. Ко мне сразу же залетела Ксюша. В её офисе в это время начинался перерыв, и она традиционно приходила ко мне на чай поболтать. И сегодня я ждала ее как никогда, даже спрашивать не пришлось.

— Представляешь! Сегодня опять кто-то облил нашего директора кофе. Он был злой как чёрт, — начала Ксюша.

Я прыснула.

— Чего ты ржёшь? Мы его уже боимся. Он оказался достаточно строгим и требовательным. А это только второй день!

— Да вы просто там баклуши привыкли бить. Кто-то наконец заставит вас работать.

Она шикнула на меня.

— Это ты баклуши бьёшь, два тура в месяц продала и план закрыла, чем ты вообще тут весь день занимаешься!

— Тебя жду, — ответила я.

Она закатила глаза.

— И как ваш одноглазый директор решил проблему с костюмом?

— Заказал новую одежду, а костюм отправил в химчистку.

Я подумала, что нужно было лить что-то, что не отстирывается.

— Сколько ему лет?

— 42 года, не женат. Говорят, он бывший военный, но, возможно, девчонки пустили эти слухи из-за его диктаторского поведения. Больше ничего не известно.

— Да ладно, вас там двадцать баб, и вы знаете только это? — возмутилась я.

— А чего это столько вопросов? Ты его уже видела? Он что, тебе понравился?

— Просто проявляю участие к калекам, — ответила я.

Она прыснула.

— А он бы тебе подошёл. Такой же злой.

— Разве я злая? — надулась я.

— Ты давно в зеркало смотрела? Ты добрая только когда тебе нужно что-то продать.

— Неправда! — выкрикнула я, шутя стукая ладонью по столу.

— Ты сегодня куда после работы? Домой?

— Ага, в пятницу Маркусу не понравилось, что я задержалась, — пошутила я.

— Тебе срочно нужен мужик. Сколько можно жить с котом.

— У кота много плюсов. Больше, чем у мужика.

— С чего ты взяла?

— Я выписывала.

Она удивлённо на меня посмотрела. Я пояснила:

— Я брала листок и расчерчивала его пополам. На одной стороне писала плюсы кота, а на другой — плюсы мужчины. У кота по итогу вышло больше.

— Ты больная, — заключила Ксения.

— А в Москве разве живут здоровые? — ответила я.

На следующий день у меня была сделка. Маршрут был уже подобран: тур по сохранившимся храмам южной Индии. Точнее, Китайской патриотической республики, в которую она сейчас входила. Весь юг планеты был под Китаем. Кроме, конечно Австралии. Африка и Ближний Восток, за вычетом некоторых стран, входили в Россию. Пять арабских стран объединились в Арабский конгломерат. Индия и южные острова были одними из самых зелёных мест на планете. Во время войны сильно пострадал наш большой континент и американский, где сейчас было новое государство на руинах старого.

Клиентка была пожилой женщиной и собиралась в путешествие со своим мужем. Она ни разу никуда не выезжала за пределы страны, хотя деньги у неё были. Я поняла, что Индия была её детской мечтой. Я вспомнила, как спросила у неё:

— Почему вы не поехали туда раньше?

Она ответила:

— Не стоит спешить исполнять свои мечты. Иногда ожидание гораздо более волнительное, чем само исполнение.

Я задумалась. В общем-то она была права.

Сделка была на 10 миллионов. Поэтому я решила выпендриться. Я надела строгое красное приталенное платье чуть ниже колен с коротким рукавом и чёрные куриные туфли, которые ещё недавно божилась выкинуть. Закрутила волосы, накрасила губы и надела очки. Потом подумала и сняла. Я хорошо видела вблизи, но плохо вдаль. Если я не надевала очки, то люди для меня были просто шумовым фоном. Не потому что я их совсем не видела, — я часто не обращала на людей внимания. Пересечься со знакомым и не заметить его — моя стандартная практика. Постоянно очки я не носила. Операцию на зрение делать отказалась. Может, он тоже боится? — вдруг подумала я. Кажется, с этим надо что-то делать. Одноглазый мудак беспардонно врывался в мои мысли.

Бабулечка оказалась очень милой. Я закрыла сделку, показала свои фотки из Индии, накормила её конфетами и печеньем. И когда мы закончили болтать, пошла провожать её к ресепшену. Она начала тащить меня из центра к парковке, чтобы чем-то угостить. Вообще-то мне было не комильфо топать туда в этих туфлях. Но она только что закрыла мой месячный план, поэтому я пошла. Бабулечка вытащила какой-то контейнер с розовыми вытянутыми кубиками.

— Я сама их готовила. Попробуй.

Я взяла один и откусила.

— Очень вкусно. Это что, ягоды?

— Ягодное суфле. Хочешь, я дам тебе рецепт?

Навряд ли я когда-нибудь в жизни решу это приготовить. Но по уже озвученной причине я, конечно, с радостью согласилась. Она обещала отправить мне рецепт в чате. И, достав из шкафчика пакетик, наложила мне этих пастилок с собой.

И наконец уехала. Милая, но душная женщина. Обещала приехать по возвращению и всё рассказать. Я развернулась и посмотрела на высотку. Кажется, я уже натёрла ноги. Подумала, что можно было бы разуться, но решила не бомжатиться и гордо поплелась к бизнес-центру. Я задумалась и заметила его, когда уже поднялась по ступенькам на крыльцо. Одноглазый мудак стоял напротив, в метре от меня, с открытым стаканом кофе в руке. И я поняла, что он сейчас выльет его на меня. Он уже начал поднимать стакан.

— Предлагаю компенсацию! — тут же выкрикнула я, закрываясь пакетом с десертами бабули.

Стакан остановился. И, через небольшую паузу, он взял пакет, а я тут же кинулась в двери бизнес-центра. Это одно из моих любимых платьев! Этот одноглазый мудак действительно собирался вылить на меня кофе? Или он решил просто припугнуть меня? Козёл!

Первый вопрос, который я задала Ксении в 16:00:

— Ваш директор пьёт кофе?

— Нет, он пьёт только зелёный чай.

Сукин сын! Значит, он бы и правда вылил его на меня!

— А ты чего такая злая? — спросила Ксюша. — Не продала тур?

— Продала, — прошипела я.

— А чего злая?

— Вляпалась по пути в какое-то говно.

Она наклонилась и посмотрела на мои туфли.

— Ты же хотела их выбросить.

— Да, — ответила я.

И, сняв туфли, демонстративно бросила их в мусорное ведро.

Те пастилки были действительно вкусные. Я жалела, что отдала их ему. Одноглазый мудак!

Следующие два дня я его не видела. Хотя специально в каждый перерыв спускалась вниз за кофе. И наконец он появился. Я уже 10 минут стояла со стаканом, следя за ресепшеном. И когда он двинулся к турникетам, я пошла следом. И уже на самом проходе врезалась в его спину, обливая его синий костюм свежесваренным кофе.

— Мне так жаль! — закричала я и побежала налево, мимо стойки ресепшена, к турникетам, ведущим в другое крыло. Отсюда я не могла попасть в свой офис, но наверху была кофейня с панорамным видом. Сегодня работы у меня не было. А мой кофе был вылит на одноглазого директора. Надо исправить эту потерю. Моё настроение резко подскочило.

Я просидела в кофейне даже больше, чем нужно было, залипнув на открывающийся вид и выпив три чашки кофе. Рабочий день уже час как был закончен. Расплатившись, я вернулась в офис и залезла в свою спортивную одежду. Снова наступили выходные. Неделя до нового года. 1 июня — главный летний праздник. Концерты, фестивали, воздушные шоу, фейерверки скоро затопят столицу. Я предпочитала на время каникул оккупироваться в квартире. Не любила толпы. Почему-то стало грустно. Может поехать к родителям на новый год? Они меня звали, но я отказалась под предлогом, что буду отмечать с друзьями. Но даже не попыталась с кем-либо договориться.

Я встала перед зеркалом, собираясь выключить свет, и посмотрела на свой наряд. На мне были высокие кроссовки, мешковатые штаны, синий свитер, в котором я была в офисе. Но в купе с коричневыми штанами и кроссовками он смотрелся из ряда вон. И сверху была большая

мешковатая ветровка с огромным капюшоном, который я натянула на голову. Я решила, что нет смысла в следующую неделю приезжать в офис, все уже мысленно были у новогоднего стола, поэтому запихнула в рюкзак всё, что могло мне понадобиться дома, и, взяв специальную табличку о временном переходе офиса на режим онлайн, выключила свет и вышла в коридор. Я была, кажется, последняя. Все уже уехали. Я бросила рюкзак на пол и начала крепить табличку. Справившись, я подняла рюкзак и развернувшись чуть не врезалась в одноглазого директора! Он резко схватил меня за грудки на повороте. Я отреагировала моментально, отбивая его руки и отскакивая в сторону. И автоматически встала в боевую стойку. Это плохо.

Он выше меня и внушительнее. Оценив это, я начала медленно отступать, бросив взгляд на рюкзак, оставшийся у двери. Он поднял его за верхнюю ручку и сделал шаг в мою сторону. Я попятилась назад. Если он действительно бывший военный, я проиграю. И, резко развернувшись, я побежала к чёрной лестнице. В рюкзаке были мои ключи, документы, ноутбук, в общем всё, что делало меня полноправным членом общества. Но телефон был в кармане. В жопу! Пусть подавится. Ублюдок. Стоило за две чашки кофе на меня нападать. Кажется, я сглупила, ввязавшись в это. Идя к метро, я поняла, что мои руки трясутся. Я так боялась нападения. Я всегда этого боялась. И я расплакалась, заходя в метро. «Лиза, похоже, ты проиграла». Приехав на свою станцию, я вспомнила про ключи и позвонила Вале. Она была дома. И я снова спустилась в метро, отправившись в сторону её квартиры на другой конец города. Через два часа я была у неё. Я сказала, что у меня украли рюкзак, и, забрав ключи, сразу поехала обратно. Она звала на чай, но я отказалась, так как настроения не было.

Я вернулась домой только около полуночи. Скинув с себя плащ, села на пол и снова расплакалась. И когда я в последний раз плакала? Кажется, давно. Маркус сел рядом и начал изучать моё отклоняющееся поведение. Но, быстро успокоившись, я скинула оставшуюся одежду и набрала ванную. Закончив, я прикинула расклад дел. Он, скорее всего, вернёт мне рюкзак после праздников или оставит на ресепшене в центре. Я сомневалась, что он будет меня им шантажировать. Деньги, ключи, документы, ноутбук. Критичным было только отсутствие ноута, но я могла зайти во все сервисы и программы с планшета или телефона. Ноут был запаролен. Разберусь с этим, как выйду в офис, я всё равно собиралась пролежать две недели дома.

Что я, собственно, и сделала, выбравшись лишь несколько раз на тренировку. Как обычно: еда, сериалы и кот. И проигрыш одноглазому директору.

Глава II

Через 2 недели утром я ехала на работу. И попала в драку. На платформе в метро какой-то гопник ударил девушку и начал её пинать у всех на глазах. Я была рядом и бросилась на него. Он был чуть выше меня, но явно ничего не умел. И я разбила об него руки, а потом начала также беспощадно пинать его, как он пинал девушку, пока не прибежала охрана. Мы собрали толпу зевак. Охрана забрала нас в свою дежурку. Но, посмотрев камеры, они решили меня отпустить. У меня не было документов, но кого это волновало, пробив по отпечаткам, они поняли, что моя история чистая. Несмотря на то, что это была не первая моя драка, я попала под патрульных впервые. Этот мудак был то ли пьяный, то ли обкуренный, поэтому они, видимо, не стали наезжать на меня за то, что я слегка перегнула палку. Я поняла, что потеряла контроль. Кажется, эта история с одноглазым директором задела меня сильнее, чем я думала. Я посмотрела на свои разбитые руки. Костяшки болели. Но на душе стало легче. Может, надо было каждый день ходить в зал, а не пялиться в экран.

В итоге я приехала в офис только в два. Первый день после каникул — какой дурак придёт? И я положила болт на одежду. Скинув кроссовки и ветровку, я залезла на свой мягкий крутящийся стул с ногами, включая стационарный монитор, который купила для красоты. Но я тогда все-таки настроила его для работы. Надо разобраться с рюкзаком. Может, Ксюшу попросить? Я выбрала трусливую тактику избегания. Я пребывала в какой-то прострации после драки. Как будто реальность размазалась.

16:00. Дверь офиса открылась. Я ожидала увидеть Ксюшу, но в дверях стоял одноглазый директор. Я поняла, что автоматически напряглась. Он, кажется, это заметил.

— Я принёс рюкзак, — это были его вторые слова, сказанные в мой адрес. И протянул руку с рюкзаком. Он что, хочет, чтобы я подошла? Не станет же он нападать на меня посреди офиса, — подумала я. Это будет ту матч. В итоге, подойдя к нему, я протянула руку, взяв рюкзак. На нём сегодня был чёрный свитер с высоким горлом и чёрные брюки.

— Спасибо, — ответила я и, потащив рюкзак по полу, бросила его возле стола, забравшись обратно на кресло.

Я думала, что он просто уйдёт, но услышала вопрос.

— Что с твоими руками?

Я растерянно посмотрела на разбитые костяшки.

— Подралась, — ответила я.

— С кем? — он задал следующий вопрос.

— С очередным мужиком, который любит нападать на женщин, — не сдержавшись, прошипела я.

— Я не собирался на тебя нападать. Я подумал, что кто-то пробрался в офис.

Что? Я зависла. И вспомнила свой прикид. И что в коридоре уже было темно. Да ладно!

— Хочешь чаю? — тут же переобулась я в намерениях.

И он молча сел с другой стороны моего стола, заняв почётное место клиента.

Чайник и конфеты были внизу по правую руку от меня. Я встала, чтобы набрать в чайник воды, и, подойдя к кулеру, поняла, что хожу по офису в цветных носках. Ну и срать! — подумала я, набирая воду. Когда чайник закипел, я заварила зелёный чай и достала свои модные чашки для важных клиентов. А затем — конфеты и печенье.

— Я хочу ягодные пастила, — услышала я требование одноглазого директора.

— Даже клиенты, покупающие у меня туры за несколько миллионов, не позволяют себе такой наглости, — вынесла я ответ на его требование. — Ешь что есть, или уходи.

Он окинул меня взглядом, который я не поняла, и, взяв в руки металлическую визитку из кармашка на столе, вслух прочитал моё имя. Елизавета. Терпеть его не могла. Надо же было додуматься назвать меня таким именем!

— Ну а тебя как зовут? — кажется, немного зло спросила я.

— Дмитрий.

— Ешь конфеты, Дмитрий. Сегодня я добрая.

Но в итоге он не взял ни одной. Только выпил чай. И молча ушёл, когда получасовой перерыв закончился.

А где вообще пропадает эта Ксения?! Мы не виделись 2 недели, а она не явилась. Хотя она наверное приходила утром, в первый перерыв, но меня не было в офисе. Я вздохнула. Сама накрутила. Сама загналась. Вот так обычно и бывает.

Ксюша пришла сразу, как закончился рабочий день.

— Ты чего сегодня сидишь в рванине? И что с руками? — увеличив восклицание на втором вопросе, спросила она.

— Подралась в метро.

— Ты обработала руки?

Я покачала головой, поняв, что так этого и не сделала. Она полезла в мой шкафчик со средствами для оказания первой медицинской помощи и, достав спиртовой раствор, побрызгала мои руки, которые я уже протягивала ей.

— Вот ты как всегда!

— Почему ты не пришла сегодня в 4? Приходила утром?

— Нет, директор утром загрузил меня заданиями. А во второй половине дня попросил кое-что отправить, сказав, что я могу завтра взять двойной перерыв.

Я прищурилась. Он что, знает, что она каждый перерыв ходит ко мне? А как давно он вообще знает, где находится мой офис? — поползли вопросы в моей голове.

— И как там ваш директор? Влился в коллектив? — сразу решила спросить я.

— Странный он. Игнорирует половину вопросов и ни с кем не общается ни о чём, кроме работы.

Офис Ксюши занимался логистическими перевозками. В основном бюрократическими схемами. К ним обращались компании, нуждающиеся в легализации транспортировки своей продукции как внутри страны, так и заграницу. Они помогали соблюсти все требования, собирали документы, помогали с оплатой пошлин. Я считала это редкостной нуднятиной. Как и 90% офисной работы.

Неделя пролетела незаметно, я разгребала электронную волокиту, накопившуюся за 3 недели. И больше не видела одноглазого директора. Вернувшись в пятницу домой, я поняла, что испытываю необходимость снова докопаться до него. Снова облить его кофе? Плохой план, Елизавета. И я решила приготовить ягодные пастила. Я готовила их 5 раз подряд в субботу, и все 5 партий ушли в мусорное ведро, а я в злом состоянии ушла в кровать. Кот был, кажется, в шоке от моей суеты на кухне. Похоже, решил, что я окончательно спятила. Утро субботы началось с просмотра роликов про то, как готовить это вшивое суфле. И вечером, через два приемлемых раза, у меня наконец получился бабкин результат!

— Маркус, кажется, я действительно спятила.

В понедельник я была в офисе уже в 11:00. Я села в своей уличной одежде за стол и посмотрела на деревянный контейнер с ягодным суфле. Я даже притащила самую роскошную коробку. Кажется, в ней мне когда-то подарили чай.

И что делать? Елизавета, не будем тянуть кота за хвост. Семь неудачных партий уже доказали, что он тебе нравится. Значит, будем нападать.

И я полезла в гардероб. Я надела черную облегающую юбку, которая доходила до середины голени. Черные туфли с самым высоким каблуком. И синий облегающий топ без бретелей. Собрав волосы в симпатичный пучок, я накрасила глаза, затем губы, выбрав подходящий оттенок красного. Темная матовая помада отлично дополнила образ. На шею я повесила короткое ожерелье с черными мелкими кристаллами. И такое же кольцо в виде змеи на указательный палец.

Я знала, что была красивая. Моя фигура мне очень нравилась. Стройная талия, аккуратная грудь. Я могла носить облегающую одежду. Но делала это редко.

Первый перерыв в 12. До него оставалось 10 минут. Взяв коробку со стола, я направилась через петляющий коридор в противоположный конец этажа. В офис, где работала моя подруга. Я собиралась продефилировать с этой коробкой через два десятка змей в кабинет одноглазого директора.

Когда я зашла в отдел, Ксюша сразу бросилась ко мне.

— Ты сама пришла за мной! — обрадовалась она.

— Нет, я пришла к вашему директору. Он на месте?

Она удивленно кивнула.

— Где кабинет?

Она также удивленно указала направление. Подойдя к кабинету, я увидела, что дверь была открыта. Он снова был в том черном свитере. Его внимание было сконцентрировано на мониторе. И я шагнула в его кабинет, демонстративно закрывая за собой дверь.

Он тут же резко отвлекся.

Я молча подошла к его столу и со звуком поставила перед ним деревянную коробку. Он молча открыл ее и посмотрел на пастилы. Я думала, он что-то спросит, но он тут же полез в коробку и моментально утопил мои многочасовые труды в своем рте.

— Я потратила два дня, чтобы приготовить это. Не жри так быстро.

Он поперхнулся, услышав это. И, прокашлявшись, ответил:

— Ты только что пожалела пастилы, которые принесла мне. Я подавился из-за тебя.

Я оглядела взглядом комнату, ища фильтр. Обнаружив его, я подошла, набрала стакан воды, затем вернулась к столу одноглазого директора и демонстративно поставила его перед ним.

— Попей водички. Обещаю, что не буду ее жалеть.

— Это моя вода.

— И как это мне мешает? — уточнила я, но реплика была проигнорирована, и уже вторая пастила тонула в его рте.

В итоге он сожрал все. За 10 минут. Я засекла. А я все это время сидела напротив него, оглядывая офис. Только рабочие вещи, не нашла вообще ничего личного. Ну что за скукота.

Когда он утопил последнюю пастилу, я спросила:

— И где мой чай?

— Ты же пьешь кофе.

— А у тебя что, есть кофе?

— Нет. Но он есть внизу, — ответил одноглазый директор, вставая из-за стола. — Пошли. — И позвал меня за собой.

Надо было видеть головы этих змей, когда он вышел из кабинета, а я продефилировала за ним. Я поймала злой взгляд Ксении. Кажется, меня ждет разбор полетов. Я притворилась, что не поняла, как она зла, и засеменила быстрее, догоняя широкий шаг одноглазого директора.

— Не беги так, — сказала я, догоняя его у лифтов. — Ты же видишь, как я вырядилась, моя юбка не позволяет так ходить.

— Надо было одеть те штаны, — не ударил в грязь лицом директор Дмитрий.

— Я хотела, но подумала, что ты снова не узнаешь меня и нападешь.

Открылся лифт, и мы поехали вниз. Через 5 минут мы стояли возле панорамного окна в холле. Я пила свой любимый кофе. А он смотрел, как я пью кофе.

Я вдруг вспомнила, как выливала на него кофе, и рассмеялась. Резко открыв крышку, я сделала движение стаканом в его сторону. Но он был очень быстр и уже отошел на шаг назад. Я рассмеялась.

— Да тут уже нечего выливать. Я поздно вспомнила. Весь выпила.

Он проигнорировал мое шалопайство. Допив кофе, мы поднялись на наш этаж и молча разошлись по офисам.

В 16:00 Ксения напала на мой кабинет. Пришлось сознаться.

— Так это ты та курица, которая три раза обливала его кофе?! — ошарашенно воскликнула она.

— Сама ты курица! — бросила я.

— Ты ничего не сказала мне! Это предательство!

— Мне кажется, ты преувеличиваешь масштаб ситуации.

— Это первый мужик в твоей жизни за последние 5 лет. И я узнаю об этом последняя.

— Последняя? — уточнила я. — Ты, кажется, перепутала слова «первая» и «последняя».

Наконец она успокоилась и выспросила все с подробностями. Я изложила все как есть, упуская свои слезы и двухнедельную апатию после того нападения. Все еще чувствовала себя некомфортно из-за этого.

Вечером я, привычно переодевшись в мешковатую одежду, вышла из офиса. И напугалась, увидев одноглазого директора, который стоял в коридоре.

— Что ты тут делаешь? — подскочила я.

— Иду к черной лестнице. Я паркуюсь на стоянке для рабочих.

Серьезно? Значит, он тогда реально случайно на меня наткнулся.

Мы вышли вместе вниз. И я действительно увидела его большую черную машину. Кажется, она и правда тут стояла ранее. Но я не была уверена, так как машины для меня различались только по цвету.

— Ладно, удачи, я на метро! — бросила я и, не дожидаясь ответа, направилась привычной дорогой в сторону дома.

Глава III

Всю неделю мы с одноглазым директором ходили пить кофе. Точнее, пила я, а он просто смотрел. Ради этого я стала приходить на работу на час раньше. Маркусу это, кажется, понравилось, так как он теперь на час раньше получал утреннюю еду.

На выходных я снова под удивленный взгляд кота приготовила суфле. Только с другим вкусом. И в понедельник, как и неделю назад, я принесла деревянную коробку на работу. Изначально я хотела также пойти с ней в кабинет одноглазого директора, но, придя в офис, передумала. Я переоделась и час просидела за столом, глядя на коробку перед собой. А потом наконец засунула ее в нижний шкаф, где лежали остальные сладости. И спрятала лицо в руках. Что-то было не так. Я что, испугалась?

В 12 дверь моего кабинета открылась, и в него вошел одноглазый директор. Он молча пересек кабинет и сел в кресло напротив моего стола.

— Я хочу твою пастилу.

— Вот так просто приходишь и снова требуешь ее, — возмутилась я, двинувшись к нему через стол, и недовольно спросила: — И что ты готов дать взамен? Думаешь, я буду кормить тебя просто так?

— Что ты хочешь взамен? — как ни в чем не бывало спросил одноглазый директор.

И я растерялась. А что я хочу? Это почему-то расстроило меня. Я молча достала коробку, которую совсем недавно спрятала, и, раскрыв ее, поставила перед одноглазым директором.

Он ничего не спросил и начал их есть. Побоявшись, что он подавится в процессе, я заварила зеленый чай. В этот раз он съел все за 15 минут. А когда закончил, спросил:

— Почему ты не принесла их сама?

Я задумалась. Кажется, я не знала ответ на этот вопрос.

— Хотела сожрать сама. Забыл, я ведь жадная.

Директор Дмитрий ничего не ответил на это вранье.

Он молча взял с моего стола визитку и начал, как ни в чем не бывало, перебивать с нее мой номер телефона. Забив номер в телефон, он убрал его в карман.

— И что, ты даже не сбросишь мне звонок?

— Ты же стащила визитку, когда приходила в прошлый раз.

— Стащила? То есть они там не лежат для твоих посетителей?

И как он это заметил. Он что, их посчитал? Задрот.

— И кто из нас жадный, — добавила я.

— Куда ты хочешь пойти?

Я снова растерялась.

— Что тебе нравится? — он уточнил вопрос.

— Да что угодно подойдет, — растерянно ответила я, почувствовав себя некомфортно.

— Пошли сегодня в соседний ТЦ, там будет какое-то мероприятие.

— Ты что, в курсе программ ТЦ?

— Слышал в офисе.

— Ах, точно. У тебя же в офисе 20 баб. Значит, слушаешь их сплетни.

Директор Дмитрий решил эту реплику тоже проигнорировать.

Рабочий день закончился. Я посмотрела в зеркало перед выходом. На мне были черные туфли с ремешком на толстом устойчивом каблуке, та длинная черная облегающая юбка и открытый топ на узких бретелях. Я немного подумала и переодела топ на тонкую бордовую водолазку. И, взяв небольшую сумку, вышла из офиса.

Мы встретились у лифтов. Спустившись вниз, мы вышли из нашего бизнес-центра и, повернув налево, направились вдоль канала в сторону ближайшего ТЦ. Этот ТЦ был не очень большим, но все было достаточно уютно. Сам торговый центр занимал первые 5 этажей, а выше были офисы и апартаменты. Слева от ТЦ был канал, вдоль которого мы шли, а справа — площадь с зонами для отдыха. Там даже недавно что-то посадили. С озеленением в Москве было туго.

Я чувствовала себя очень некомфортно. Мы шли молча. Зайдя в ТЦ, мы поднялись на третий этаж. В открытом центре, вокруг которого поднимались этажи, уже кружили дроны. Такие представления устраивали часто. Дроны были небольшие, размером с человеческий глаз. Они выстраивались в причудливые узоры: от простых фигур до портретов и пейзажей. Еще они могли менять свою шарообразную конструкцию, что добавляло движения и новых форм. Плюс менялись цвета и музыка. Людей на удивление было не очень много.

— Ты что-нибудь хочешь? — заботливо поинтересовался одноглазый директор.

— Как обычно, кофе, — ответила я.

— Хорошо, я принесу.

И он ушел.

Я смотрела на шоу. Прикольно. Последний раз я видела подобное, кажется, несколько лет назад. Прошло уже 15 минут, а его все не было. Я начала нервничать. И, отойдя от края, оглядела ближайшее пространство. Но я не взяла очки. И ничего толком не видела.

— Девушка... — я повернулась на голос, поняв, что кто-то обратился ко мне. И увидела пьяного мужика. Я машинально начала отступать, оценивая его комплекцию. Он был высокий, примерно одного роста со мной на каблуках, и лысый. Я почувствовала страх.

— Вы одна? Давайте познакомимся.

— Я не знакомлюсь, — резко отрезала я.

— А чего вы такая грубая? Я же вас нормально спрашиваю, — начал злиться мужик. Он понял, что мне страшно.

— Отвали от меня. — Я сделала еще шаг назад. И в этот момент он кинулся ко мне, хватая за руку.

— Убегаешь? Я же просто хочу познакомиться. А ты так грубо ведешь себя.

Он тянул меня за руку, а я пыталась безуспешно ее вытащить. Меня сковал страх, я не смогла сделать даже какой-то базовый удар. Я чувствовала только эти туфли на каблуках, эту длинную узкую юбку и его руку, тянущую меня. И я начала задыхаться.

Удар слева — и я увидела, как мужик, тянувший меня, упал на пол без сознания. Одноглазый директор вернулся. Но я не перестала задыхаться. Я схватилась рукой за грудь и чуть не споткнулась, пытаясь вернуть равновесие. И в этот момент почувствовала, как меня схватили в объятия.

— Дыши медленно, — четко проговорил одноглазый директор.

Он сильно сдавил меня. И это сместило фокус внимания. Я перестала задыхаться и расплакалась. Но он не отпустил меня.

— Прости. Я не мог найти кофейную точку, — услышала я его слова.

Это была не его вина. Почему он извинялся?

Когда я успокоилась, он вывел меня из ТЦ. Я достала зеркало и посмотрела на свои размазанные глаза. У меня были с собой салфетки, и я быстро начала уничтожать следы своего позора. Я думала, он начнет задавать вопросы. Но он ничего не спросил.

Мы стояли у металлического ограждения канала. Я только сейчас поняла, что у него в руках все это время был стакан с кофе. Он умудрился уложить того мудака и обнять меня не пролив его.

— Давай сюда.

Я забрала стакан и начала поглощать напиток. Он еще был слегка теплый. Мы вернулись к нашему бизнес-центру.

— Мне надо переодеться, — сказала я, когда мы подошли.

— Я отвезу тебя, — ответил одноглазый директор. Я хотела отказаться, но он сказал это не как вопрос, а как утверждение. Поэтому я поехала с ним. Всю дорогу я молчала. И он ничего не спрашивал. Я повернула голову и просмотрела на него. У него не было правого глаза. Так как я сидела справа, то видела его лицо с черной повязкой, закрывающей глаз. Странно. Это все очень странно, — почему-то подумала я.

Он привез меня к дому и проводил до подъезда. Я попрощалась с ним и поднялась в квартиру. Кот начал недовольно орать.

— На меня сегодня напали, ты бесчувственное животное. Только о еде и думаешь. Если я когда-нибудь не вернусь домой, тебя ждет голодная смерть.

Я набрала ванную и, забравшись в нее, невольно вспомнила тот день. Хотя я вспомнила его еще в машине. День, когда на меня напали. Меня чуть не изнасиловали в том переулке. Я осталась практически без одежды, мой крик кто-то услышал, и они сбежали. Кажется, это была пожилая пара. Я даже не помню их лиц, помню только свою истерику. Они вызвали полицию. А те после допроса отвезли меня в больницу. Но я не помнила лиц нападавших. Только то, что их было трое. В больнице мне дали успокоительное и отправили домой.

Я месяц просидела дома, не выходя из квартиры. Именно тогда я пошла на занятия самообороны. И больше не выходила на улицу в платьях, постепенно окопавшись в бомж-одежде, которая стала моей броней. Я сегодня впервые за много лет вышла без нее — и все рассыпалось. Я снова расплакалась. И на следующий день не пошла на работу.

К вечеру я получила сообщение от одноглазого директора: «Ты дома?». Я ответила «Да», и он прислал: «Я заеду». Я сначала хотела написать, что не надо. Но потом передумала и отправила адрес квартиры.

— Маркус, переодевайся, к нам едут гости.

Одноглазый директор приехал с едой. Фрукты. Я заглянула в пакет — там было все, что мне нравится.

— Ты что, использовал свою сотрудницу для добычи информации?

Он проигнорировал этот вопрос, что с 100% вероятностью означало «да». Потому что всегда, когда Ксюша приезжала ко мне, спрашивала, что привезти. И я каждый раз называла ей один и тот же набор фруктов. И одноглазый директор привез аналогичный.

Я помыла фрукты и нарезала их на тарелку. Потом поставила чайник. Заварив чай, я налила чашку своему гостю, который уже сидел за барной стойкой напротив меня. Моя кухонная зона начиналась справа от входа. Здесь стояла угловая кухня и высокий барный стол, которые вместе образовывали букву «П». А слева от входа, напротив кухни, был вход в ванную. Впереди стояла небольшая двуспальная кровать и панорамное окно во всю стену. Вход на остальную территорию квартиры был через ванную. Там была большая спальня с уже большой двуспальной кроватью и таким же панорамным окном. А за ванной находилась гардеробная, но вход в нее был только из спальни.

Гость начал пить чай. Подумав немного, я залезла в холодильник и достала оставшиеся пастилы. Их было пять.

— Значит, ты все-таки пожадничала и не принесла все, — вслух заключил одноглазый директор.

Я забралась на высокий стул и начала есть фрукты. Через минуту к нам присоединился черный кот. Он запрыгнул на свободный стул, а с него забрался на стол и, распушив хвост, двинулся к тарелке с пастилами. Но она тут же исчезла из-под его носа.

— Маркус, не жадничай. Ты же воротил от них нос, чего передумал?

Я развернулась и, открыв один из верхних ящиков, достала кошачьи конфетки. И скормила ему несколько штук.

Кот, съев конфетки, демонстративно развалился на столе возле меня.

— Кажется, ты ему не нравишься, — проинформировала я гостя.

Гость на это ничего не ответил, доедая пастилу. Я снова поймала меланхолию.

— Иди сюда.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду.

— Подойди, — повторил одноглазый директор.

Я подошла к нему. И он притянул меня к себе, обнимая так, что я уткнулась носом в его грудь.

— А почему это я должна подходить, — забубнила я.

— Если подойду я, твоему коту это не понравится. А так ты сама его предала.

Я попыталась вырваться из его объятий после этих слов, но он сжал меня сильнее и рассмеялся. Кажется, я впервые слышала, как он смеется.

— Ты что, умеешь смеяться? — не преминула съехидничать я.

— Нет. Тебе показалось, — ответил одноглазый директор.

Пока он меня обнимал, я раздумывала, спать с ним или нет, взвешивая за и против. Но ничего не смогла решить.

— Ты мне нравишься, — внезапно услышала я неожиданные слова.

Я немножко подвисла, а потом отреагировала.

— И когда ты успел стать таким напористым, — пробурчала я.

Он отклонил меня от себя и стукнул по носу.

— Кажется, на это нужно отвечать по-другому.

— Я два дня училась делать это суфле. Семь попыток и четыре часа просмотренных роликов. По-моему, ответ очевиден.

Он рассмеялся и снова обнял меня, не став требовать капитуляции. И я решила оставить его, определив на кровать напротив кухни.

— Тут что, есть вторая комната? — удивился директор Дмитрий.

— Да, ты рано обрадовался, увидев одну кровать, — не преминула съехидничать я и показала ему вторую часть квартиры.

— Крайне странное решение, — прокомментировал он планировку.

— Коту нравится, — ответила я.

Утром я проснулась рано от того, что мне что-то приснилось. Но сон я не запомнила. Я приняла душ и вышла в гостиную. Мой гость уже пил чай и выглядел так, как будто не ложился. И когда он успел одеться и умыться? Кажется, рано проснулась не я.

— Пошли куда-нибудь позавтракаем, с едой у меня туго.

Когда я оделась, мы вышли вниз в кофейню по соседству. Я надела широкие джинсы и футболку, затянув волосы в пучок. 9 утра — обычно я в это время только просыпаюсь. Я сразу взяла сумку, чтобы после завтрака мы поехали на работу.

— Мы не успеем к 10, — проинформировала я, но он и сам это знал. — Твои змеи не расползутся? — уточнила я.

Он, как обычно, игнорировал мои вбросы.

Мы позавтракали и приехали в бизнес-центр только в начале двенадцатого. Я зашла в офис и посмотрела на свой гардероб. «Елизавета, не будь размазней». И, лишь мгновение колеблясь, я запаковалась в модный наряд.

Ровно в 12:00 в мой офис ворвалась Ксюша.

— Наш директор сегодня приехал только в районе двенадцатого. Это впервые с момента его назначения!

— Вот это событие, — показательно притворилась удивленной я. — Когда сплетни закончится, вы, наверное, начнете отгрызать друг другу бошки.

Она бросила в меня какую-то тряпку.

— Рассказывай мне все быстро. Это связано с тобой?

Пришлось рассказать, упустив инцидент в ТЦ.

— Вы что, спали вместе? — вопила она.

— Ты чем слушала? — теперь уже я бросила в нее эту тряпку. — Мы спали в разных кроватях.

— Какое огорчение, — прокомментировала Ксения и добавила: — Но, значит, он порядочный мужчина.

— Это еще надо проверить, — буркнула я.

Весь остаток недели директор Дмитрий возил меня после работы домой.

А в пятницу мы поехали в кино. После сеанса мы прогуливались по летнему ночному городу. Мы ушли в пешеходные зоны и просто пошли вперед. Так как был выходной, постоянно попадались встречные пешеходы.

— Ты тоже мне нравишься, — нарушила я нашу привычную тишину.

— И что же поменялось, что ты решила это сказать? — спросил мой спутник. Мне показалось или это была претензия?

— Неблагодарный, — тут же бросила я.

На самом деле я всю неделю думала об этом. О том, почему не сказала тогда, что он мне тоже нравится. Мой список преимуществ кота и мужчины был красноречивым ответом на этот вопрос.

— У тебя больше плюсов, чем у кота, — ответила я.

— И на сколько больше?

— На три.

— Кажется, ты плохо считаешь, — ответил одноглазый директор, обнимая меня.

— Прости. Просто мне страшно, — призналась я. Кажется, это было впервые, когда я кому-то в этом призналась.

После этой прогулки наши отношения снова поменялись, потому что я перестала давать заднюю. В итоге мы гуляли еще примерно два месяца, прежде чем переспали. Этот момент я тоже максимально оттягивала. Но он вообще никак на это не реагировал. Потрясающая способность подстраиваться под мое состояние. Я это оценила. И добавила несколько пунктов в список. В итоге кот проигрывал уже на 6.

— Маркус, тебя обошли. Тебе придётся принять его, так как твоя бюллетень теперь вторая.

Коту это, кажется, не понравилось. Но это было временно. До тех пор, пока в руках одноглазого директора не появились новые кошачьи конфетки. Этот черный клочок шерсти продался за три конфеты. И хоть после их съедения он делал вид, что этой внезапной любви не было, лед растаял. Предатель.

Но когда это случилось, мне понадобилось несколько дней, чтобы переварить произошедшее, прежде чем произошла перезагрузка.

Утром мы как обычно приехали на работу. Всю дорогу я чувствовала себя крайне неловко. «Это же просто секс. Все в общем-то было хорошо. Лиза, и чего тебя так накрыло?»

И в обед я сбежала с работы. Логично получив в 16:00 два сообщения «ты где?» — от Ксюши и одноглазого директора, с которым я вчера согрешила. И лежа на кровати с котом, я пыталась придумать, что мне им ответить.

— Маркус, ты не помогаешь! Меня загоняют в угол!

Но Маркусу было все равно. Он только что получил внеплановую порцию еды и мерно переваривал ее, растянувшись на кровати. «Мне нужно кое-что решить, обсудим в понедельник» — отправила я два одинаковых сообщения и зарылась в одеяло.

Перед сном я вспомнила свои бесполезные походы к психологу после того нападения. Я сходила, кажется, раз десять, но мне вообще не помогло. Как только он пытался погрузить меня туда, у меня начиналась паника. В итоге он предложил мне таблетки. Я согласилась и по дороге домой высыпала их в мусорное ведро. И выстроила свою «безопасную» реальность.

Я долго не могла заснуть, ворочаясь в тревожном состоянии. Кажется, заснула только под утро. И проснулась на следующий день от кошмара. Мне приснилось, как меня насиловали. Но не в том переулке, а в каком-то другом месте. Я плохо запомнила, как все выглядело, но проснулась с этими ощущениями и утонула на два дня в соплях. Я много плакала. Мне было страшно.

Когда я проснулась в понедельник утром, то поняла, что ничего не поменялось и с этим надо что-то делать. И я пошла туда, в то воспоминание. То, что пытался сделать тогда психолог. На самом деле это были классические практики работы с травмой. Мы это даже в школе учили. Но, несмотря на то, что все это учили, толку было мало.

И я прожила это заново. Я смогла туда вернуться. Сначала я смотрела на эту сцену со стороны, и мне было не страшно, потому что как будто рядом со мной кто-то стоял. Как будто я была не одна. Но я не поняла, кто это. А потом я стала ею, той девушкой, которая кричала. И когда вышла, снова расплакалась. Но уже не от страха и паники, а от облегчения.

Маркус снова обнюхивал меня. Все эти дни он суетился рядом.

— А у твоей черной кошачьей души все-таки есть сердце, — вынесла я коту вердикт.

И прочитала два новых сообщения «ты где?». На которые ответила: «Сегодня не получилось приехать, буду завтра».

После этого погружения я переосмысливала последние 10 лет своей жизни. Открыв шкаф со своей бомжатской одеждой, я просто стояла и смотрела на нее. Маркус решил, что это приглашение для него, и тут же запрыгнул на одну из полок. Постояв так немного, я начала вытаскивать это старье из шкафа и выбрасывать на пол.

— Маркус, нам срочно нужен шопинг.

Через два часа я стояла в ближайшем ТЦ, скупив все, что смогла унести.

Но во вторник я тоже не появилась в офисе, так как клиент попросил встретиться с ним в его бизнес-центре. Я обычно так не делаю. Точнее, раньше я никогда так не делала. Потому что боялась выезжать одна. Но сейчас решила: а почему нет?

— Заказ на 20 лямов, можно и поднять жопу, да, Маркус?

Я уже ехала в такси, когда пришли очередные сообщения «ты где?». «Еду на встречу с клиентом, завтра точно буду». Дважды продублировала я ответ. И тут же раздался звонок. Я приняла вызов, и моя перепонка чуть не порвалась от ора Ксении. Выслушав ее обвинения, я пообожилась, что завтра точно буду.

Но одноглазый директор не позвонил и больше ничего не написал. Да, как-то вышло некрасиво. Может, заехать к нему сегодня? Но я не успела до конца рабочего дня. Встреча прошла успешно, и через несколько дней мы договорились назначить дату сделки. Два русских китайца. Тур по 3 странам.

Я вернулась домой и посмотрелась в зеркало на свой новый наряд. «Лиза, кажется, ты просрала 10 лет своей жизни».

Я оглядела срач в комнате. Горы разбросанных вещей и смятых сопливых платочков. Кот, кажется, был недоволен этой мусоркой, так как ему приходилось перебираться через нее.

— Прости, дорогой, сегодня нет сил на уборку.

Утром я проспала. Но в 12 уже ехала в такси, решив, что в метро мой наряд не оценят.

И получила сообщение «ты где?». Но только от Ксении. Плохо. У меня ведь даже нет сладкой взятки.

«Еду, буду через 15 мин».

Такси подвезло меня к парадному входу. Я попыталась вспомнить, заходила ли когда-нибудь через него в бизнес-центр. Кажется, всего пару раз, когда приезжала с Ксюшей.

Приехав в офис, я сразу же пошла к ней. Но в первую очередь я хотела попасть в кабинет одноглазого директора. Но его не оказалось на месте.

— Он сегодня не приехал, — доложила Ксения. Так как его сегодня не было, их офис растекался в безделье. Мы пошли в панорамную кофейню пить кофе. И я рассказала ей обо всем, что произошло. И свою историю о нападении. Она на удивление все тактично выслушала и даже обняла меня.

— Дорогая, так вот почему ты так себя вела. Прости.

— Ты-то за что извиняешься?

Потом мы обсудили все последние сплетни. А когда закончили, я написала сообщение одноглазому директору: «Ты где?». Он ответил «Дома», и я сразу написала: «Пиши адрес».

Но ответ не пришел. Серьезно? Не напишет? Я так и не была у него ни разу с того момента, как мы начали встречаться.

И что делать? Я растерянно вышла на крыльцо БЦ. Раздался звук сообщения. Дмитрий прислал адрес. Не очень далеко отсюда. Я должна была доехать за час. «Через час буду», написала я.

Глава IV

Я стояла у входа в его квартиру и звонила в дверь. Щелкнул замок, дверь открылась. И первое, что я сделала, переступив порог, — это обняла его и сказала:

— Прости, мне нужно было время.

Когда ехала в такси, я осознала, что ни разу не обнимала его первой. Это было впервые. И он, кажется, растерялся от этого. Потом он провел меня в квартиру.

Это была двухкомнатная квартира. Первая комната была как огромная студия: кухонная зона и просторная гостиная с диваном и экраном во всю стену. Справа из гостиной был вход в спальню. Квартира была хорошая, стильная, в стиле «дарк стайл». Но мне стало тут очень некомфортно. Здесь все было пропитано унынием и одиночеством. И не было похоже, что здесь кто-то жил. Как будто риелтор пригласил меня на просмотр. Как и в кабинете, на полках и столах не лежало никаких личных вещей.

Был уже вечер, но первое, что я сделала, — пошла вперед к окну, чтобы открыть шторы. Но не смогла.

— Они не открываются. Электронный доводчик сломался.

Я стояла, смотря на эти шторы.

— И как давно они не открываются? — спросила я.

— Не помню, кажется, пару лет, — ответил Дмитрий.

Побывав в его квартире, я поняла, почему ему так нравилось оставаться у меня. Кто захочет жить в этой пещере после моей уютной квартиры, в которой присутствует такое красивое дополнение, как я, и бонус в виде черного кота?

Затем я молча подошла к холодильнику и открыла его. Я заблуждалась, когда думала, что это у меня проблемы с едой. Тут не было вообще ничего.

— Ты не готовишь? — спросила я.

— Можем что-то заказать, если ты голодная, — ответил одноглазый директор.

Я окинула его взглядом. И почему я раньше этого не видела. Масштаба его одиночества.

— Дай вещи, я переоденусь, — потребовала я.

— Ты что, останешься? — вдруг спросил он.

— Значит, ты чуть ли не прописался у меня, а меня приглашать не хочешь! — наехала я на него.

И он принес мне футболку и шорты.

В гостиной стоял полумрак. Я попыталась включить свет.

— Лампы перегорели, — ответил Дмитрий.

— Дай угадаю, два года назад?

Он проигнорировал мой вброс.

В спальне, слава богу, шторы открывались и был свет. И из спальни был вход в светлую ванную. В гостиной был еще один небольшой санузел. Я подошла и посмотрела на панораму ночного города. Красиво.

И, запрыгнув на кровать, открыла приложение и начала заказывать еду и продукты.

Я рассмеялась, когда одноглазый директор ошеломленно принимал два огромных пакета у курьера.

— Это надо положить в холодильник, а это можно съесть сейчас, — начала давать я инструкции.

Я поймала себя на том, что мне хотелось постоянно трогать его. Кажется, я снова потеряла время. Но хорошо, что это были три месяца, а не десять лет.

— Тебе завтра надо на работу? — спросила я.

— Нет, я взял отгулы.

Я прищурилась, но не стала ничего спрашивать.

— Где ты будешь спать? — когда мы закончили с едой, спросил директор Дмитрий.

—Там же, где и ты, — ответила я.

Он на удивление быстро заснул, обнимая меня. А у меня сна не было ни в одном глазу. Со всем этим надо было что-то делать. «Вызову завтра того, кто починит электронный доводчик», — решила я и наконец заснула.

Утром я проснулась от того, что мой одноглазый директор начал вставать. Но я потянула его обратно.

— Сколько времени?

— Восемь.

— Слишком рано, я тебя не отпускаю.

И он послушно лег рядом, а я обняла его. Мы провалялись еще пару часов, включив в них интимную близость, и только потом пошли завтракать. Я начала готовить завтрак, а он удивленно смотрел на меня.

— Не смотри так. То, что я не готовлю, не значит, что я не умею.

Моя мама очень вкусно готовила, и она научила меня. В общем-то я могла справиться с любым рецептом с первого раза. Если это, конечно, было не суфле. По десертам у меня был пробел.

Дмитрию, кажется, понравился приготовленный мной завтрак. И, кажется, это был первый раз, когда здесь что-то приготовили.

— Мне надо ненадолго съездить на встречу.

— Хорошо, езжай, я подожду.

— Ты что, останешься здесь? — удивленно спросил одноглазый директор.

— Боишься, что я вынесу твою хату? Да тут брать нечего, кроме телека.

Когда он уехал, я вызвала ремонтника. Нужных лампочек у него не оказалось. Пришлось ждать, пока их доставят. Но это не заняло много времени. И окна этой темной пещеры наконец были открыты. Кайф.

После этого я прибрала на кухне следы завтрака и решила приготовить обед. Но когда я закончила, получила сообщение от нового клиента, который очень хотел сегодня приехать в офис. Как не вовремя. Но ладно, я все успела.

«Мне нужно уехать в офис, написал клиент», — отправила я сообщение одноглазому Дмитрию. И немного подумав, отправила следом второе. «Еда на столе».

Я встретилась с клиентом в 4. Это была молодая одинокая женщина. Я поняла, что у нее что-то произошло в семье, и это путешествие было бегством. Я быстро все рассказала, и она сразу купила тур. Даже не взяв времени на раздумья. Я даже спросила у нее, уверена ли она — что было на меня не похоже, — но она не передумала. Я продала ей Индию. Всех, кого беспокоили душевные раны, я отправляла в Индию.

Когда она ушла, пришло сообщение от брошенного Дмитрия. «Во сколько ты закончишь?»

«Через час буду выходить из офиса», — написала я и получила ответ: «Я приеду за тобой».

— Куда поедем? — спросил одноглазый директор, когда я села в машину.

— Кормить кота, — ответила я.

Когда мы зашли в квартиру, нас встретил протяжный ор. Я сразу наклонилась и взяла кота на руки.

— Я тебя вовсе не бросила. Ты не так все понял.

И только когда включила свет, поняла, какой срач оставила дома. И посмотрела на Дмитрия. Он изучал масштаб погрома. Я покормила кота и быстро начала собирать с пола салфетки и вещи. Кажется, я начала нервничать. Но одноглазый директор остановил меня, поднимая за руку с пола.

— Ты нервничаешь, — констатировал он.

Мне почему-то снова захотелось расплакаться. И я рассказала ему о том происшествии. Он просто молча обнял меня. И потом помог прибраться.

Следующая неделя прошла в рабочей рутине. Но в пятницу я решила не ездить на работу, чтобы что-нибудь приготовить к возвращению одноглазого директора. Я приготовила запеканку и суфле с новым вкусом. «Еще немного — и я могу открывать магазин "Какую пастилу вы предпочитаете в это время суток"».

И когда мой одноглазый директор вернулся, я скормила ему свои труды. После этого дня я начала заканчивать свою рабочую неделю в четверг, а в пятницу посвящать день приготовлению еды, которую мы ели в этот вечер и на выходных. И каждый раз я готовила пастилу с новым вкусом. Некоторые одноглазому директору не понравились. Он об этом, конечно, не сказал, но все было видно по его лицу. Но все равно уничтожал всю приготовленную партию.

Так прошел еще один месяц. Мои русские китайцы так и не вышли на связь. Я уже подумала, что они меня опрокинули, но вдруг объявились и выбрали дату сделки. Пятница, 16:00.

— Кажется, кто-то на этой неделе останется без еды. Но это не ты, Маркус, — доложила я коту.

И в день искомой пятницы я ехала вместе с Дмитрием в офис. На его лице читалось нескрываемое недовольство, так как он понял, что сегодня останется без еды.

— Доставай свой кошелек, это повод сходить в ресторан, — пошутила я, но он не оценил мой юмор.

В утренний перерыв мой кабинет оккупировала Ксюша. И застала меня на уборке.

— Чего это ты решила прибраться?

— Жирный заказ.

— Ааа, тогда понятно. Как дела с нашим директором?

— Хорошо. Сегодня едем в ресторан.

— Рада за вас. Когда свадьба?

Я кинула в нее декоративную подушку на этой фразе. Она рассмеялась.

Когда она ушла, я закончила уборку и начала искать подходящий наряд. И вспомнила про синее китайское платье.

Это было платье как из старых китайских фильмов. Длинное облегающее платье с коротким рукавом и воротником-стойкой. С потрясающей цветочной вышивкой. И с одной разоблачающей деталью, которая в исторических фильмах не фигурировала — открытое декольте в виде капли на груди. Хоть у меня была и небольшая грудь, но это платье как нельзя лучше подчеркивало ее преимущества. И еще был длинный разрез вдоль правой ноги. Ну, в общем, если по честному, то из исторического в нем был только антураж. Исторические костюмы на современный манер были весьма популярные в последние несколько лет. Народ тянулся к этой красоте. Потому что все, что предлагала наша современная мода носить было невозможно. Клоунада чистой воды.

В итоге я накрасилась, уложила волосы и запрыгнула в это платье. Осталось выбрать обувь. Я вспомнила о импульсивной покупке в ТЦ после моего отката. Я купила черные лакированные элегантные туфли-босоножки на узкой высокой шпильке. Аккуратные острые носики и стразы по ремешку. Они были еще более неудобные, чем те, которые я выбросила, но

смотрелись офигенно. Я прикинула, что одноглазому директору это не может не понравиться. И что стоит выбрать ресторан китайской кухни.

В итоге я обработала китайцев по полной, и они купили тур не за 20, а за 25 миллионов. Время — деньги. Нечего было так долго думать. Когда я закончила оформлять документы, то традиционно напоила их чаем с конфетами и пошла провожать к ресепшену. Они болтали без умолку, и мы еще на полчаса зависли внизу. Когда китайцы наконец покинули бизнес-центр, я выдохнула. Никогда так долго не улыбалась.

Я развернулась, чтобы вернуться в офис, и первое, что увидела, — это злой взгляд одноглазого директора и кофе с открытой крышкой в его руке.

Я застыла, принимая решение. Он же не посмеет?! После всего, что между нами было, — облить меня?!

И, гордо подняв голову, радостно продефилировала к нему. Когда я подошла, он закрыл кофе крышкой и протянул мне со словами:

— Твой кофе.

— Я возьму сумку, и можно выезжать в ресторан. Как насчет китайской кухни? — предложила я.

— Нет, — беспрекословно ответил одноглазый директор.

Эх, а я уже настроилась на китайский вайб. Но, посмотрев на его злой взгляд, не стала настаивать.

Одноглазый директор раскошелился и привел меня в один из самых дорогих ресторанов Москвы. Отдельный эксклюзивный бренд ресторанов. В такие рестораны поставляли еду с живых ферм. Говорили, что еда здесь невероятная.

— Решил оставить здесь свою годовую зарплату, — не преминула вставить я.

— Не думай, что у меня нет денег, — ответил одноглазый директор.

Да что это с ним сегодня? Неужели он стоял там все полчаса, пока я стелилась перед русскими китайцами?

Я заказала какое-то настоящее мясо. Но когда понюхала принесенное блюдо, меня начало тошнить. И я бросилась в уборную, где меня вырвало. Ну спасибо, что я успела прибежать к унитазу, а не наблевала посреди ресторана на свое шикарное платье. Тошнота на удивление быстро отступила. Что это было?

Я вышла из уборной, а возле нее меня встретил уже обеспокоенный, а не злой взгляд.

— Почему тебе стало плохо?

— Возможно, настоящее мясо — плохая идея. Ну зато ты подобрел, — пошутила я, и мы вернулись к столику.

Я заказала пасту, а одноглазый директор забрал мое мясо.

— Вкусно? — спросила я. — Это наверняка гораздо лучше того, что я готовлю. Здесь работают самые элитные повара.

— Нет, — коротко ответил одноглазый директор.

Он вел себя странно, и я не могла понять, что с ним не так.

После основного блюда мы заказали десерты. Дрянь редкостная. Мне вообще не понравилось то, что я заказала, и я скривилась. И за что такие деньги? Моему одноглазому спутнику, кажется, тоже не понравилось то, что ему принесли. И, не доев десерты, мы поехали к нему.

Он хотел поехать ко мне, но я наконец поставила Маркусу электронную выдачу еды. Давно надо было это сделать. Я, наверное, единственная в Москве, у кого ее не было. Базовая база.

Когда мы зашли в квартиру, одноглазый директор молча проследовал в спальню и, стянув галстук, сел на кровать. Я пошла за ним выяснять, в чем дело.

Я подошла к нему вплотную, встав между ног, и обняла его голову.

— Ну и чего ты куксишься? — спросила я, но он, естественно, не ответил.

Тогда я взяла его лицо в ладони и подняла чуть вверх, посмотрев в его одинокий глаз. В этот момент мне почему-то захотелось снять эту дурацкую черную повязку. Мы уже были столько месяцев вместе, а он все так же умудрялся прятать от меня то, что скрывалось за ней. И я провела пальцами вверх, собираясь ее скинуть, но была остановлена его рукой.

— Я никогда не выйду за тебя, если ты не уберешь руку, — неожиданно для себя выдала я.

И он убрал руку. А я стянула повязку. И задумчиво уставилась в зияющую дыру на месте правого глаза.

Он молча следил за моей реакцией.

Но меня это зрелище вообще не напугало. У меня появилось дежавю, которое я четко отследила.

— Почему мне кажется, что я это уже видела... — задумчиво пробормотала я.

— Выходи за меня, — тут же прозвучали его слова.

Я замерла. Я что, только что выпросила предложение? Это мне не понравилось.

— Значит, вот так просто, ни с того ни с сего предлагаешь мне это после моей фразы, — бестактно бросила я.

А он молча залез во внутренний карман пиджака и достал кольцо.

Кажется, самое время брать свои слова обратно. Кольцо было синим, камень цвета индиго. Он был невероятный. Я растворилась в нем, что не мог не заметить одноглазый директор.

Он молча ждал моего ответа, держа кольцо передо мной между большим и указательным пальцем.

Придя в себя, я радостно схватила кольцо.

— Значит, без кольца ты бы не согласилась, — прищурился одноглазый директор.

— А я еще не согласилась, — тут же протараторила я, разглядывая кольцо, которое уже нацепила на палец.

— Это так не работает. Если ты надела кольцо, значит, сделка заключена.

Вот так я и продалась одноглазому директору.

Но, отвлекшись от кольца, я вернулась к его отсутствующему глазу.

— Как ты потерял глаз?

— На войне. Поймал осколок в зоне боевых действий.

Война. Она все также шла на южном американском континенте.

— Почему ты не сделал операцию? — спросила я.

— Одна старуха посоветовала этого не делать.

— Старуха? Что за старуха? — растерявшись, уточнила я. — Я думала, это потому что ты боишься.

— Не знаю. Мы случайно повстречались на скамейке в парке.

— То есть какая-то незнакомая бабка на лавке в парке посоветовала тебе этого не делать, и ты ее послушал?

Он кивнул. Я разозлилась.

— Я отменяю ее совет.

Одноглазый директор рассмеялся.

Я хотела продолжить свое мнение о старухах в парках, но меня снова затошнило, и я побежала блевать.

Глава V

В понедельник утром я сидела в кабинете одноглазого директора со списком предложений, где были лучшие клиники по глазным операциям.

— Можешь выбрать сама, — отмахнулся мой будущий муж и тут же добавил: — Доставай пастилу.

— Я не говорила, что что-то принесла, — тут же бросила я. Но он уже, видимо, определил в моих руках искомый пакет.

Я думала, он начнет упираться в ответ на мое предложение посетить медцентр, но он так быстро согласился. Я специально приготовила это суфле, чтобы шантажировать его. Кажется, зря потратила время. Он прочитал мои мысли, так как выдал следующее:

— Если их не будет, я никуда не поеду.

И я со звоном бросила пакет на стол. Сегодня был новый вкус. Одноглазый директор достал из пакета коробку и, открыв ее, увидел лиловые пастилки. И его лицо приняло недовольное выражение. Он уже давно просил ягодные, так как, видимо, устал от моих вкусовых экспериментов. Но, несмотря на огорчение, уже топил первую пастилу во рту. И выражение его лица поменялось. «Неужели понравилось?» — прищурилась я.

— Что это за вкус? — спросил прожорливый директор, как только закончил.

— Лавандовые, — ответила я.

— Теперь я хочу только лавандовые.

В итоге мы посетили клинику, которую я выбрала. И там ему на выбор предложили три варианта. Первый вариант: естественная пересадка глаза. Клиника находит живого донора, мы платим, и он отдает свой глаз. Второй вариант: искусственный орган. Новая разработка — генная модификация потерянных органов. Глаз будет выглядеть как настоящий, но может не справиться с естественными функциями. Третий вариант: поставить электронный имплант. Вместе с имплантом клиника делает пластику. Веко будет как новое, но сам глаз будет выделяться визуально. Видеть такой глаз в привычном смысле не будет, но в него будет встроена куча опций. По сути, мини-стационарный компьютер. Управление которым можно будет осуществлять через наушник — давать голосовые команды и получать ответы. Этот глаз сможет даже проецировать экран.

В итоге одноглазый директор выбрал третий вариант.

И через месяц в его пустой глазнице поселился металлический глаз. Глядя на него, я периодически кривилась. Он как-то спросил:

— Как так получилось, что ты на металлический глаз реагируешь хуже, чем на дыру?

— Это все любовь к безглазым и немощным, — отбрехалась я.

Пока одноглазый директор был занят подготовкой к операции и непосредственно самой операцией, он, кажется, не заметил, что моя тошнота никуда не делась. Хотя я сама прикладывала усилия, чтобы ее скрыть. Я адаптировалась, и если меня тошнило, как ни в чем не бывало уходила в туалет. Я не сделала тест, но все было очевидно. Я раздумывала, как ему об этом сообщить.

Я сидела на работе, ожидая клиента. Мужчина средних лет. Он уже месяц вытягивал из меня силы. Кажется, у него было мало денег, но я все равно решила его принять. В итоге он ничего не купил, но притащил мне в подарок чайный набор за исчерпывающую консультацию. И, попрощавшись, покинул офис. Я достала чайный набор и пристроила его на маленьком столике возле диванчика.

В 16:00 залетела Ксения. На днях она рассталась с очередным, не помню каким по счету парнем. И все эти дни я терпеливо слушала ее сопливые тирады. Я предложила ей взять отгулы

и провести время вместе, так как выглядела она неважно. А я в свою очередь хотела взять перерыв, чтобы подготовиться к разговору о ребенке. Ксюша попросила отпуск на месяц, и одноглазый директор имел неосторожность ее отпустить. Он понял свою ошибку только в тот момент, когда она заняла все мое свободное время. Но Ксения решила не наглеть и провела со мной две недели, а еще на две недели укатила развлекаться на юг.

— Следующий отпуск она получит не раньше, чем через год, — зло выдал мой ворчливый директор, когда я наконец вернулась к нему.

— Мне надо поговорить с тобой, — наконец выдала я, принимая обреченный тон.

— О том, что ты беременна? — как ни в чем не бывало спросил мой будущий муж.

А я от неожиданности стукнула его ладонью по плечу.

— Так ты все знал!

— У меня нет только одного глаза, я все вижу.

Через месяц мы расписались, но не стали устраивать большой праздник. Перед этим я свозила его познакомиться с родителями. Они уже перестали ждать, что я кого-то найду, поэтому приняли будущего зятя с распростертыми объятиями. У Дмитрия же родителей не было. Я спросила, когда они умерли, он сказал, что очень давно. Его растила тетя, но она тоже умерла, когда ему было 14. И он ушел в кадетский корпус, а потом в военное училище. После чего пробыл 20 лет в армии на разных должностях. От участия в прямых боевых действиях до бюрократической верхушки.

Мы взяли недельный отдых и, расписавшись, поехали на юг к морю. Прогуливаясь вдоль побережья, мы обсуждали планы на ближайшее будущее. Мой муж настаивал на покупке новой квартиры. В моей он жить наотрез отказался, когда наконец узнал, что на самом деле это две соединенные однокомнатные квартиры.

— И какой кретин придумал соединить две квартиры? — выдал он тогда.

— Наверняка у него была веская причина, — ответила я.

А в его квартире отказалась жить я, хотя он и не особо настаивал. Поэтому я поддержала его предложение.

Стояла поздняя осень. Ветер был холодный. Мы подошли к берегу моря. Я смотрела на поднимающиеся волны. Волны, ветер и холод. Но на душе было тепло. Потому что со спины меня обнимал мой любимый одноглазый муж. Я вспомнила кое-что и рассмеялась.

Я вспомнила, как убиралась в квартире и нашла тот самый список: «Преимущества кота и мужчины». В колонке преимуществ мужчины уже было раза в три больше пунктов. И я, взяв ручку, дописала еще пять. Кот, чувствуя неладное, в этот момент запрыгнул на стол и уставился в список.

— Маркус, я все равно буду кормить тебя как и раньше, — успокоила я кота.

И продолжила уборку. Я тогда забыла убрать список, и одноглазый директор увидел его, как вернулся с работы. Я поймала его злой глаз, читающий мой список. И чем дольше он читал, тем более раздраженным становился. Дочитав, он хлопнул лист обратно на стол и демонстративно скрылся в ванной. «Может, он перепутал слова "мужчина" и "кот"», — подумала я тогда. Потом мы покушали и легли спать. Ночью я проснулась от тошноты и пошла на кухню, чтобы выпить воды и немного пройтись. Я включила свет и увидела искомый лист. Набрав стакан, я залезла на стул и начала снова читать список, пытаясь вычислить, что же так не понравилось одноглазому директору. Я перечитала преимущества мужчины и перешла к преимуществам кота. У кота было всего пять пунктов. И, дойдя до последнего, я поняла! Последний пункт звучал так: «Я люблю его просто так».

Я быстро взяла ручку и дописала точно такой же пункт в список мужчины.

Утро я проспала, так как проваландалась ночью. Мой заботливый муж не стал меня будить и уехал на работу сам. Проснувшись, я выползла на кухню, включила чайник и обнаружила, что мой список преимуществ пропал.

— Что тебя рассмешило? — его вопрос вырвал меня из воспоминаний.

— Признавайся, куда ты дел тот мой список преимуществ.

«Я люблю тебя просто так», — снова вспомнила я в голове этот пункт.

Он проигнорировал мое шутливое требование, крепче обнимая меня. И мы продолжили молча созерцать южное море. Я следила за вновь поднимающейся волной, когда у моего уха раздался шепот:

— Я тоже люблю тебя просто так, — сказал мне мой одноглазый муж.

Эпилог

На скамейке старого заброшенного парка сидел мужчина. Этот город собирались сносить. Здесь недавно закончилась война. Мужчина забыл, когда он в последний раз так сидел в парке. Завтра он возвращался в родную страну. Эта прогулка и созерцание заброшенного города были его прощанием с этим местом. Он невольно коснулся повязки на своем глазу. И решил сразу по приезду закрыть этот вопрос.

— Хочешь вставить новый глаз? — вдруг услышал он вопрос справа от себя и резко развернулся.

У него была повышенная реакция. Как он мог не заметить, когда эта старуха села рядом? Наверное, он действительно устал.

Старуха была маленькой и сидела на лавке, опершись обоими руками на сухую палку. И где она ее нашла? — подумал мужчина. Он обратил внимание, что она постоянно смотрит вперед. Слепая?

— Да, — ответил одноглазый мужчина, хотя обычно игнорировал незнакомцев.

— Не стоит этого делать, — ответила старуха.

— Почему? — спросил одноглазый мужчина.

— Потому что тогда она не узнает тебя.

— Кто не узнает?

— Та, кто подарит тебе свою любовь.

Дополнение: Наш светленький малыш

Я стояла в своей квартире напротив высокого барного стола, на котором сидел мой годовалый малыш. Мы так и не переехали в новую квартиру. Ремонт затянулся, а когда я родила, сказала, что сразу не поеду, так как буду чувствовать себя там некомфортно. В итоге мой одноглазый муж страдал в этой сдвоенной из двух студий квартире. Но я пообещала, что мы переедем до конца года.

Малыш всегда сидел спокойно. Он держал игрушку в руках, периодически пробуя ее на вкус. На стул запрыгнул Маркус и начал прикидывать, насколько безопасно будет подняться еще выше. Он отреагировал на ребёнка нейтрально: не показал радости, но и не выпендривался, как когда в квартиру впервые пришел одноглазый директор.

Щелкнул дверной замок. Тот самый одноглазый директор наконец вернулся с работы. Я встретила его и вернула внимание к ребёнку. Переодевшись, мой муж вернулся на кухню.

— Это точно наш ребенок? — спросил он, складывая руки на груди и в очередной раз изучая малыша своим одноглазым взглядом, и продолжил шутить: — Может, его подменили в роддоме?

— Не слушай его, дорогой, — обратилась я к мальчику с белыми волосами и голубыми глазами, параллельно притягивая его через стол в объятия. Он был совсем на нас не похож. Наши волосы были черными, и ни у кого из наших родственников не было голубых глаз. — Папочка просто еще не привык к тому, что внимание мамочки теперь принадлежит не только ему.

И, повернувшись к одноглазому шутнику, произнесла, указывая взглядом на чёрного, как самая тёмная ночь, кота:

— У тебя всегда есть выбор.

А потом, вернувшись к малышу, снова заботливо произнесла:

— Сейчас папочка возьмет тебя на ручки и расскажет, как сильно он тебя любит, а мамочка приготовит ужин.

Одноглазому папочке не пришлось повторять дважды. Забрав нашего светленького мальчика, он пошел выполнять наказ. Иначе рисковал остаться без ужина в одной комнате с наглым черным котом.

Два маленьких чертенка:

— Божечки, какая милая история!

— Ты же черт! Какие «божечки»! Так и знал, что начнешь растекаться.

— Ну согласись, что это хорошая передышка. Еще одну жизнь кровавой барыни я бы не вынес, — признался глупый чертик в своей любви к сентиментальным историям.

Умный на это лишь закатил глаза.

— Посоревнуемся на кармические пасхалки? — вдруг предложил глупый чертик.

— И на что будем соревноваться? — оживился первый.

— На интерес! — тут же ответил глупый.

— Фу, какой ты скучный! Хотя, ты же без пяти минут у меня в рабстве! Что тебе еще ставить! — рассмеялся умный чертик.

— Еще посмотрим, кто у кого в рабстве будет, — буркнул второй чертик, и они начали эстафету.

— Одноглазый директор — это одноглазый капитан, и Аргон из Рима, и осколок Тёмного Генерала, и, похоже, этот прожорливый дракон в том числе имеет к нему отношение — подозрительно его потянуло на лавандовое суфле. Снова пожирание сладостей!

— Изнасилование. Здесь история чуть не повторилась, явно кармическая связка.

— Конфликт в начале: падение с кофе — падение с бутылкой на корабле по Шелковому пути.

— Объединённые квартиры. Он сказал «какой кретин это придумал», но сам сделал так же в киберпанке.

— Его металлический глаз ей тут тоже не понравился!

— Боль в левом плече!

— Коту нравится планировка квартиры!

— Любовь к путешествиям! Воспоминания о Индии!

— Ностальгия по китайской культуре!

— Город из фильма с реками и мостами, где она жила ни один раз!

— Старуха на лавке со своими вбросами!

— Валя, к которой она ездила за ключами — та светловолосая девчуля, которой белая змея передавала зеркало от Авалона.

— Голубоглазый малыш Александр из сада Элиан Стенли. И синий камень на обручальном кольце. Цвет индиго — явно тоже не просто так. Возможно, это символ прихода души этого ребёнка.

— А чёрный кот, Маркус, — маленький котёнок, которого она подобрала под дождём и отнесла в заброшенный дом в жизни, где долго и мучительно умирала. Она ещё подумала, что он умер, но он вырос в большого черного котяру.

На этом наши чертики остановились, перечислив всё, что заметили. Они еще немного подумали, но больше ничего не нашли, и вернулись к просмотру жизней в сфере.

Сказки Барыни: Синий замок

Пересечение: Светлая Эра / Эра Светлых Богов | Веха 4 & Темная Эра / Эра Темных Богов

Далеко-далеко, в холодной стране, стоял один синий замок. Замок цвета индиго. Стены замка были будто из синего стекла. А шпили замка поднимались высоко в морозное небо.

В этом замке жил светловолосый юноша. Он был одет в черное и был очень красив, но это была холодная красота. Красота, которая отталкивала. Красота, которая вызывала страх. Его глаза были такими же синими, как стены замка индиго. Он непрестанно сидел на своем синем троне и смотрел вперед. Иногда он прогуливался по замку: по длинному парадному залу, по небольшим комнатам, по спиральной лестнице, ведущей наверх и по верхнему этажу, где был большой балкон. Он очень хотел выйти из этого замка. Выйти наружу. Но не мог этого сделать.

Юноша в очередной раз подошел к воротам, ведущим наружу. Это были массивные синие резные двери. Двери были открыты. Они всегда были открыты. Но он не мог пройти через ворота. Он провел по воздуху своей рукой, и его ладонь встретила невидимую преграду. Морозный портал.

Юноша пытался вспомнить, кто его здесь запер. Как именно он здесь оказался. Но как бы он ни пытался, у него не получалось.

В замке ему было очень одиноко. Но он также не помнил, как долго в нем находился. Для него не существовало времени. Поэтому, хоть ему и было одиноко, он мог справиться с этим.

Юноша снова поднялся на балкон и посмотрел вперед. Но, как обычно, не увидел ничего, кроме белого снега, просторы которого окутывали земли вокруг замка. Пейзаж никогда не менялся, и это тоже ему казалось обычным. Потому что он не знал, что бывает лето, бывает осень и бывает весна.

Он бы так и продолжил вечно пребывать в своем заточении, если бы однажды не увидел силуэт, идущий через эти холодные бесконечные снега. Когда силуэт приблизился, юноша увидел, что это была женщина в черном. У нее были черные длинные прямые волосы, черное платье с открытыми руками. Она шла босиком, но ее шаги не оставляли на снежном ковре свежих следов.

Женщина давно заметила замок и пошла в его направлении. Подойдя на расстояние пятидесяти метров, она подняла голову вверх и оглядела монументальный величественный синий индиго, но ничего не почувствовала.

«Кто эта женщина?» — подумал юноша. «И почему она одна идет босиком через морозные снега?»

Женщина миновала последние пятьдесят метров и оказалась на пороге ворот замка, но не смогла зайти внутрь. Она попыталась надавить рукой на невидимый портал, но он никак не отреагировал.

Юноша в этот момент спустился и увидел, что женщина пытается пройти в замок. Но у нее не получается так же, как и у него. Только он хотел выйти, а она хотела войти. «Но почему она хотела войти?» — задал сам себе вопрос юноша.

И он подошел к порталу, встав напротив женщины. Но когда подошел, то понял, что она не видит его. Ее глаза были белые. Женщина была слепа. Юноша заметил, что женщину будто бы расстроило то, что она не смогла войти внутрь, и, развернувшись, она села рядом с невидимым барьером на белый снег. Юноша больше не видел глаз, только ее спину.

Светловолосый юноша ждал, когда женщина наконец уйдет, но она не уходила. Она продолжала сидеть у ворот замка. Она даже не двигалась, просто сидела там, как будто времени для нее не существовало так же, как и для него.

Юноша все так же каждый день делал обход по своему замку, каждый день сидел на своем синем троне и каждый день подходил к невидимому барьеру. Все было так же, как и всегда. Но только теперь юноше не было одиноко, потому что возле ворот его замка так и продолжала сидеть женщина в черном платье.

Эта сказка понравилась Семену. Он представил этот монументальный синий замок в снежной долине. Это было действительно красиво. Но Семен понял, что это тоже была грустная сказка. Хотя все сказки Барыни были такими.

— Почему этот юноша не может выйти из этого замка? — спросил Барыню Семен, как только она закончила.

— Потому что он забыл, — ответила Барыня.

— Что именно он забыл?

— Забыл свою маму.

— А кто эта женщина в черном платье?»

— Это и есть его мама.

— Но почему же она не смогла зайти, а юноша не смог выйти?

Но Барыня не ответила Семену на этот вопрос. Потому что тоже не знала ответа.

Два маленьких чертёнка:

Два маленьких чертёнка долго обсуждали этот синий замок, юношу и женщину в черном, но тоже не смогли понять, почему юноша не мог выйти, а женщина не могла зайти.

Мальчик, который звал меня «мама»

Пересечение: Человеческая Эра | Век Кали | 2 цикл | 17-е тысячелетие & Серая Эра

Проснувшись утром, я, не вставая с кровати, написала короткий рассказ. Ощущения были странные. Когда я закончила, то кое-что вспомнила. Детский лагерь. Я работала там летом вожатой, кажется, это было после 1 или же 2 курса в первом университете. Я не смогла точно вспомнить.

Это был мой первый сезон в детском лагере. Мы приехали на два дня раньше детского заезда. И ждали прибытия первых автобусов. Вся первая смена — дети из реабилитационных детских домов. Мне дали, кажется, третий отряд с возрастом примерно 10-13 лет. А моей подруге, с которой я приехала в этот лагерь, достался старший отряд.

Я поняла, что не помню в деталях, что именно происходило за эти три недели первой смены. Только общий фон и какие-то конкретные эпизоды. Сам распорядок дня был классический для детского летнего лагеря — подъем, зарядка, завтрак, утренние кружки, обед, сончас, полдник, после которого чаще всего была подготовка к вечерней программе, либо дети играли во что-то, потом ужин и непосредственно сама вечерняя программа.

На каждый отряд было двое вожатых, но я не помнила своего напарника. Помимо этого у каждой группы был воспитатель, который приехал с ними из детского дома.

Я помню, что легко нашла с ними язык, с этими детьми. Несмотря на то, что постоянно орала на них. Изначально я пыталась общаться нормально, но поняла, что это не работает, они воспринимали только крик. Потом я увидела, что воспитатели общаются с ними точно так же — начинают кричать, когда те не слушаются. Дети постоянно носились по холлу корпуса. Но не все.

С головой практически у всех была беда. Что собственно и так было понятно изначально, потому что «нормальных» детей в реабилитационные детские дома не сдают.

У них не было открытого выхода из детского дома. И в их спецшколе не было других детей — только из детских домов. Дети росли в этом замкнутом, ограниченном мире.

Через несколько дней от вожатых посыпались жалобы, далеко не всем удавалось поладить с этими детьми. Они постоянно не слушались и делали все что хотели. Я подумала, что у меня возможно получилось, потому что в детстве я сама отдыхала в лагере, где тоже были дети из детских домов. Я с ними подружилась и даже как-то раз ездила к ним в гости в сам детский дом. Но это был обычный детский дом, не реабилитационный.

У моей подруги тоже в целом была налажена коммуникация, хотя ее отряд был сложнее моего. Но своеобразным образом. Она подружилась с «крышей» — тем, кто был главным. «Как в тюрьме», — подумала я тогда.

Она сказала, что сама удивилась, когда узнала, кто был главным. Парень был невысокого роста и не выглядел внушительно и, если правильно помню, носил очки.

Одной из проблем в моем отряде были дети, которые писались в кровать ночью. У них были клеенки, но почему-то не у всех. Но к моему счастью этот вопрос решала воспитательница. Помню, что несколько раз пришлось выносить матрасы. Я вспомнила, как стояла в проходе между спальной зоной и холлом, когда уже объявили отбой, и смотрела на несколько человек, которые продолжали сидеть на своих кроватях и раскачиваться. Как маятники — вперед-назад, вперед-назад. Кто-то не хотел спать и выбегал в холл, где получал пиздюлей от воспитательницы.

Я вспомнила, что когда мы пересекались с подругой, она рассказывала про инциденты в своем отряде. Кто-то в ее отряде чуть не нажрался стекла. Была история как кто с кем-то переспал. Хотя когда она тогда рассказала мне об этом, я уже знала эту новость от своих детей.

Еще одна «занимательная» история была про то, как какой-то пацан из младшего отряда отсосал старшему.

Я пыталась вспомнить инциденты в моем отряде. Из яркого был только один, когда мы отбирали ножницы у пацана, который хотел порезать руки. Как я потом поняла, это было уже не в первый раз.

Я общалась с вожатыми и других отрядов. Помню, как мы стояли у столовой. Рядом была девушка — вожатая самого младшего отряда. И многие дети, подбегая к ней, называли ее «мама», а она отвечала им. Так я узнала, что это своего рода норма. Кто-то тогда сказал: «Если они будут называть вас «мама» — не реагируйте. Вообще не вовлекайтесь, они часто так делают». Типа если они почувствуют, что вам не все равно, то не отстанут от вас.

Были дети с ДЦП. Они всегда по понятным причинам выделялись, когда шли по территории в столовую. Они всегда шли шеренгой, по-разному искривляясь в пространстве.

Я не помнила лиц детей, хотя я в принципе плохо запоминаю лица людей. Но мне запомнился один мальчик. Он был долговязый, кажется, самый высокий из моего отряда, у него были коротко постриженные под насадку белые волосы и такие же светлые ресницы и, кажется, голубые глаза, я не была уверена. Но помнила, что у него было косоглазие. Он тоже часто раскачивался сидя. И в какой-то момент он стал называть меня мамой. Но это меня вообще не трогало. Хотя иногда он прямо орал это не затыкаясь. Я не могла понять по какому принципу он меня выбрал, так как я могла на них достаточно жёстко орать. Как то моя подруга это увидела и сказала, что это ужасно. Но я только развела руками. Я как-то сказала этому мальчику, что я не его мама, в достаточно резкой форме, но его это вообще никак не впечатлило, он ответил, что типа нет, ты моя мама. После этого я просто пропускала это мимо ушей.

Иногда я слушала их истории. Одну я запомнила очень хорошо. Как отец убил на глазах ребенка его мать. И, кажется, это рассказывал именно тот долговязый светловолосый парень, который чаще всех получал от воспитательницы, потому что был самым гиперактивным. Он часто сидел со мной на диване в холле и пытался меня трогать. Но получал за распускание рук. «Если начать их обнимать, то они не слезут с тебя до конца смены». Что было видно по той мягкой девчонке, которую ее дети отряде называли мама. Они постоянно окружали ее и висели на ней.

Но мой характер сам по себе не был мягким. Я спокойно на все это реагировала. Меня не трогали эти дети. Я не вовлекалась в их истории. Но я и не боялась их, как некоторые. Может, поэтому они тянулись ко мне, так как не чувствовали страха. Несмотря на умственное понимание их тяжелой ситуации и отсутствия нормального будущего, так как они были вообще не подготовлены к выходу в социум, я ничего не чувствовала. Только один раз я будто бы отреагировала по другому. Но это было не сочувствие, а будто бы смятение. Когда уже после отбоя этот долговязый светловолосый мальчик не успокаивался, выбегая в холл, и воспитательница схватив его жёстко ударила. Кажется в тот момент я совершила ту же «ошибку», что и Маргарита, когда увидела Фриду.

Так как сегодня, когда я снова вспомнила этого мальчика, мне стало очень грустно. Я вспомнила его имя. Вася. Его звали Вася.

Встав наконец с кровати, я позавтракала и, продав тур, начала собираться. Решила съездить в центр, отвести договора в «Пегас». Заранее не планировала, но они уже вторую неделю ждали на столе и, раз у меня появилось настроение, я решила их отвезти. На улице дождило, я засунула договора в рюкзак и, немного подумав, решила кинуть зонт. Но когда вышла, не стала его доставать, так как шел дождь-спрей.

Мне нужно было отвезти два договора на разные юрлица. «Пегас» сидел в разных офисах, поэтому пришлось посетить оба, но, к счастью, они находились недалеко друг от друга. Когда я переходила между офисами, дождь усилился, и я достала зонт, но поняла, что бросила в

рюкзак старый с липкой ручкой. И как эта пластмасса стала такой? Поэтому я снова засунула зонт в рюкзак и пошла так.

Закончив в районе Владимирской, я решила прогуляться через центр. Я вышла к Фонтанке и пошла вдоль набережной в сторону Невы. Город весь декабрь тонул в сырости, что меня не могло не радовать. Снег, выпавший вчера, к счастью растаял, он так и не лёг надолго, и я надеялась, что не ляжет.

На одном из спусков к воде я увидела мусорку и, немного подумав, выкинула туда старый зонт. И сразу пришло, что я промокну. Но кто не любит мокнуть, тому не надо жить в Питере. Пока я шла вдоль Фонтанки, то ловила картинки разных эпох: как дамочки и кавалеры, гуляя по городу, садились на спусках к воде на небольшие лодочки, и лодочники перевозили их на другой берег, так как мостов в то время еще не было. Но я выбросила этот спам, разглядывая украшенный к Новому году город.

Дойдя до Летнего сада, я повернула налево и по дороге между Летним садом и Марсовым полем вышла к Неве. Когда я шла вдоль Летнего сада, дождь-спрей прекратился, и я порадовалась. Потому что температура была комфортная, то что нужно для прогулки.

Но когда вышла на Дворцовую набережную и пошла вдоль воды в сторону Эрмитажа, снова начался дождь. И подул ветер. В итоге, когда я дошла до Дворцового моста, по моему лицу уже во всю стекала вода. Пуховик намок, но не промок. Пройдя через Дворцовую площадь, я вышла на Невский и зашла в кафе. А после того как поела, села на метро и поехала домой, на Пулковские высоты.

Когда я приехала домой, то поняла, что этот мальчик из летнего лагеря никак не выходил у меня из головы. Его образ стоял фоном всю дорогу, пока я гуляла. Поэтому, сбросив вещи, я легла на диван и пошла в ментал.

Я оказалась в снежной долине. Опустив глаза вниз, я увидела свои босые ноги на свежем снегу. И увидела, что я была в своих черных лосинах и футболке. Кажется, я упустила, в какой момент я стала появляться здесь в своей одежде, а не в образах двойников.

Я осмотрелась и увидела впереди синий замок, который был единственным сооружением в поле видимости. И я пошла к нему, оставляя за собой вереницу свежих следов. Подойдя к воротам замка, я поняла, что они открыты. Но на входе стоял стеклянный барьер. Я подошла к барьеру и коснулась его указательным пальцем. Он пошел трещинами, и через некоторое время рассыпался осколками вниз. Я собралась войти в замок, но замок начал разрушаться вместе с барьером. Он будто бы падал вниз, уходя в землю. Я автоматически посмотрела вверх и увидела золотой огонек, который, вылетев из замка, полетел вверх и через некоторое время пропал в пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.